

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ
(СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Ежегодный сборник научных статей
бакалавров, магистрантов и аспирантов

РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Ежегодный сборник научных статей бакалавров, магистрантов и аспирантов

Душанбе
2023

**УДК 340(082)
П 78**

Проблемы современной юриспруденции: сборник научных статей бакалавров, магистрантов и аспирантов. – Душанбе: РТСУ, 2013. - 145 с.

Главный редактор: М.К. Файзулло, доктор экономических наук, профессор
Редакционная коллегия:

М.В. Русакова, кандидат филологических наук, доцент (зам. главного редактора);
Р.Г. Назарзода, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
(ответственный секретарь);
А.В. Золотухин, доктор юридических наук, профессор;
Т.И. Султонова, доктор юридических наук, профессор;
Х.Т. Носиров, доктор юридических наук, доцент;
Ш.С. Хамроев, кандидат юридических наук, доцент;
Р.А. Абдуллаева, доктор юридических наук, доцент;
Д.Х. Эльназаров, доктор юридических наук, доцент;
Ф.М. Аминова, доктор юридических наук, доцент;

Рецензенты:

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой предпринимательского права РТСУ Т.И. Султонова
д.ю.н., профессор кафедры гражданского права ТНУ К.Ш. Курбонов

В издание включены научные статьи аспирантов, бакалавров и магистрантов юридического факультета, выполненных под научным руководством преподавателей. В статьях рассматривается широкий круг актуальных вопросов по различным отраслям права.

Сборник предназначен для аспирантов, бакалавров и магистрантов юридических специальностей и широкого круга читателей.

Составители:

Золотухин А.В., д.ю.н., профессор
Назарзода Р.Г., преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистика

Рекомендовано к печати РИС РТСУ

Перечень требований к оформлению материалов и условия представления статей для публикации

1. Материалы для публикации принимаются только в электронном варианте и в объёме не более 10 страниц.

2. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

3. Автор (авторы) в соответствии с приведенными ниже требованиями должен оформить статью:

- поля: верхнее, нижнее, левое, правое – 2 см.

- текст: текстовый редактор MS WORD, шрифт - Times New Roman, размер – 12; стиль – обычный; интервал – одинарный; отступ – 1,00; выравнивание – по ширине; верхний и нижний колонтитулы – 1,25 см.

- порядок расположения текста:

• первая строка – название статьи **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ** жирным шрифтом - выравнивание по центру;

• вторая строка – интервал;

• третья строка - Ф.И.О. автора(ов) полностью (жирный шрифт) (выравнивание по центру). Каждый автор указывается в отдельной строке.

• четвёртая строка – квалификация автора (бакалавр, магистр, аспирант), отделение, курс (выравнивание по центру);

• пятая строка - полное название организации - место учебы автора в именительном падеже. Если все авторы статьи учатся в одном учреждении, можно не указывать место учебы каждого автора отдельно (выравнивание по центру);

• шестая и седьмая строка – почтовый индекс, страна, город, телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех), адрес электронной почты для каждого автора (выравнивание по центру);

• восьмая строка - интервал;

• девятая строка – название статьи на английском языке **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ** жирным шрифтом - выравнивание по центру;

• далее та же информация об авторе повторяется на английском языке (выравнивание по центру);

• далее аннотация на русском и английском языке не более 600 знаков (считая с пробелами) для аннотации на каждом языке (выравнивание по ширине);

• далее ключевые слова (приводятся на русском и английском языках) отделяются друг от друга точкой запятой (выравнивание по ширине);

• после пропущенной строки печатается основной текст статьи (выравнивание по ширине).

4. Ссылки на Список литературы: в тексте обязательны и оформляются после приведенной цитаты: [3, 12], где первая цифра - номер источника в списке литературы, вторая - страница. Подстрочные сноски не допускаются.

5. Список литературы: выполняется по ГОСТ 7.0.5-2008 и располагается в конце статьи после слова «Список литературы:»; сначала указываются нормативные источники в иерархичном порядке, затем – научная и учебная литература. Список оформляется в алфавитном порядке.

6. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть раскрыты при первом появлении их в тексте.

7. Номера страниц – не ставить.

Полную ответственность за содержание материалов несут авторы публикаций.

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Абдуллаева А.А. Право собственности в фактических брачных отношениях: проблемы теории и практики.....	7
Давлатова Ф.Б. Критерии добросовестности при разрешении вопроса о преддоговорной ответственности в гражданском праве.....	12
Джалилова М.М. К вопросу о понятии правоспособности граждан в гражданском и семейном праве.....	15
Джалилова М.М. Соотношение семейной и гражданской правоспособности.....	19
Зокирзод Я.З. Соотношение категорий добросовестности и злоупотребления правом.....	22
Исматзода Ф. Проблемные аспекты корреляции семейного права и иных отраслей права.....	25
Комронова Н.А. Новеллы правового регулирования договора франчайзинга (коммерческой концессии) в Республике Таджикистан.....	27
Махмудова Ш.Э. Характерные черты и особенности договора банковского вклада.....	30
Носиров Х.Т., Хушвахтова Д.И. Правовое регулирование трудовой миграции в Республике Таджикистан.....	32
Одинаева О.М. Проблемы правового регулирования защиты исключительного права на фирменное наименование Российской Федерации.....	36
Отаева Н.А. Дискуссионные подходы к понятию услуги в гражданском праве.....	38
Рахимбекова Р.У. Правовая природа договора перевозки как разновидности транспортных обязательств.....	41
Рахимбекова Р.У. Форма и содержание договора перевозки грузов и пассажиров.....	43
Рахмонзода Ф.Ю. Договоры в сфере интеллектуальной собственности: тенденции совершенствования законодательства.....	46
Салимзода Х.М. К вопросу о лишении родительских прав.....	49
Салимзода Х.М. Роль лишения родительских прав в предотвращении и прекращении домашнего насилия в отношении детей.....	52
Саторов П.Х. Содержание алиментных обязательств.....	55
Толибоев Н.М., Исмоилова З.И. Правовая характеристика субъектного состава договора ипотеки.....	58
Хайдарзода С.А. К вопросу о публичном договоре в гражданском праве.....	61
Хайдарзода С.А. Публичный договор как институт гражданского права.....	64
Хамиди О.Х. Некоторые правовые аспекты отчуждения государственного имущества посредством прямых торгов.....	66
Хамиди О.Х. К вопросу о внедрении электронных торгов в процессе приватизации объектов государственной собственности.....	69
Хушдилов А.А. Признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений по экономическим спорам: проблемы теории и практики.....	71
Хушдилов А.А. Признание и исполнение иностранных судебных решений как средство повышения эффективности правосудия.....	75
Холова М.У. Действие в чужом интересе без поручения и отношений представительства без полномочий: сравнительный анализ.....	78
Холова М.У. Договорные и внедоговорные обязательства: общие черты и отличия.....	82
Шоев Х.А. Личные неимущественные права исполнителя в современных условиях.....	85
Юлдашева О.А. Правовое регулирование условий заключения брака: тенденции реформирования.....	88

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Абдуллаева Р.А., Азизкулова М.А. Проблемные вопросы причины и условия преступлений, совершаемых в сфере здравоохранения.....	92
Азизкулова М.А. Неоказание помощи больному лицом медицинского персонала.....	95

Алифбеков А.Н. Проблемы обстоятельства исключают преступность деяния медицинских работников.....	97
Кодиров Ф.Х. Соотношение институтов амнистии и помилования в уголовном праве	101
Латипов И.М. Социальное значение деятельного раскаяния	104
Назарзода М.Г. Понятие, правовая сущность и назначение пожизненного лишения свободы	106
Саъдуллозода А.А. Правовые аспекты участия прокурора в судопроизводстве.....	111
Саъдуллозода А.А. Участие прокурора в стадии исполнения приговора.....	114
Саъдуллозода А.А. Роль прокурорского надзора на стадии предварительного расследования.....	117
Шокирова Д.Г. Объективные признаки присвоения и растраты.....	120
Шаронова Ш.П. Следственные действия понятие и особенности производства.....	122

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Джамолова Х.А. Особенности правового положения государственных унитарных предприятий.....	127
Каюмова М.А. Особенности предпринимательской деятельности некоммерческих организаций.....	130
Шерматова И.М. Правовая природа денежных средств.....	133

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Лютфиллозода Т.Л. Совет ООН по правам человека в современной международной правозащитной системе.....	139
Узакова М.Р. К вопросу об усыновлении российских детей иностранными гражданами.....	141

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ В ФАКТИЧЕСКИХ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Абдуллаева Амира Амировна

магистрант 2-го курса факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 907-85-98-68, e-mail:abdulloevamira@gmail.com

THE RIGHT OF OWNERSHIP IN MARRIAGE IN FACT: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Abdullaeva Amira Amirovna

2nd year undergraduate distant education student of the Faculty
of correspondence (distance) education
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str, 30
tel.: 907-85-98-68, e-mail:abdulloevamira@gmail.com

Аннотация. В данной статье освещаются проблемы теории и практики права собственности в фактических брачных отношениях, его сравнение с законным режимом имущества супругов. Также исследуются возможные методы и способы правового регулирования имущества фактических супругов законодательствами РФ и РТ.

Annotation. This article highlights the problems of theory and practice of property rights in marriage in fact, its comparison with the legal regime of property of spouses. It also examines possible methods and ways of legal regulation of property of de facto spouses by the legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan.

Ключевые слова: фактические брачные отношения, сожительство мужчины и женщины, право собственности, фактический брак, режим имущества супругов.

Key words: marriage in fact, cohabitation of men and women, de facto marriage, property right, matrimonial regime.

Зарегистрированный брак предполагает за собой законный режим имущества супругов. Гражданское и семейное законодательства Республики Таджикистан и Российской Федерации предусматривают совместную собственность супругов, то есть имущество, нажитое супругами во время брака путём осуществления трудовой, предпринимательской или интеллектуальной деятельности, получения пенсий, пособий и выплат, а также приобретения ценных вещей и бумаг. Однако даже в этом случае под защиту государства попадает и супруг, не имеющий постоянного дохода. В статье 34 Семейного кодекса РТ утверждается следующее: «Право на совместное имущество принадлежит также супругу, который в период брака осуществлял ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного дохода» [2]. Таким образом, мы видим, каким путём допустимо правовое регулирование имущественного режима супругов, но только в зарегистрированных в уполномоченных органах браках. Фактические брачные отношения не обладают подобной возможностью, так как не признаются ни законодательством Таджикистана, ни законодательством России, а потому не могут регулироваться СК и порождать, согласно ему, какие-либо права и обязанности между супругами.

Исторически правовое регулирование имущественного режима супругов претерпевало значительные изменения. Пертурбация общественного уклада, развитие товарно-рыночных отношений и усиление государственного аппарата в регулировании общественных отношений вынуждало искать решения возникшим проблемам в отношении права собственности супругов.

Так, ещё во времена РСФСР государство делало уклон на абсолютную экономическую автономность мужа и жены, чтобы добиться независимости вторых, тем самым исключая понятие совместного имущества. Данная норма указывается в 105 ст. Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном семейном и опекуном праве 1918 года [7]. Теперь

же наблюдается тенденция поддержки уязвимых слоёв – тех же жён и детей, чьи гражданские права, возникающие из семейных правоотношений, с заметным трудом подвергаются правовому регулированию со стороны государства. Многие вопросы имущественного характера, что были важными ещё несколько десятков лет назад, остаются актуальными и сегодня, ведь конечное решение для урегулирования всех вопросов права собственности в фактических брачных отношениях, так и не было найдено, несмотря на множественные исследования, проводимые в данной отрасли.

Стоит отметить, что имущественный режим супругов фактических брачных отношений рассматривается не только в наследственном праве в отношении детей, рождённых в неформальном союзе, так как «ведение совместного хозяйства», по мнению многих правоведов, считается одним из главных признаков «квазибраков», после добровольного союза и отсутствия регистрации в органах ЗАГСа. То есть в фактическом брачном союзе должны проследиваться элементы хозяйственно-бытовых отношений супругов, в противном случае, данные отношения могут и не попадать под определение «фактического брака» [11, 67]. Согласно семейному законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации, правовой режим имущества у супругов возникает лишь в случаях официальной регистрации их союза уполномоченным органом [2]. Таким образом сожителю, не зарегистрировавшему свой брак, сталкиваются со множеством проблем, имущественного характера, а потому установление прав имущественного режима супругов играет крайне важную роль. Ведь в фактических брачных отношениях также могут возникать обстоятельства, требующие правового регулирования, в частности, те, что напрямую затрагивают имущественный режим супругов. К примеру, вопросы наследования и содержания при рождении детей, признании одного из супругов недееспособным или его смерти, а также в случаях расторжения фактических брачных отношений. А принимая во внимание тот факт, что часто женщины в незарегистрированном браке по-прежнему остаются экономически зависимыми от мужей, занимаясь ведением быта и воспитанием детей, то они, следовательно, часто остаются без собственных средств к существованию [8, 106]. Ведь урегулирование вопросов, касающихся имущественного режима фактических супругов, является не только проблемой, но и первостепенной задачей семейного законодательства, которую необходимо решить.

Основным элементом, поддающимся правовому регулированию, в зарегистрированных брачных отношениях является совместно нажитое имущество, которое и делится между супругами при расторжении брака. Однако по факту фактические брачные отношения лишены данного элемента, с чем и связаны основные трудности разрешения споров, возникающие между лицами, состоящими в гражданском браке.

В РФ лишь отчасти имущественный режим супругов, состоящих в неформальном браке, регулируется нормами гражданского законодательства о долевой собственности (ст.244 ГК РФ) [5]. Предполагается, что сожителю в фактических брачных отношениях связаны доверительными отношениями, а потому ими не заключаются договоры, распространяющиеся на владение, пользование и распоряжение имуществом, совместно нажитого в незарегистрированном союзе. Однако это не мешает супругам, состоящим в подобных отношениях, всё же заключать между собой договоры, регулируемые нормами гражданского права, для дальнейшего определения долевой собственности имеющегося и «совместно нажитого» имущества между супругами. Тем не менее при прекращении фактических брачных отношений и при подаче иска одним из супругов о разделе имущества в суде необходимо определить, какой долей, прямо пропорциональной объёму инвестируемых вложений и труда, в праве собственности на имущество тот владеет.

Однако и в данном случае требуется доказывание сего юридически значимого факта, как и того, какая сумма средств была вложена в долевую собственность. Если, согласно ст. 35 СК РФ, в зарегистрированном браке для последующей реализации сделок с недвижимым имуществом, а также сделок, требующих нотариального удостоверения, необходимо нотариально удостоверенное согласие второго супруга, то на фактические брачные отношения при приобретении права на долю в праве собственности те же нормы Семейного законодательства уже не распространяются [3]. Как мы видим, данный вид судебного регулирования также не лишён недостатков ещё и потому, что уязвимая сторона фактического брака, а именно супруг, не имеющий регулярного дохода и средств,

занимающийся, к примеру, ведением быта и воспитанием детей, может оказаться в затруднительном материальном положении.

Иным вариантом для решения вопросов имущественного характера между супругами, что состоят в неформальных браках, является составление соглашения о простом товариществе, где будет учитываться вклад каждого из супруга, в том числе и нематериальный, в соответствии со ст. 1146 ГК РТ (ст.1041 ГК РФ) [4]. Соглашение о товариществе может заключаться на определённый срок или бессрочно, а прекращаться – с расторжением гражданского брака или смерти одного из супругов, состоящего непосредственно в фактических брачных отношениях [11, 69].

Потому граждане, состоящие в фактических брачных отношениях, в большинстве своём по-прежнему остаются незащищёнными со стороны государства в вопросах об имущественном режиме. Это связано, вероятно, с распространённой неосведомлённостью населения и нежеланием как-либо оформлять свои отношения. В Таджикистане снова играет роль диссеминируемый обычай многожёнства [8,106]. Муж, уже состоящий в зарегистрированном браке, едва ли станет заключать никаких соглашений с жёнами, с которыми создал неформальный союз, чтобы избежать наказания за многобрачие. Ведь согласно Конституции Республики Таджикистан, а именно 33 статьи, многобрачие запрещается [1]. В Уголовном Кодексе РТ, в 170 статье, отмечается, что «сожитительство с двумя или несколькими женщинами с ведением общего хозяйства – наказывается...» [6]. В РФ многобрачие декриминализовано.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что государство, в виде органов, уполномоченных урегулировать имущественные отношения лиц, состоящих в сожительстве, не признаёт никакого правового значения за фактическими брачными отношениями. Следовательно, между супругами, состоящими в фактических брачных отношениях, не возникают никакие права или обязанности. Как в Таджикистане, так и в России Семейного законодательства, как правило, не распространяется на регулирование имущественного режима супругов, состоящих в незарегистрированном браке. В судебной практике при рассмотрении дел, касающихся имущества фактических супругов, применяются нормы Гражданского законодательства. Несмотря на то, какое распространение сегодня получают фактические брачные отношения в Республике Таджикистан и Российской Федерации, законодательства этих стран по-прежнему не признают никакой юридической значимости и правовых последствий за неформальными браками, в том числе и в вопросах наследования, раздела имущества и содержания. Фактические супруги не владеют никакими правами и не несут никакие обязательства перед друг другом.

Стоит отметить, что отсутствие регистрации брака играет ключевую роль и для кредиторов. Согласно ст. 46 СК РТ (ст. 45 СК РФ), по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено на исключительно принадлежащее ему имущество [2]. Однако в случае недостаточности имущества супруга кредитор может требовать выдела доли супруга-должника, причитающуюся ему при разделе совместно нажитой собственности. Согласно ч. 2 ст.46 СК РТ, взыскание обращается на общее имущество супругов даже по обязательствам одного из супругов, если судом будет установлено, что все, полученное по обязательствам одним из супругов, было использовано на нужды семьи [2]. Обязательства, возникшие в момент нахождения в браке, в интересах семьи также могут быть признаны общими, а при расторжения брака распределиться между обоими супругами прямо пропорционально присужденным им долям. То же касается и случаев о банкротстве супруга-должника. Таким образом мы видим, какую роль играет имущественный режим супругов в иных частноправовых вопросах, в то время как фактические брачные отношения не влекут за собой никаких подобных последствий, отчего могут быть нарушены интересы не только гражданских супругов, но и третьих лиц. Но в этом случае при судебной практике допустимо принятие во внимание нормы законодательства, оценивающих правомерность поведения субъектов, в частности, ст. 10 ГК РТ (ст.10 ГК РФ), не допускающая намеренные действия лиц, направленных на причинение вреда другим лицам, злоупотребление правом в иных формах, а также требующая разумного, справедливого и добросовестного соблюдения правовых норм [4].

Именно добросовестное поведение гражданских супругов, как участников гражданско-правового оборота, может являться ключевым фактором для урегулирования имущественных вопросов судами не только в отношении друг друга, но и третьих лиц. А потому гражданин,

состоящий в фактических брачных отношениях, которые обладают всеми существенными условиями брака, так или иначе попадающие под категорию гражданско-правового договора, в случае возникновения претензий у другого гражданского супруга или обязательств перед третьими лицами, обязуется разделить между вторым супругом имущество на равные доли. Он также обязан раскрыть информацию об имуществе третьим лицам, в соответствии с указанными нормами ГК РТ.

В противном случае, именно суд, призванный на удовлетворение интересов добросовестной стороны, а также его защиту, обязан применить все законные меры. Рассматривая все существенные условия фактических брачных отношений как гражданского договора, за исключением его регистрации уполномоченным в законном порядке органом, имущество одного из гражданских супругов можно отнести к совместно нажитому, руководствуясь нормами ГК РТ, в частности, принимая во внимание выше указанную 10 статью, а уже после применять к совместному режиму фактических супругов нормы Семейного законодательства. Однако в соответствии со ст. 80 ГК РТ (ст. 1049 ГК РФ), если между фактическими супругами всё же было заключено соглашение о простом товариществе, то кредитор вправе предъявить требование о выделе его доли в общем имуществе. После чего допустимо применение норм Гражданского законодательства, а именно п.1 ст.331 ГК РТ.

Для защиты интересов третьих лиц, в том числе и кредиторов, стоит взять во внимание практику из США. К примеру, в случаях, когда гражданский супруг приобретает недвижимое имущество на имя второго супруга, а также перечисляет тому все средства, полученные с предпринимательской деятельности, а после объявляет себя банкротом во избежание исполнения обязательств перед кредиторами [13,184]. Согласно теории «implied contract», то есть подразумеваемых соглашений, если выясняется факт наличия фактических брачных отношений у супруга-должника, а фактические доходы сожителя, на имя которого было приобретено имущество, являются недостаточными для его покупки, могут потребоваться объяснения у супруга-обладателя относительно источников появления соответствующих средств для последующего приобретения путём, к примеру, обращения в суд кредиторами. Тем не менее в ряде зарубежных государств правовое значение фактических брачных отношений, в особенности имущественный режим супругов, состоящих в таких союзах, порождают определённые юридические последствия. Например, в Федеративной Республике Германии, Французской Республике, Швейцарской Конфедерации, Португальской Республике, а также в ряде стран скандинавского региона [1, 691]. Многие отечественные и российские правоведы также считают необходимым соответствующие изменения в законодательствах, позволяющие защищать имущественные права супругов, состоящих в фактических брачных отношениях [12, 227].

К примеру, В.С. Панин в своей работе «Фактические брачно-семейные отношения: проблемы теории, законодательства и практики» предлагает для дальнейшего урегулирования имущественных отношений фактическим супругам заключать соглашение, рассматривающее вопросы алиментирования, в том числе и детей, а также их воспитание [10,303]. Таким образом, он подразумевает допущение заключения между сожителями подобие брачного договора перед их вступлением в фактические брачные отношения. Похожего мнения придерживается и Е.Ю. Ламейкина, считающая необходимым заключения между фактическими супругами специального соглашения, регулирующего, в том числе, и вопросы содержания одного супруга другим [9,194]. Автор исследования солидарен с вышеуказанным мнением, однако и при таких допущениях возникают определённые трудности.

Иным вопросом является неосновательное обогащение одного из супругов, состоящего в фактических брачных отношениях. Неосновательное обогащение также является причиной для подачи иска другим супругом, руководствующимся п.1. ст.1227 ГК РТ [4] (п.1 ст. 1102 ГК РФ). [5] К примеру, один из сожителей, инвестируя средства в имущество второго, после расторжения гражданского брака начинает требовать взыскание с имущества фактического супруга в качестве неосновательного обогащения. Тем не менее, в соответствии со ст.1234 ГК РТ (п.4 ст.1109 ГК РФ), требование истца может быть не удовлетворено. Но только если ответчиком будет доказано, что требующий возврата имущества гражданский супруг знал об отсутствии обязательства либо представил имущество в целях благотворительности, ведь денежные средства и имущества, переданные во исполнение несуществующего обязательства, не подлежат возврату.

На практике российского судопроизводства встречаются решения в удовлетворении интересов ответчика, ведь, как правило, все имущественные расходы и вклады, сделанные в фактических брачных отношениях супругами, рассматриваются как безвозмездные. Точно такое же решение вынес Верховный суд РФ в недавнем Определении от 16.06.2020 г. N 5-КГ20-29 СКГД (Судебная коллегия по гражданским делам) по делу о строительстве и обустройства дома одним гражданским супругом на земельном участке другого. Так как стороны в тот момент состояли в фактических брачных отношениях, а также в силу отсутствия обязательств перед ответчиком в требовании о взыскании неосновательного обогащения первым сожителем у второго было отклонено, ведь вложенные истцом средства были добровольными и безвозмездными. Исходя из вышеописанного, Верховный Суд РФ установил допущение, что все имущественные отношения между лицами, состоящими в фактических брачных отношениях, носят безвозмездный характер.

Исходя из всего вышесказанного, можно подвести следующие итоги. Прежде всего, право собственности лиц, состоящих в фактических брачных отношениях, обладает целым рядом особенностей регулирования. Сегодня данный институт в Республике Таджикистан и в Российской Федерации, в отличие от некоторых зарубежных стран, с трудом поддается правовому регулированию со стороны государства из-за отсутствия прямых регулирующих норм. Из-за этого, как правило, суды лишены оснований для удовлетворения исков гражданских супругов в вопросах раздела имущества, алиментирования, наследства, рассматривая имущественные отношения сожителей лишь как гражданско-правовые. Ввиду этого бедственное положение занимает уязвимая сторона, в частности, жёны, лишённые дохода на момент фактических брачных отношений. Нередки случаи, когда отсутствие имущественного режима гражданских супругов нарушает права третьих лиц [10, 71].

Именно поэтому многие правоведы считают обязательным изменение Семейного законодательства, что позволило бы регулировать право собственности фактических супругов. Ещё одним вариантом для решения имущественных вопросов между гражданскими супругами является, по их мнению, обязательное составление подобия брачного договора, регулирующего не только право собственности лиц, состоящих в незарегистрированном браке, но и вопросы содержания и воспитания детей, рождённых в таком союзе [12, 228].

Список литературы

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (ред. от 22.05.2016) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан. – Режим доступа: Конституция Республики Таджикистан | Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан (ncz.tj) (дата обращения: 02.09.2023)
2. Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 г. №682 (ред. от 24.02.2017 №1395) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан. – Режим доступа: Семейный кодекс Республики Таджикистан | Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан (ncz.tj) (дата обращения: 07.09.2023)
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. №223-ФЗ (ред. от 30.05.2017 №363-ФЗ) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система в РФ «КонсультантПлюс». – Режим доступа: "Семейный кодекс Российской Федерации" (СК РФ) от 29.12.1995 N 223-ФЗ (последняя редакция) \ КонсультантПлюс (consultant.ru) (дата обращения: 07.09.2023)
4. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 30 июня 1999 г. №802 (ред. от 01.07.2023 №1918) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан. – Режим доступа: 1918_ru.pdf (ncz.tj) (дата обращения: 12.09.2023)
5. Гражданский кодекс Российской Федерации от 21 октября 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 18.07.2008 №1108-ФЗ) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система в РФ «КонсультантПлюс». – Режим доступа: Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) \ КонсультантПлюс (consultant.ru) (дата обращения: 13.09.2023)
6. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. №574 (ред. от 19.07.2022 №1896) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан. – Режим доступа:

Уголовный кодекс Республики Таджикистан | Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан (ncz.tj) (дата обращения: 20.09.2023).

7. Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном семейном и опекунском праве от 22 октября 1918 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал информации. Режим доступа: Кодекс законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве (pravo.gov.ru) (дата обращения: 13.09.2023).

8. Касымова С.Р. Таджикское общество: традиция и практика многоженства // Вестник Евразии, 2006. - №4 – С.104-108.

9. Ламейкина Л.Ю. Особенности осуществления и защиты права собственности супругов: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – 194 с.

10. Панин В.С. Фактические брачно-семейные отношения: проблемы теории, законодательства и практики// М.: Юрайт-Издат., 2014. – 303с.

11. Орловская А.В. Фактический брак (сожительство) в законодательстве европейских государств [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. – 2012. – Режим доступа: Фактический брак (сожительство) в законодательстве европейских государств (cyberleninka.ru) (дата обращения: 30.09.2023)

12. Фарманлы Орхан Сехран оглы. Специфика правового регулирования имущественных отношений в фактических брачных отношениях в современной России [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. – 2017. – Режим доступа: Специфика правового регулирования имущественных отношений в фактических брачных отношениях в современной России (cyberleninka.ru) (дата обращения: 30.09.2023)

13. A.A. Obukhov. Marriage contract in Russian Federation and Foreign Countries [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. – 2020. – Режим доступа: Marriage contract in the Russian Federation and foreign countries (cyberleninka.ru) (дата обращения: 30.09.2023).

КРИТЕРИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСА О ПРЕДДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Давлатова Фарахнуш Баходуровна

магистрант 1-го года обучения факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

CRITERIA OF FAIR WHEN RESOLVING THE ISSUE OF PRE-CONTRACTUAL LIABILITY IN CIVIL LAW

Davlatova Farakhnush Bahodurovna

Master's student of the 1st year of study at the correspondence department of the
Faculty of correspondence (distance) education
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты института преддоговорной ответственности в гражданском праве. В частности, исследованы многообразие толкования понятия «добросовестности» и проблемы, связанные с отсутствием общего знаменателя относительно выделения ее особых свойств.

Annotation. The article examines the theoretical and practical aspects of the institution of pre-contractual liability in civil law. In particular, the diversity of interpretation of the concept of "conscientiousness" and the problems associated with the lack of a common denominator regarding the identification of its special properties have been studied.

Ключевые слова: гражданское право, договор, добросовестность, преддоговорная ответственность, договорные отношения.

Key words: civil law, contract, good faith, pre-contractual liability, contractual relations.

Концептуальное представление о правильности построения гражданско-правового диалога - предмет множества научных работ. Его формирование, как отмечается учеными, является основой не только для построения определенной модели договорного взаимодействия, но и позволяет выработать видение о справедливости такого взаимодействия, а также определить какие именно законодательные коррективы помогут добиться того, чтобы упомянутая справедливость не была эфемерной.

Как справедливо подметил автор диссертационного исследования «Несправедливые условия договора в российском гражданском праве» О.И. Мягкова, законодательное представление о создании формата «справедливых отношений» в отечественной цивилистике - процесс, который требует усилий не только со стороны тех, кто находится во главе социальных инициатив и непосредственно влияет на образование необходимой гражданской (правовой) составляющей, но и тех, кто своими действиями реализует ее на практике [5, 31].

Между тем, в большинстве случаев, когда речь идет о таких правовых категориях, как своевременность, обязательность, добросовестность, законодатель не отражает в полной мере их сущности, а упоминание в законе о их существовании скорее оставляет вопрос их осмысления и реализации сторонам договора. Поэтому, вполне показательно, что стороны, даже строго следуя принципам договорной логики, не всегда могут предугадать развитие событий, или, как показывает практика, учесть всевозможные риски, часть которых, порой, формируется по причине некачественного составления соглашения [5, 101].

Более того, рассматривая понятие «добросовестность», критерии которого до настоящего времени вызывают достаточно много споров в научной среде, очень сложно выработать определение, которое позволяло бы сторонам учесть всевозможные факторы и тем самым исключить из зарождающихся отношений негативную составляющую на первоначальном этапе их формирования. Из чего следует, что аспект необходимого взаимодействия между органами субъектами гражданского права, а также продуктивности решений (договоренностей), принимаемых по его результатам, с точки зрения такой важнейшей составляющей как «добросовестность», справедливо замыкается на активность последних. При этом, на законодателя только возлагается задача создания модели, позволяющей гражданам максимально эффективно реализовывать свои права в части возможности реализации своих притязаний на конкретный интерес. Следовательно, вопрос создания безопасной «договорной среды» - прерогатива самих участников.

Вместе с тем, при оценке факторов, влияющих на конфигурацию понятия «добросовестность», отдельное внимание привлекает вопрос распределения ответственности на те зоны гражданско-правового поведения, где риски носят наиболее вероятностный характер. В частности, в большей степени это связано с преддоговорной стадией развития отношений, на этапе которой контрагенты предпринимают (или должны предпринимать) действия, содержащие признаки договорной конклюдентности. Здесь вопрос договорной добросовестности может иметь наиболее острое значение, так как приготовления к заключению соглашения могут иметь различное выражение, в том числе включающее в себя совершение действий, носящих безвозвратный характер, выражающихся в значительных материальных затратах.

Для более предметной оценки такого выражения, как «добросовестность» на преддоговорной стадии развития отношений, необходимо затронуть его основные признаки, и в соответствии с общим представлением о его природе и свойствах, дать оценку его сущности с точки зрения гражданского права. Не будем заострять внимание на позиции ученых по данному вопросу, скажем лишь только то, что с точки зрения цивилистов (как отечественных, так и зарубежных) черты добросовестности могут выражаться в следующем: четкое следование условиям договора, недопущение случаев злоупотребления правом, выполнение обязательств, внедоговорное уведомление о возможном развитии событий, не предусмотренных соглашением.

Разнообразие выражения эссенции «добросовестность» в гражданском праве основано на том, что исследователи пока еще не могут прийти к общему знаменателю относительно

выделения его особых свойств. В этом отношении доктринальная логика переполнена различными мнениями и суждениями, что, несомненно, сказывается на правильности его понимания с точки зрения законодательного закрепления.

В дополнение ко всему, добросовестность как фактор отражения сущности права в целом может охватывать разнообразные сферы социального взаимодействия (семейные отношения, публичные отношения, вещное право, и др.), а потому принципы определения этого понятия также могут быть разными [3, 29]. При этом, что характерно, в гражданско-правовой доктрине понятие «добросовестность» воспринимается не только как принцип, но и как: средство, обязанность, оценочная категория иных составляющих права, и даже как подвид ответственности.

В свою очередь, в правоприменительной доктрине его сущность раскрывается за счет определения следующих факторов: нарушение требований действующего законодательства, а также выход за рамки договорной конкуренции. Между тем, в общеправовой концепции оценки установленного принципа Верховный Суд РФ предлагает признавать недобросовестным поведением то, которое может отходить от предполагаемого сторонами гражданского оборота, и способствует внесению в имеющиеся отношения неконструктивной (разрушающей) составляющей. В последнем случае, правоприменительная логика нередко развивается по пути построения превентивной модели реагирования, затрагивающей в том числе и вопрос преддоговорной составляющей сложившихся отношений.

Между тем на практике применения указанных положений складывается картина, включающая в себя парадоксальные случаи. Например, известны случаи, когда стороны стараются взыскать убытки в порядке ст. 434.1 ГК РФ не по переговорам, а по обязательствам, вытекающим из предварительного договора. Во-первых, природа ответственности по обязательствам из добросовестного ведения переговоров и тех, что вытекают из предварительного соглашения, различна. В первом случае, ответственность носит деликтный характер, во втором, модель защиты строится на учете именно договорного интереса. Во-вторых, меры ответственности при защите указанных интересов различны: понуждение к заключению соглашения и возмещение убытков. В-третьих, различны и цели применения данных мер.

Таким образом стоит констатировать, что «добросовестность» - это явление изначально неправовое, хотя и используется активно в праве, как сегмент оценки поведения. Именно по этой причине, приведя пример с предварительным договором, мы сделали вывод о том, что применение принципа добросовестности преддоговорных отношений возможно и к отношениям, которые вытекают из его заключения, но лишь в том случае, если их конъюнктура носит именно преддоговорной характер. Именно по этой причине, суды и допускают ошибки, по сути, не видя разницы между добросовестностью в схожих отношениях [3, 30].

С другой стороны, стоит отметить, что преддоговорная основа еще не так развита, чтобы затронутые указанным исследованием принципы оценки совершаемых сторонами действий могли сформироваться в окончательной форме. Предположение законодателя о признаках «недобросовестности» скорее становится точкой отсчета в его проявлении в преддоговорных отношениях, но не решает проблему с её устранением [4, 130]. Происходит как бы их постоянное апробирование, в том числе сопровождаемое конкретной практикой. Да, есть законодательное представление, правоприменительное видение, но, те проблемы, которые мы затронули свидетельствуют о том, что указанных позиций для наведения порядка явно недостаточно. И ничего нельзя сделать, ибо динамика развития отношений перманентна, а потому реальность просит пересматривать их качество, вне зависимости от того, насколько те или иные отношения могут быть прозрачными и безопасными для действий сторон [2, 71].

Положения ст. 434.1 ГК РФ не исключение. Здесь, законодатель дает оценку отношений с точки зрения добросовестности, при этом им перечисляются ряд действий, которые, по его мнению, могут формально отражать её сущность, а то насколько они могут оказаться недобросовестными, будет определять суд или иной орган, уполномоченный давать соответствующую оценку. Однако, это не повод, чтобы не прибегать к той позиции, которая позволяет установить, что действия в преддоговорных отношениях могут быть признаны недобросовестными при конкретных случаях, случаях, указанных в законе, но это совсем не значит, что именно такие случаи позволяют получить объективное (исчерпывающее) представление о добросовестности в преддоговорных отношениях.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
2. Автонова Е.Д., Астапенко П.А., Борейшо Д.В. и др. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» (часть 3) // Вестник экономического правосудия РФ. - 2019. - № 11. - С. 71-126.
3. Вербицкая И.К. Актуальные вопросы распределения рисков в договоре строительного подряда // Право. - 2021. - № 4(72). - С. 29-35.
4. Карлявин И.Ю. Методологическое значение категорий fides (совесть) и bona fides (добрая совесть) в римском частном праве // Lex Russica (Русский закон). - 2015. - № 1. - С. 130-140.
5. Мягкова О.И. Несправедливые условия договора в российском гражданском праве: дисс...канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2020. - 223 с.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРАВОСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАН В ГРАЖДАНСКОМ И СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

Джалилова Мархабо Махмуджоновна

магистрант 2-го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT OF LEGAL CAPACITY OF CITIZENS IN CIVIL AND FAMILY LAW

Jalilova Markhabo Makhmudjonovna

2nd year undergraduate full-time student at the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. Категория правоспособности относится к числу методологических, ключевых как в теории права, так и в конкретных отраслевых науках. Сквозь призму этих правовых явлений законодатель определяет условия, при которых гражданин может стать субъектом прав и обязанностей соответствующей отраслевой принадлежности. Однако современное семейное законодательство, не содержит собственной дефиниции правоспособности. Это, на наш взгляд, в значительной степени объясняется длительным существованием семейного права (и как отрасли науки, и как отрасли законодательства) «под патронажем» права гражданского.

Annotation. The category of legal capacity is one of the methodological ones, key both in the theory of law and in specific branch sciences. Through the prism of these legal phenomena, the legislator determines the conditions under which a citizen can become the subject of the rights and obligations of the relevant industry. However, modern family legislation does not contain its own definition of legal capacity. This, in our opinion, is largely explained by the long existence of family law (both as a branch of science and as a branch of legislation) “under the patronage” of civil law

Ключевые слова: правоспособность, гражданское право, семейное право, правосубъектность, гражданин.

Key words: legal capacity, civil law, family law, pro-personality, citizen.

В действующем Семейном кодексе Российской Федерации [4] (далее СК РФ) и Семейном кодексе Республики Таджикистан [3] (далее СК РТ) не содержится легального определения понятий правоспособности. Проанализировав эти понятия, можно прийти к

выводу, что в семейном праве представляется возможным использование понятий правоспособности, которое содержится в Гражданском кодексе Российской Федерации [2] (далее ГК РФ) и Гражданском кодексе Республики Таджикистан [1] (далее ГК РТ).

Для начала следует определиться с категорией правосубъектности.

Я.Р. Веберс замечает, что правосубъектность выражает признание лица в качестве субъекта правоотношений вообще, а также квалификацию его в качестве субъекта или возможного субъекта конкретных субъективных прав и обязанностей. Иными словами, она обозначает субъектный состав в правовых институтах и возможность быть субъектом как права вообще, так и конкретных субъективных прав и обязанностей [8, 26].

По мнению М.В. Кротова, правосубъектность понимается не как набор качеств, которыми должны обладать субъекты гражданского права в целом, а как признак, которым, согласно закону, наделяется отдельный субъект для признания его участником гражданских правоотношений [9, 112].

Современная цивилистическая наука определяет правосубъектность как социально-правовую возможность лица быть участником гражданских правоотношений [11, 9]. Как справедливо указывает В.С. Ем, по своей сути правосубъектность представляет собой право общего типа, обеспеченное государством материальными и юридическими гарантиями. Наделение субъекта правосубъектностью есть следствие существования длящейся связи субъекта и государства. Именно в силу наличия такой связи на всякое правосубъектное лицо возлагаются обязанности принципиального характера: соблюдать законы и нравственные нормы, осуществлять субъективные гражданские права в соответствии с их социальным назначением. Данные обязанности корреспондируют правосубъектности как субъективному праву общего типа [10, 125-126].

Следовательно, под правосубъектностью граждан понимается наличие у него качеств субъекта права, т.е. правоспособности и дееспособности [9, 151].

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 17 ГК РФ и п.1. ст. 18 ГК РТ под гражданской правоспособностью гражданина понимается способность иметь гражданские права и нести обязанности. Категория «правоспособность» выступает общей предпосылкой для возникновения конкретных субъективных прав и обязанностей и тем самым их реализации. Как правильно заметил С.Н. Братусь, правоспособность — не что иное, как дарованная позитивным правопорядком способность быть юридико-техническим носителем прав и обязанностей [7, 27].

О.А. Красавчиков заметил, что правоспособность выступает в виде общей основы, определяющей характер и объем прав, которые могут находиться в обладании данного субъекта [13, 37-39].

В противовес данной позиции О.А. Красавчикова выступила Н.В. Козлова, отметив спорность утверждения автора о том, что правоспособность является не правом, а именно способностью, возможностью обладать субъективными правами и обязанностями. По мнению Н.В. Козловой, правоспособность как субъективное право нельзя смешивать с конкретными субъективными правами, возникшими в результате ее реализации, в соответствии с законом и на основании конкретных юридических фактов. Эти конкретные субъективные права именуют правомочиями [11, 12].

Правоспособность является правом в виде возможности иметь права, но не субъективным правом. Субъективным правом является мера возможного (дозволенного) поведения, предоставленная конкретному субъекту нормами права в целях удовлетворения его интересов, обеспеченная корреспондирующей обязанностью другого субъекта правоотношения и гарантированная государством. Как заметила В.А. Рыжова, правоспособность является необходимой предпосылкой для обладания конкретными субъективными правами и несения по ним корреспондирующих обязанностей. Такой подход позволяет рассматривать гражданскую правоспособность как элемент правосубъектности, необходимый и достаточный для участия лица в гражданских правоотношениях [15, 8].

В юридической литературе различие правоспособности и субъективных прав подчеркивали многие исследователи. Так, С.Н. Братусь отмечал, что содержание правоспособности составляет не фактическое обладание правами и обязанностями, а лишь способность к такому обладанию. Как известно, правоспособность есть лишь необходимое условие для правообладания, принадлежащая каждому субъекту права абстрактная возможность иметь любые признанные законом права и обязанности, необходимая

предпосылка субъективного права [6, 11].

М.М. Агарков утверждал, что обладание полной гражданской правоспособностью означает возможность иметь любые основанные на законе права и обязанности, но не обозначает фактического обладания конкретными субъективными правами [5, 284-285].

О.А. Красавчиков писал, что правоспособность является не правом, а именно способностью, возможностью обладать субъективными правами и обязанностями. Причем правоспособность представляет собой суммарное выражение прав, носителем которых может быть субъект [13, 39-40].

Не случайно даже сторонники рассмотрения правоспособности как субъективного права подчеркивают, что правоспособность нельзя смешивать с конкретными субъективными правами, возникшими в результате ее реализации [10, 116]. По этой причине, на наш взгляд, является некорректным определение, что правоспособность юридического лица есть совокупность прав и обязанностей, которыми оно обладает и которые использует в соответствии с законом при осуществлении предпринимательской деятельности [14, 60].

Следует подчеркнуть, что непосредственное влияние на семейные отношения имеет изменение гражданской дееспособности. Между гражданской дееспособностью и семейной правоспособностью существует прямая связь. Ограничение или лишение гражданской дееспособности влечет за собой ограничение или же лишение семейной правоспособности. Связь этих двух явлений настолько крепкая, что можно с полной уверенностью говорить о том, что понятия правоспособности и дееспособности в гражданском и семейном праве одинаковые.

По этому вопросу существует большое количество других мнений. Одно из них принадлежит Я.Р. Веберсу, автору монографии, которая посвящена исследованию правоспособности и дееспособности в семейном и гражданском праве. Так вот он считал, что в семейное право нельзя механически переносить соответствующие гражданско-правовые категории. При этом он отмечает, что эти понятия являются настолько близкими друг другу, что рассматривать их можно только совместно, в пределах одного исследования.

Я.Р. Веберс дает определение семейной правоспособности как способности в соответствии с законом совершать семейно-правовые акты, а также иметь личные имущественные и неимущественные права и обязанности, которые предусмотрены законодательством о браке и семье [8, 11].

Такое определение правоспособности можно назвать неудачным. Во-первых, в содержание понятия правоспособности не нужно включать способность «совершать акты». В этом случае непонятно, о чем конкретно идет речь. Если речь идет о способности совершать такие акты своими действиями – то это элемент дееспособности, а если же имеется в виду возможность абстрактная, то тогда почему речь идет только об актах? Ведь в содержание понятия правоспособности входит возможность совершать поступки.

Спорным является и указание на то, что в семейном праве субъекты могут иметь лишь права и обязанности, которые предусмотрены семейным законодательством. В гражданском праве субъекты могут иметь права и обязанности как предусмотренные законом, так и не предусмотренные, однако не противоречащие ему.

Семейное же законодательство не содержит исчерпывающих сведений о том, какими же именно правами и обязанностями обладают субъекты семейных правоотношений. Значит можно сделать вывод о том, что «разрешено все, что не запрещено законом», т.е. мы можем допустить, что в семейном праве можно иметь права, которые законом не предусмотрены.

Основываясь на всем вышесказанном, от определения правоспособности в семейном праве, приведенного Я.Р. Веберсом, остается только «способность иметь личные имущественные или неимущественные обязанности» - а это определение правоспособности, схожее с его определением в гражданском праве.

Как указывает Е.В. Косенко, в состав правоспособности в семейном праве входят: 1) способность к вступлению в брак; 2) способность к усыновлению или удочерению; 3) способность быть назначенным опекуном или же попечителем и т.д. Эти возможности не могут осуществляться до момента достижения лицом определенного возраста, а также не могут осуществляться и его законными представителями [12, 10]. Но тут возникает вполне закономерный вопрос. Если семейная правоспособность возникает с момента рождения, то указанные выше элементы также присутствуют в составе семейной правоспособности, или же они, все-таки, появляются только по достижении определенного возраста? Ка

представляется, семейная правоспособность возникает с рождения, и по достижении определенного возраста – расширяется. А невозможность осуществления прав при помощи иных лиц имеет место быть не только в семейном, но и в гражданском праве.

И, наконец, отметим, что в семейном праве не существует запрета закона совершать акты, которые направлены на ограничение правоспособности. В семейном законодательстве есть только одно упоминание о таком запрете, оно содержится в ст. 42 СК РФ и СК РТ – недопустимость включения в брачный договор условий, которые ограничивают правоспособность и дееспособность. Этот принцип необходимо распространить и на любые другие семейные соглашения и односторонние акты субъектов семейного права.

В целом, всеми исследователями указывается, что семейная правоспособность – способность (точнее, возможность) иметь семейные права и обязанности. А содержание семейной правоспособности можно обозначить, как возможность вступать в брак; признавать или оспаривать отцовство или материнство; осуществлять родительские права и обязанности по воспитанию, образованию, материальному обеспечению, защите прав и интересов детей; усыновлять детей; создавать приемные семьи; иметь другие семейные (личные и имущественные) права и обязанности [16, 93].

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года, №1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30447927 (дата обращения: 23.08.2023).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть 2 от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 29.08.2023).
3. Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 г. (ред. 26.12.2011 г. №791) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/90339/104080/F1297490250/TJK90339%20Rus.pdf> (дата обращения: 25.08.2023).
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (дата обращения: 25.08.2023).
5. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву: избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. I. М., 2002. – 490 с.
6. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. - М., 1950.- 376 с.
7. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. - М., 1947. – 364 с.
8. Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. - Рига, 1976. – 231 с.
9. Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. - М.: Проспект, 2007. – Т.1. - 776 с.
10. Гражданское право (общая часть): учебник: в 4 т. //под ред. Е.А. Суханова. - М. Волтерс Клувер, 2008. – Т.1. – 496 с.
11. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. - М.: Статут, 2005. - 476 с.
12. Косенко Е.В. О составе семейной правосубъектности // Право. Законодательство. Личность. 2015. - № 2 (21). - С. 9-12.
13. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. - М., 1948. – 182 с.
14. Мольков Ю.В. Гражданская правоспособность сельскохозяйственных коммерческих организаций // Реформирование сельскохозяйственных предприятий: правовые проблемы. - М., 1996. – 67 с.
15. Рыжова В.А. Институт правоспособности юридических лиц: дисс. ..канд. юрид. наук. - М., 2006. - 156 с.
16. Чогулдуров С.Б. О семейной правоспособности и дееспособности // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. - 2016. - Т. 16. - № 6. - С. 92-94.

СООТНОШЕНИЕ СЕМЕЙНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСПОСОБНОСТИ

Джалилова Мархабо Махмуджоновна

магистрант 2-го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

RELATIONSHIP OF FAMILY AND CIVIL CAPACITY

Jalilova Markhabo Makhmudjonovna

2nd year undergraduate full-time student at the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется соотношение семейной и гражданской правоспособности. Современное семейное законодательство, не содержит собственной дефиниции правоспособности. Это, на наш взгляд, в значительной степени объясняется длительным существованием семейного права (и как отрасли науки, и как отрасли законодательства) «под патронажем» права гражданского.

Annotation. The article analyzes the relationship between family and civil legal capacity. However, modern family legislation does not contain its own definition of legal capacity. This, in our opinion, is largely explained by the long existence of family law (both as a branch of science and as a branch of legislation) “under the patronage” of civil law.

Ключевые слова: правоспособность, гражданское право, семейное право, правосубъектность, гражданин.

Key words: legal capacity, civil law, family law, pro-personality, citizen.

Правосубъектность – основополагающее понятие для определения правовых способностей лица, которое в свою очередь является центральной фигурой (элементом) любых правоотношений. Правоспособность и дееспособность привычные для любого юриста термины, которыми мы обозначаем способность субъекта к приобретению, осуществлению, исполнению обязанностей и нести ответственность. Исследования на тему правосубъектности проводили всегда и никогда не потеряют своей актуальности, потому что правовые способности лица очень чутко реагируют на изменения политического, экономического и социального характера, какой бы статической не была категория правосубъектности. И всегда новые веяния в юридической науке заставляют обратиться к истокам, к истории развития, к факторам, повлиявшим на появление и становление той или иной правовой категории, правосубъектность не является в этом смысле исключением. Понятие субъекта права (правоотношения) в данный момент переживает трансформацию, виной тому цифровизация права (цифровизация в праве), вместе с этим и меняется понимание правосубъектности. Еще одним аспектом изменения подходов к пониманию правосубъектности являются стремительно меняющиеся международные отношения.

Правосубъектность – термин законодательно не закрепленный, хотя довольно часто употребляемый не только среди ученых, но и среди практиков. В то же время, законодательно закреплены два ее элемента: правоспособность и дееспособность, которые также являются общеизвестными. С точки зрения национального российского законодательства, данные понятия урегулированы с большой долей определенности, но в то же время вызывают большое количество дискуссий. Правоспособность и дееспособность оценивается применительно к каждому субъекту правоотношений, в абсолютном их большинстве, международные частные отношения не являются исключением.

Таким образом, категории правоспособности и дееспособности относятся к числу методологических, ключевых как в теории права, так и в конкретных отраслевых науках. Сквозь призму этих правовых явлений законодатель определяет условия, при которых гражданин может стать субъектом прав и обязанностей соответствующей отраслевой

принадлежности. Однако современный Семейный кодекс Российской Федерации [4] (далее СК РФ) и Семейный кодекс Республики Таджикистан [3] (далее СК РТ), не содержит собственных дефиниций правоспособности и дееспособности. Это, на наш взгляд, в значительной степени объясняется длительным существованием семейного права (и как отрасли науки, и как отрасли законодательства) «под патронажем» права гражданского.

Кроме того, в условиях определенной незавершенности, «недоработанности» общей части отрасли семейного права и его теории¹ научная полемика о суверенности семейного права по вопросам обособленности его предмета, специфики метода и принципов воздействия на регулируемые отношения порождает и дискуссию о возможности заимствования для семейно-правовой сферы понятийного аппарата из права гражданского, о допустимости конкретизации сугубо семейно-правовых правил на основе общих положений теории права и гражданского права². Какую бы позицию ни занимали исследователи по поводу того, является ли семейное право самостоятельной отраслью, частью права гражданского или относится к комплексным отраслям, точкой соприкосновения всех этих спорных позиций является, прежде всего, тезис о необходимости и пределах субсидиарного применения и применения по аналогии норм гражданского законодательства к регулированию семейных отношений.

Не вносит ясности в решение вопроса и законодатель. Так, в соответствии со ст. 4 СК РФ (ст. 4 СК РТ) к имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, применяются нормы гражданского законодательства, а ст. 5 СК РФ (ст. 5 СК РТ) предусматривает восполнение пробелов в семейном законодательстве с помощью применения гражданского законодательства по аналогии с оговоркой (которую вряд ли можно признать содержательной) о том, что применение в этих случаях гражданско-правовых норм не должно противоречить существу семейных отношений. Указанными обстоятельствами объясняется необходимость исследования вопросов о понятии, правовой природе, содержании семейной право- и дееспособности, о моменте их возникновения, возможности и основаниях их прекращения, причем не только на частноправовом уровне (в контексте полемики о суверенности семейного права), но и на основе существующих в теории права взглядов о месте этих правовых категорий в механизме правового регулирования. Исследование семейной правоспособности невозможно без уяснения её правовой природы.

Необходимо отметить, что в теории права в целом и гражданского права в частности не сформировалось единого подхода к определению природы данного правового явления, в то время как именно от этого «зависит раскрытие действительной связи правоспособности с другими юридическими категориями, определение места правоспособности среди них, а также определение способов ее правовой защиты» [5, 94].

Несмотря на обособление семейного права от гражданского, в СК РФ и РТ нет отдельных норм о семейной правоспособности (лишь упоминается, что «брачный договор не может ограничивать правоспособность или дееспособность супругов» (п. 3 ст. 42 СК РФ И РТ), их содержании, в связи с чем, приходится обращаться к гражданскому законодательству (ст. 4, 5 СК РФ И РТ). В литературе даже высказано мнение, что, в отличие от гражданского права, в сфере регулирования семейных отношений дееспособность самостоятельного значения не имеет, учитывается лишь возраст субъекта семейных отношений, что не соответствует действующему законодательству.

В целом можно отметить, что семейная правоспособность, также, как и гражданская, может быть определена как способность иметь имущественные и личные неимущественные права и обязанности. В соответствии с п. 2 ст. 17 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее ГК РФ) и п.2 ст. 18 Гражданского кодекса Республики Таджикистан [1] (далее ГК РТ) гражданская правоспособность возникает с момента рождения. В отношении семейной правоспособности принято считать, что, хотя семейная правоспособность, как и

¹ В семейном праве (несмотря на его цивилистическое «происхождение») отсутствует ряд основополагающих цивилистических понятий; и на уровне закона, и на уровне теоретических конструкций не разработаны не только проблемы семейной правосубъектности, но и теории обязательства, договора, недействительности сделки и другие.

² Указанные обстоятельства не позволяют согласиться с суждением М.В. Антокольской о том, что дискуссия об отраслевой принадлежности семейного права лишена какого-либо практического и теоретического смысла.

гражданская, возникает с рождения, с достижением определенного возраста она расширяется. В семейном же праве многочисленные правовые возможности, входящие в состав правоспособности, такие, как способность к вступлению в брак, усыновлению, способность быть назначенным опекуном или попечителем, не могут до определенного возраста осуществляться ни действиями самого субъекта права, ни действиями его законных представителей.

Наличие семейной дееспособности не является необходимой предпосылкой возникновения, изменения, прекращения всех семейных правоотношений. Так, в родительских правоотношениях малолетние дети не обладают семейной дееспособностью, но являются самостоятельными носителями прав, предусмотренных гл. 11 СК РФ и РТ.

Объем семейной правосубъектности меняется в зависимости не только от возраста, но и от ряда других юридических фактов. Кроме того, он связан с целеполаганием осуществления прав и исполнения обязанностей. Например, способность вступать в брак, быть опекуном, попечителем, усыновителем, приемным родителем появляется по общему правилу только с совершеннолетнего возраста.

В частности, конструкция правосубъектности ребенка, независимо от ее отраслевой принадлежности, предполагает как «пассивный» компонент (в образе правоспособности), так и активный (дееспособность). Объемы того и другого существенно разнятся по критерию возраста. При этом межотраслевого единодушия в этом вопросе нет. Как правило, минимальный возрастной барьер не определен. Полагаем это оправданным, поскольку позволяет правоприменителю учесть индивидуальные особенности ребенка и специфику ситуации. В то же время последующие возрастные градации целесообразно подвергнуть дополнительной аналитике, в том числе на основе данных психологической доктрины, согласно которым 10-летний возраст не является достаточным для принятия юридически значимых решений (это касается как семейного, так и образовательного законодательства); скорее данному критерию отвечает возрастная группа с 12 лет. Не является обоснованной и дифференциация внутри возрастной группы 14–16 лет. Полагаем, что цивилистическое представление о частичной дееспособности несовершеннолетнего (с 14 лет) и допущение его эмансипации (с 16 лет) может быть принято за основу нормативных решений. Это их гармонизирует и не нанесет урона суверенности отраслей российского права и законодательства [4, 163].

Ограничение гражданской дееспособности также оказывает непосредственное влияние на семейную дееспособность. Такие лица не вправе быть опекунами, попечителями, усыновителями. По логике вещей, они не должны иметь права и на заключение брачных договоров и алиментных соглашений, так как гражданское законодательство не разрешает им распоряжаться своим имуществом. Однако брачные договоры не только не способствуют ухудшению материального положения семьи, а наоборот, могут быть направлены на его укрепление. Поскольку семейное законодательство не устанавливает таких ограничений для частично дееспособных, следует считать, что они вправе заключать указанные договоры. Семейная правоспособность, как и гражданская, возникает с момента рождения, но ее содержание зависит от возраста.

Существуют и другие различия между семейной и гражданской правоспособностью, которые и будут раскрыты нами далее при анализе отдельных их отдельных видов.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года, №1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30447927 (дата обращения: 23.08.2023).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть 2 от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 29.08.2023).
3. Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 г. (ред. 26.12.2011 г. №791) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/90339/104080/F1297490250/TJK90339%20Ru.s.pdf> (дата обращения: 25.08.2023).
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (дата обращения: 25.08.2023).

5. Ковалева Н.А. Разграничение понятия «гражданская правоспособность» и иных смежных терминов // Труд и социальные отношения. - 2010. - № 9. - С. 92-96.

6. Тарусина Н.Н. Правосубъектность ребенка: актуализация возможностей и их ограничения / Н.Н. Тарусина, Е.В. Конева, С.В. Симонова // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 155–164.

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ДОБРОСОВЕЩНОСТИ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

Зокирзод Яъкуб Зокир

магистрант 1-го года обучения факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 9844011001, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

RELATIONSHIP OF THE CATEGORIES OF INTEGRITY AND ABUSE OF RIGHT

Zokirzod Yakub Zokir

Master's student of the 1st year of study at the correspondence department of the Faculty of
correspondence (distance) education
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: (+992) 9844011001, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. Принцип добросовестности участников гражданских правоотношений является одним из ведущих принципов гражданского права с присущей ему универсальностью. Принцип добросовестности не только устанавливает правила поведения, необходимые к соблюдению на любой стадии осуществления гражданских прав, но и выступает вектором развития общества и правосознания.

Annotation. The principle of good faith of participants in civil legal relations is one of the leading principles of civil law with its inherent universality. The principle of good faith not only establishes the rules of behavior that must be observed at any stage of the exercise of civil rights, but also acts as a vector for the development of society and legal consciousness.

Ключевые слова: принцип добросовестности, злоупотребление правом, реализация гражданских прав.

Key words: principle of good faith, abuse of law, implementation of civil rights.

Начиная рассуждения о соотношении категорий добросовестности и злоупотребления правом, углубимся в историко-правовые предпосылки и причины смешения исследуемых юридических явлений и отсутствия явственного их разграничения современным позитивным правом.

Давая определение злоупотреблению правом, многие цивилисты задают сущностный ориентир для разграничения и отмечают, что при злоупотребительном поведении реализация права направлена в большей степени на причинение ущерба другому лицу, явное ущемление прав и интересов иных участников гражданского оборота. Недобросовестное поведение же всегда имеет цель получения собственной выгоды, которая достигается посредством эгоцентричного игнорирования интересов контрагентов, непроявления должной заботы о них.

Добросовестное лицо твердо уверено в непогрешимости, правильности своих действий, даже если вследствие его поведения нарушен какой-либо императивный запрет. В любом случае участник гражданского оборота пытается избежать причинения вреда интересам другой стороны, однако в определенных случаях допускает нарушение чужих прав и интересов исключительно в результате обстоятельств, о которых он не знал либо же не мог знать.

Разница между недобросовестностью и злоупотреблением правом заключается в присутствии сознательности и намеренности причинить вред при злоупотреблении и в неосмотрительности при недобросовестном поведении [5, 3].

Принцип доброй совести не допускает проявление эгоизма в поведении участников гражданского оборота, ограничивает действия, направленные исключительно на приумножение собственной выгоды в отсутствие должной заботы об интересах контрагентов. Бесспорно, и напрямую запрещенные законодательно, имеющие собственные негативные последствия, такие как злоупотребительное осуществление права, ненадлежащее исполнение в обязательственных отношениях, заключение мнимых и притворных сделок представляют собой проявления поведения недобросовестного характера. Тем не менее, в случае достаточности таких конкретизированных табу позитивного права на перечисленные недобросовестные действия отсутствовала бы всякая потребность вводить в гражданский кодекс принцип добросовестности. Однако на практике не редко возникают случаи, когда позитивное право не охватывает своим регулированием все многообразие отношений, ситуаций, конфигураций интересов, и, действуя формально, согласно букве закона суды будут несправедливо разрешать гражданско-правовые споры [5, 16].

Таким образом, суть как раз заключается в том, что возможный перечень форм недобросовестности гораздо больше и охватывает, к примеру, такие действия как занесение в договор со стандартными условиями идущих в разрез с принципом справедливости оговорок или пунктов, согласно которым лицо признается не осведомленным в части того, что оно не может не знать. Такие формы поведения не представляется возможным отнести к видам злоупотребления правом даже в случае достаточно широкого толкования положений закона. Отметим, что не относятся они и к действиям фиктивного, мнимого характера. Вместе с тем, существующие на сегодняшний день правовые режимы считают такое поведение субъектов гражданского оборота недопустимым.

Теоретический анализ существующих взглядов правоведов позволяет прийти к выводу, что в цивилистической науке злоупотребление правом противопоставляется поведению соответствующему принципу добросовестности и рассматривается как одна из форм недобросовестного поведения с намерением причинить вред другому лицу.

Следует отметить, что в современной цивилистике наличествуют и иные ракурсы рассмотрения проблематики текстуального закрепления гражданским кодексом категорий добросовестности и злоупотребления правом, их соотношения. Так, известный цивилист К.В. Нам основную проблему видит в том, что п. 1 ст. 10 ГК РФ устанавливает запрет исключительно заведомо недобросовестного осуществления субъективного права [6, 83]. По мнению ученого, внедрение в законодательство критерия наличия умысла на недобросовестную реализацию права излишне и противоречит самому принципу добросовестности, так как не позволяет в случае отсутствия умысла применить, установленные п. 2 ст. 10 ГК РФ, неблагоприятные для злоупотребляющего последствия. В связи, с чем ограничивая сферу действия принципа добросовестности.

Важным исследованием в оценке заданного гражданским кодексом определения недобросовестного поведения и злоупотребления правом считаем представленный профессором Ю.Б. Фогельсоном анализ российской судебной практики относительно использования внедренного законодательство в 2013 году принципа добросовестности и обновленного запрета на злоупотребление правом [2, 22]. Согласно его исследованиям, ссылки на принцип добросовестности содержатся менее чем в 0,2 % решений арбитражных судов, вынесенных после даты вступления в силу новой редакции гражданского кодекса, легализовавшей принцип добросовестности. Вместе с тем, число дел, в которых суды ссылаются на ст. 10 ГК РФ почти в двадцать раз больше, чем ссылок на п. 3 ст. 1 ГК РФ. При этом ученый отмечает, что процент дел, в которых содержится ссылка на ст. 10 гражданского закона растет с каждым годом.

Считаем такое предпочтение судами комплекса положений закона о злоупотреблении правом в сравнении с нормой, содержащей принцип доброй совести, вполне оправданным и закономерным. Обоснованно использовать при принятии решений положения ст. 10 ГК РФ, которые закреплены системно, предусматривают и запрет, и своего рода санкцию, ответственность за несоблюдение запрета злоупотребления правом. И несмотря на то, что в кодексе намеренно обозначены специфические последствия для различных вариантов недобросовестного поведения. К примеру, п. 3 ст. 432 ГК РФ, п. 5 ст. 166 ГК РФ, в сущности,

исключающие правовое значение заявления стороной правоотношения требования о признании сделки незаключенной или же недействительной в случае ее недобросовестности. Все же ст. 10 ГК РФ закрепляет наиболее универсальное, легкое для восприятия правоприменителями следствие. Выходит, что решение законодателя о включение недобросовестного поведения в перечень форм злоупотребления правом путем создания новой редакции ст. 10 ГК РФ, приводит на практике к своего рода экспансии нормы о злоупотреблении правом, размыванию границ ее применения. Кроме того, к возможности применения универсальных последствий злоупотребления правом в каждом новом случае квалификации поведения как злоупотребительного согласно новой текстуальной форме статьи.

Так, в случае если реформа гражданского законодательства заключалась бы только лишь в легализации обязанности действовать сообразно исследуемому принципу, но не касалась бы категории злоупотребления правом, сложилась бы следующая ситуация. Суды при оценке действий сторон правоотношений как недобросовестных, должны были бы в каждом случае принимать решение о применении соответствующих виду недобросовестного поведения последствий. При наличии же новой редакции суды, не предаваясь глубинным рассуждениям, используют универсальные последствия злоупотребительного поведения. Соответственно, с учетом вышеописанной проблематики целесообразным кажется возвращение предшествующей редакции п. 1 ст. 10 ГК РФ.

В связи с этим предлагаем путем реформирования п. 1 ст. 10 ГК РФ разрешить проблему неверного соотношения исследуемых категорий, при этом предоставив судам возможность применения универсальной санкции из п. 2 ст. 10 ГК РФ к случаям недобросовестного поведения. В сущности, законодателю для этого стоит лишь изменить место расположения в тексте дефиниции, заключенной в скобки, а также исключить критерий заведомости относительно недобросовестного поведения [4, 45]. Кроме того, стоит объединить содержательное наполнение пунктов 2 и 3 ст. 10 ГК РФ, указывая, что универсальное последствие в виде отказа в защите субъективного права недобросовестного лица применяются, поскольку иные последствия недобросовестного осуществления права не установлены гражданским кодексом. Такое изменение предотвратит злоупотребление судами универсальной санкцией, обратив внимание на специфические последствия различных вариантов недобросовестного поведения [3, 54].

Заклучим, что в настоящее время российское позитивное право и судебная практика, в сущности, смешивают и отождествляют категории добросовестности и злоупотребления правом, хотя большинство цивилистов явственно разделяют рассматриваемые категории, указывая на различные цели поведения недобросовестных и злоупотребляющих правом субъектов. Юридическая наука также считает недобросовестное поведение более широкой категорией, чем злоупотребление правом, однако текстуальная форма п. 1 ст. 10 ГК РФ позволяет прийти к диаметрально противоположному толкованию. Соответственно, можно сделать вывод, что гражданское законодательство в этой сфере требует системного реформирования.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
2. Фогельсон Ю.Б. Принцип добросовестности в российской судебной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – 9. – С. 3-22.
3. Яковлева С.В. Принцип добросовестности и запрет злоупотребления правом в договорном праве // Хозяйство и право. – 2010. – 11. – С. 54-70.
4. Комарицкий В.С. Применение принципов гражданского права к ответственности за недобросовестное ведение переговоров // Гражданское право. – 2014. – 5. – С. 45-54.
5. Сайфутдинова В.М. Добросовестность и пределы осуществления интеллектуальных прав // Авторское право и смежные права. – 2020. – 4. – С. 3-17.
6. Нам К.В. Развитие принципа добросовестности. Современный этап. Внутренняя систематика // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – 7. – С. 83-114.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КОРРЕЛЯЦИИ СЕМЕЙНОГО ПРАВА И ИНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

Исматзода Фотима

магистрант 2-го года обучения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 2276740; e-mail: maftuna_u @gmail.com

PROBLEMATIC ASPECTS OF CORRELATION BETWEEN FAMILY LAW AND OTHER BRANCHES OF LAW

Ismatzoda Fotima

2-st year graduate student of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 2276740; e-mail: maftuna_u @gmail.com

Аннотация. В данной статье автор рассматривает проблемные аспекты корреляции семейного права и иных отраслей права. Отдельное внимание уделяется вопросам соотношения семейного и гражданского отраслей права.

Annotation. In this article the author considers problematic aspects of correlation of family law and other branches of law. Special attention is paid to the issues of correlation of family and civil branches of law.

Ключевые слова. Семейные правоотношения, семья, отрасль, гражданское право, семейное право, уголовное право, финансовое право.

Keywords. Family legal relations, family, branch, civil law, family law, criminal law, financial law.

Семейное право, как ключевая сфера права, часто сталкивается с противоречиями с другими юридическими областями, вызванными разнообразием семейных ситуаций и социокультурными изменениями. Ниже приводится описание основных проблем, возникших в этом десятилетии.

1. Взаимосвязь с гражданским правом:

Проблема определения границ между семейными и гражданскими правами, возникающими в сфере собственности, заключения договоров и обязательств. Например, раздел имущества при разводе требует соблюдения принципов гражданских прав.

В принципе, доминируют две точки зрения. Большая часть ученых склонна полагать, что семейное право – подотрасль, или даже, институт гражданского права. Для начала рассмотрим позицию и аргументацию ученых, которые полагают, что семейное право есть подотрасль гражданского права. М. В. Антокольская утверждает, что в силу того, что большой разницы между предметом семейного и гражданского права нет, то семейное право следует рассматривать как под отраслью гражданского права [2]. По мнению М. В. Антокольской, в семейном праве, как и в гражданском, на первом месте стоят имущественные отношения, поскольку большинство личных неимущественных отношений в семье не подвластны правовому регулированию. Автор утверждает, что имущественным отношениям в предмете семейного права отводится больше места, чем личным неимущественным. И если это является таковым, то предметы семейного, и гражданского права полностью похожи, и даже идентичны. Однако не все специалисты согласны с доводами ученого. Ряд ученых полагают, что обозначенный критерий в данном случае неприменим, поскольку здесь имеет место связь иного рода: имущественные отношения в семейном праве не только непосредственно связаны с личными, но и как бы вытекают из них, поэтому они производны от личных отношений [2]. Авторы, которые рассматривают семейное право, как самостоятельную отрасль, выстраивают систему аргументов, также базирующихся на специфике предмета отрасли права. Г. Н. Амфитеатров, утверждает о том, что в семейном праве, имущественные отношения не доминируют над неимущественными, как происходит в гражданском праве, они

занимают зависимое положение, сами семейно-имущественные отношения – это отношения особого рода [1]. Стоит отметить, что в годы Советской власти одним из основных аргументов в пользу самостоятельности семейного права являлось утверждение о том, что в отличие от буржуазного общества, в советском социуме, семейные отношения являются отношениями личного характера, и они не связаны с имуществом. Заметим также, что, несмотря на наличие несхожих, порой противоположных точек зрения по вопросу соотношения семейного и гражданского права, многие исследователи соглашались с тем, что оба направления родственны. Важной особенностью семейного права в плане сравнения его с гражданским правом, как говорит об этом, состоит в том, что семейное право, будучи самостоятельной отраслью, вместе с тем по характеру регулирования находится близко к гражданскому праву. Известно, что исторически, семейное право выделилось из гражданского права. Данная особенность влечет необходимость устанавливать не только различия, но и точки соприкосновения данных нормативных массивов. В ходе решения вопроса о том, является ли семейное право подотраслью гражданского права, или же, семейное право представляет собой самостоятельное направление в системе права России, как нам кажется, необходимо учесть всю совокупность признаков права. Во-первых, необходимо четко определить предмет гражданского права и семейного права. Как нам видится, предмет во многом совпадает, однако, имеются существенные отклонения от так называемого ядра данного предмета – имущественных отношений. Во-вторых, нужно учесть метод правового регулирования. В семейном праве диспозитивный метод выражен слабее, в чем согласны многие исследователи. В-третьих, есть необходимость четко разграничить функции обеих отраслей права. И здесь мы наблюдаем несовпадение, причем, достаточно существенное. В-четвертых, крайне важно выделить и сравнить принципы семейного права и гражданского права. В-пятых, особое внимание стоит уделить анализу основных источников семейного и гражданского отраслей права. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что на современном этапе, когда гражданское законодательство подвергается изменению, особенно важно максимально учесть имеющиеся доктринальные достижения и устранить несогласованность в гражданско-правовом и семейно-правовом регулировании смежных отношений. А В. Дробышев в этой связи отмечает «...таким образом, на данном этапе можно определенно точно сказать, что гражданское и семейное право и законодательство, будучи самостоятельными отраслями, имеют свой предмет (соответствующие виды отношений), однако и в данной сфере обе отрасли права находятся в тесном взаимодействии, поскольку в силу исторических причин регулируют целые группы смежных отношений» [3].

2. Связь с уголовным правом:

Семейное право сталкивается с уголовным в пятом противодействии насилию в семье и защите прав детей. Однако неясные границы могут возникнуть при выборе определенных действий, особенно в десятке интимных отношений.

3. Взаимодействие с трудовым правом:

Вопросы отпусков по уходу за ребенком, оплата декретного отпуска и другие обстоятельства семейной жизни требуют взаимодействия с трудовым правом. Согласование прав супругов на работу и семейные обязанности также являются актуальными вопросами.

4. Связь с международным частным правом:

Браки между гражданами разных стран и вопросы воссоединения семей сталкивают семейные права с иммиграционными нормами. Проблемы могут возникнуть при рассмотрении дела супруги в другой стране и возможности совместного проживания семьи.

5. Связь с налоговым правом:

Финансовые аспекты семейной жизни, такие как раздел имущества, алиментов и преследования, серьезно усугубляются налоговым правом. Определение налоговых обязательств и выплат может осуществляться в нескольких различных семейных процессах.

6. Соотношение с конституционным правом:

Вопросы свободы, дискриминации и защиты прав личности встают на передний план при разработке и применении семейных законов. Противоречие может возникнуть при соблюдении конституционных ограничений в десяти семейных отношениях.

Проблемы соотношения семейных прав с другими отраслями права требуют тщательного взаимодействия и согласования, чтобы обеспечить справедливость, уважение прав и интересов всех сторон, а также эффективное функционирование защитной системы в целом. Семейное право играет основополагающую роль в регулировании отношений внутри

семьи, определении прав и обязанностей ее членов. В настоящем докладе освещены важные аспекты семейных прав, его эволюции и влияния на современное общество.

Семейное право имеет древние корни, с развитием способностей, регулируемыми браками, разводом, родительством и следствием. Эволюция обычаев и ценностей отразилась в становлении семейных норм и законов.

Одним из ключевых аспектов семейных прав является регулирование брака и его расторжения. Процедуры заключения брака и развода различаются по странам, но обычно включают в себя оформление брачного контракта, алименты и раздел имущества.

Семейное право устанавливает права и обязанности родителей в отношении воспитания и образования детей. Вопросы опеки, визитации и финансовой поддержки детей регулируются в соответствии с законами.

Способы определения и поиска продуктов питания являются важной частью семейного права. Суды решают вопросы финансовой поддержки, финансовых возможностей и ситуации с этой стороной.

Семейное право включает в себя меры по защите от насилия в семье. Приказ о запрете приближения, временных убежищах и других мерах предоставляет жертвам средства защиты.

Брачные договоры предоставляют супругам возможность определить свои права и обязанности в браке. Они могут включать условия раздела «Смерть, алименты и другие аспекты отношений».

Семейное право активно приспосабливается к современным тенденциям, таким как браки однополых пар, искусственного оплодотворения и изменения ролей внутри семьи. Однако вызовы включают в себя поиск баланса между снижением цен и новыми социокультурными реалиями.

Семейное право олицетворяет основные принципы справедливости, равенства и защиты в сфере семейных отношений. Его другие аспекты определяют свою роль в современном обществе, обеспечивая правовую защиту и стабильность в семейных отношениях.

Список литературы

1. Амфитеатров Г. Н. К вопросу о понятии советского гражданского права // Советское государство и право. – 1940. – № 11. – С. 85–102.
2. Антокольская М. В. Семейное право. – М.: Юристъ, 1999. – 326 с.
3. Дробышев А. В. К вопросу о соотношении гражданского и семейного права // Молодой ученый. – 2019. – № 49 (287). – С. 309-311. – URL: <https://moluch.ru/archive/287/64869/> (дата обращения: 1.11.2023).

НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ФРАНЧАЙЗИНГА (КОММЕРЧЕСКОЙ КОНЦЕССИИ) В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Комронова Нилуфар Алихоновна

магистрант 2-го года обучения факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 9227-67-40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

NEWS OF LEGAL REGULATION OF FRANCHISING AGREEMENT (COMMERCIAL CONCESSION) IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Komronova Nilufar Alikhonovna

Magister of the 2nd year full-time study of the Faculty of correspondence (distance) education
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: 9227-67-40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. В связи с принятием нового Гражданского кодекса в Республике Таджикистан были внесены ряд изменений в действующие нормы, регулирующие гражданские правоотношения. Данные новшества коснулись и договора коммерческой концессии. В данной статье автор анализирует нововведения касательно регулирования франчайзинговых правоотношений.

Annotation. In connection with the adoption of the new Civil Code in the Republic of Tajikistan, a number of changes were made to the existing rules governing civil legal relations. These innovations also affected the commercial concession agreement. In this article, the author analyzes innovations regarding the regulation of franchising legal relations

Ключевые слова: концессия, договор коммерческой концессии, франчайзинг, исключительное право, лицензиар, лицензиат

Key words: concession, the contract of commercial concession, franchise, the exclusive right of the licensor, the licensee.

С принятием 24 декабря 2022 года в Республике Таджикистан нового Гражданского кодекса [1], который вступил в силу с 1 июля 2023 года, в главу 58 «Договор коммерческой концессии» были внесены существенные изменения и дополнения, которые связаны с необходимостью пересмотра ранее действовавших положений гражданского законодательства.

В частности, легальное определение договора коммерческой концессии было изложено в новой редакции. Так, согласно ст. 1132 по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на определенный срок или без указания срока право использовать в коммерческой деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, в том числе право на коммерческое обозначение правообладателя, на охраняемую коммерческую информацию, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав - на фирменное наименование, товарный знак, секреты производства (ноу – хау).

Помимо этого, расширен и уточнен объект договора коммерческой концессии. Коммерческое обозначение как объект договора франчайзинга был особо выделен законодателем, хоть оно и не получило своего законодательного закрепления как один из видов средств индивидуализации юридического лица.

Новой редакцией главы 58 ГК РФ исключена императивная обязанность правообладателя выдавать пользователю предусмотренные договором лицензии, обеспечив их оформление в установленном порядке.

Отдельным образом нужно остановиться на такой новелле, как отказ от двойной регистрации договора коммерческой концессии. Дело в том, что до принятия нового Гражданского кодекса договор коммерческой концессии подлежал двойной регистрации, а именно:

1) он подлежал регистрации в государственном органе, который уполномочен осуществлять государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Таковым органом является налоговый орган. Здесь нужно учитывать тот факт, что данная регистрация привязывалась к фигуре правообладателя. Только в том случае, если регистрация правообладателя имела место в иностранном государстве, регистрация договора коммерческой концессии привязывалась к фигуре пользователя и осуществлялась в государственном органе, который зарегистрировал пользователя в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя;

2) также договор подлежал регистрации в патентном ведомстве, каковым является Национальный патентно-информационный центр.

Следует отметить, что в юридической литературе высказывалось много суждений, где отмечались недостатки такой двойной регистрации.

С 1 июля 2023 года законодательно была отменена государственная регистрация в государственном органе, который уполномочен осуществлять государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Сегодня государственная регистрация договора коммерческой концессии осуществляется в Национальном патентно-информационном центре.

Однако, несмотря на кажущуюся упрощённость процедуры государственной регистрации, напротив, сегодня наблюдаются моменты ужесточения последствий ее несоблюдения. Дело в том, что раньше последствия ничтожности договора коммерческой концессии распространялись только на договора с использованием объектов патентного права. Во всех остальных случаях несоблюдение порядка государственной регистрации договора коммерческой концессии делало данный договор недействительным.

Сегодня нарушение положений п. 2 ст. 1133 ГК РТ приводит к ничтожности договора коммерческой концессии. Равным образом, эти последствия имеют юридическую силу тогда, когда речь идёт об изменении договора коммерческой концессии. В частности, согласно п. 2 ст. 1141 ГК РТ требуется государственной регистрации всяких изменений договора с использованием правил о государственной регистрации самого договора коммерческой концессии.

Об особенном субъектном составе договора подчеркивалось в ранее действовавшем гражданском кодексе, согласно которому сторонами по договору коммерческой концессии могли выступать коммерческие организации и граждане, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей. Но в новом принятом ГК РТ указано, что сторонами договора коммерческой концессии могут быть физические и юридические лица, с чем мы не можем согласиться (п. 3 ст. 1132 ГК РТ). Подобное положение норм законодательства буквально относит к субъектам договора франчайзинга всех лиц, хотя ими должны выступать только лица, обладающие статусом предпринимательства.

Еще одним важным моментом в правовой регламентации коммерческой концессии имеет вновь введенный п. 4 ст. 1132 ГК РТ, который устанавливает, что к договору коммерческой концессии соответственно применяются правила, предусмотренные законодательством в сфере интеллектуальной собственности, если это не противоречит положениям главы 58 ГК РТ и существу договора.

В ГК РФ содержится немного иное. Так, согласно ч. 4 ст. 1027 к договору коммерческой концессии соответственно применяются правила раздела VII ГК РФ о лицензионном договоре, если это не противоречит положениям главы 58 ГК РФ и существу договора коммерческой концессии.

Общие положения о лицензионном договоре являются основополагающими и применяются к специальным нормам о лицензионном договоре в субсидиарном порядке. Данное деление норм на общие и специальные, регламентирующие передачу исключительного права другим лицам по использованию результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, нашло свою критику у отечественных цивилистов. Например, О.А. Городов пишет, что «помещение их в разряд общих положений, по существу, ничего не дает, а только усложняет общую схему регламентации обязательств по использованию охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации» [2, 40].

К лицензионному договору применяются общие положения об обязательствах (ст. ст. 307 - 409 ГК РФ) и о договоре (ст. ст. 420 - 453 ГК РФ), поскольку иное не установлено правилами раздела VII части четвертой ГК РФ и не вытекает из содержания или характера исключительного права (п. 2 ст. 1233 ГК РФ). Применение общих положений об обязательствах и договоре раздела III ГК РФ также вызывает некоторые опасения. Возможно ли применение общих правил о цессии (глава 24 ГК РФ) к передаче исключительных прав или уместно ли использование нормы о недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства (ст. 310 ГК РФ)? Разработчикам части четвертой ГК РФ изначально следовало бы выяснить спорные моменты по применению раздела III ГК РФ, в частности, к лицензионному договору, определиться с их решением, а не оставлять споры на будущее время [3, 74].

Не исключает применение и других норм части четвертой ГК РФ. Так, п. 4 ст. 1235 ГК РФ устанавливает правила определения максимального срока заключения лицензионного договора, который не может превышать срока действия исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации. Срок действия исключительного права на изобретение, полезную модель и промышленный образец, например, регламентируется п. 1 ст. 1363 ГК РФ. На основании этой нормы можно сказать, что максимальный срок лицензионных договоров по передаче права использования

изобретения, полезной модели и промышленного образца не может превышать 20 лет, 10 лет и 15 лет соответственно.

Таким образом, правовое регулирование коммерческой концессии в свете принятия новых Гражданских кодексов в Республике Таджикистан и Российской Федерации было усложнено.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года, №1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30447927 (дата обращения: 23.08.2023).
2. Городов О.А. О проекте части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Правоведение. - 2006. - № 6. - С. 39-46.
3. Хохлов В.А. О проекте части четвертой Гражданского кодекса РФ: есть ли варианты? // Закон. - 2006. - № 12. - С. 72-78.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА БАНКОВСКОГО ВКЛАДА

Махмудова Шукрона Элназаровна

магистрант 1-го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

CHARACTERISTIC FEATURES AND FEATURES OF THE BANK DEPOSIT AGREEMENT

Makhmudova Shukrona Elnazarovna

1st year undergraduate full-time student at the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. В данной статье будет рассматриваться природа договора банковского вклада с позиции выявления критически важных черт и особенностей данной договорной конструкции, существенно отличающие ее от иных существующих в системе права договорных конструкций, схожих по своей сущности.

Annotation. This article will consider the nature of a bank deposit agreement from the perspective of identifying critical features and features of this contractual structure that significantly distinguish it from other contractual structures existing in the system of law that are similar in nature.

Ключевые слова: банк, вклад, банковский вклад, договор банковского вклада, особенности договора банковского вклада.

Keywords: bank, deposit, bank deposit, bank deposit agreement, features of bank deposit agreement.

Определяя правовую природу раскрываемого договора, вернемся к моменту заключения договора, поскольку он непосредственно связан с выполнением дальнейших обязанностей сторон договора и в целом социальной и экономическо-правовой значимостью подобной конструкции. Таким образом, без фактической передачи вкладчиком суммы вклада, говорить о реализации им права на предписанный законом возврат суммы вклада уже нельзя, равно как и об обязанности банка возвращать указанную сумму, такая система заключения договора обеспечивает нормальное функционирование всей банковской системы, и более того, экономики страны посредством гарантированности возможностей реализации прав и исполнения обязанностей лишь после фактического поступления суммы вклада в банк, что отвечает и интересам самих вкладчиков при условии их добросовестности.

Другой характерной чертой договора банковского вклада является его публичный характер относительно соглашений с гражданами в соответствии с п. 2 ст. 834 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее ГК РФ) и п. 2 ст. 916 Гражданского кодекса Республики Таджикистан [1] (далее ГК РТ), что означает обязанность коммерческой организации, а в рассматриваемом случае банка, оказать услугу в отношении каждого, кто к нему обратится, не отдавая предпочтения одному лицу перед другим в части заключения договора, а условия публичного договора должны быть равными для всех потребителей, если иное прямо не предусмотрено законодательством России.

Однако такие правила актуальны именно для физических лиц, для юридического лица договор банковского вклада не носит черты публичности. Несмотря на кажущуюся простоту такого положения, в научной среде возникли споры касательно того, является ли в итоге договор банковского вклада публичным договором, ведь отдельные ученые, среди которых О.М. Олейник, признают договор банковского вклада публичным договором [3, 246], другие авторы, например, С.В. Сарбаш, считают, что договор банковского вклада есть частноправовая сделка, а третья группа авторов признают договор банковского вклада публичным в части его заключения с физическим лицом [4, 19]. Мы согласимся именно с последней позицией.

Более того, вопросы возникли и в части публичности при заключении договора с физическими лицами, ведь индивидуальный предприниматель тоже является физическим лицом, но вклад может делать и индивидуальный предприниматель, когда его цель достоверно не ясна, однако мы согласны с другой позицией, согласно которой индивидуальный предприниматель может выступать в данных отношениях как физическое лицо, реализуя личные цели, если средства на счет по вкладу зачисляются с его личного счета как физического лица, а не с расчетного счета индивидуального предпринимателя. В последнем случае такой договор нельзя признать публичным [5, 416].

Крайне интересна судебная практика, где Верховный Суд Российской Федерации высказывал различные позиции по определению правовой природы договора банковского вклада.

Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 22 августа 2003 года №4-В03024 рассмотрел дело, в котором истец в лице гражданина России обратился с иском к ответчику в лице Сбербанка РФ о взыскании долга по договору займа, но в ходе рассмотрения дела, Верховный Суд пришел к выводу о том, что так называемый сторонами «договор займа» произошел в форме банковской операции, а именно заключения договора банковского вклада. Суд подчеркнул, что по форме договоры крайне схожи, но представляется, что договор должен быть оформлен так, чтобы не возникало сомнений как относительно факта заключения договора, так и по условиям договора.

С другой стороны, 25 апреля 2000 года, Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что в договоре банковского вклада усматривается конструкция договора возмездного оказания услуг, в Определении Верховного Суда РФ от 25 апреля 2000 года №КАС00-159 [6], установлено, что договор банковского вклада, заключенный с гражданином есть публичный договор, а в соответствии с пунктами 1, 2 ст. 426 ГК РФ публичным признается договор, заключенный коммерческой организацией и определяющий ее обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые данная организация по характеру своей деятельности обязана реализовывать в отношении любого, кто к ней адресуется; цена товаров, работ и услуг, а также другие условия публичного договора определяются равными для всех потребителей, за исключением случаев, когда действующим законодательством и прочими нормативными правовыми актами допускается предоставление льгот для отдельных категорий потребителей. Анализируя представленное определение, суд пришел к выводу о том, что по своей природе, публичный договор возмездный, а в договоре банковского вклада вкладчику по возвращении суммы вклада уплачиваются и проценты, которые фактически являются частью от прибыли, которую получил банк, распорядившись полученными по вкладу средствами.

Именно то, что банком передается не весь доход от распоряжения, а лишь его часть в качестве процента по вкладу, означает, что другую часть банк оставляет себе, получая доход, который, в свою очередь, и является платой за оказанную услугу.

Как можно понять, даже на сегодняшний день вопрос теоретического определения юридической природы договора банковского вклада остается спорным, однако спор

существует именно в теории и для здоровых и грамотно урегулированных правоотношений между сторонами договора банковского вклада этот спор имеет значение лишь в части возможности использования законодательства, которое специально защищает лицо, как потребителя.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года, №1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30447927 (дата обращения: 23.08.2023).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть 2 от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 29.08.2023).
3. Олейник О.М. Основы банковского права: курс лекций. - М.: Юристъ, 1997. – 424 с.
4. Сарбаш С.В. Договор банковского счета. - М.: Статут, 1999. – 272 с.
5. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части второй (постатейный) / рук. авт. коллектива и отв. ред. О.Н. Садигов. - М.: Контракт: ИНФРА-М, 1996. – 780 с.
6. Определение Верховного Суда РФ от 22.08.2003 № 4-В03-24 // [Электронный ресурс] https://sudact.ru/vsrf/doc/9O8sofONkru/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=4-B03-24+&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_id=1680960552670. (Дата обращения: 07.04.2023). 5. Определение Верховного Суда РФ от 25.04.2000 № КАС00-159 // [Электронный ресурс] <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=88427#GCvNqaTss6NMdhH71>. (дата обращения: 07.04.2023)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Носиров Хуршед Толибович

д.ю.н., профессор кафедры гражданского права юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: 985-70-89-80, email: netlawyer@list.ru

Хушвахтова Дилором Илхомовна

магистрант 2-го года обучения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде30
тел.:907349454, email: diloromkh06@gmail.com

LEGAL REGULATION OF LABOR MIGRATION IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Nosirov Khurshed Tolibovich

doctor of law, professor of the Department of Civil Law, Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M.Tursunzoda30
tel.:985-70-89-80, email: netlawyer@list.

Khushvakhtova Dilorom Ilkhomovna

Master's student of 2 years of study at the Faculty of Law of
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str. M.Tursunzode 30
tel.: 907349454, e-mail: diloromkh06@gmail.com.

Аннотация. В нынешних условиях без привлечения трудовых мигрантов сложно обеспечить устойчивый экономический рост в Республике Таджикистан. С одной стороны,

ряд отраслей экономики республики испытывают дефицит высококвалифицированной рабочей силы, а с другой - постепенное увеличение потока миграции иностранных граждан в Таджикистан диктует необходимость защиты внутреннего рынка труда от привлечения работодателями чрезмерно большого количества иностранных работников. Поэтому правовое регулирование трудовой деятельности трудящихся - мигрантов в Республике Таджикистан должно служить ответом на определенные и обоснованные потребности, которые отражают нужды национального рынка труда.

Annotation. *In the current conditions, without attracting labor migrants, it is difficult to ensure sustainable economic growth in the Republic of Tajikistan. On the one hand, a number of sectors of the republic's economy are experiencing a shortage of highly qualified labor, and on the other, the gradual increase in the flow of migration of foreign citizens to Tajikistan dictates the need to protect the domestic labor market from employers attracting an excessively large number of foreign workers. Therefore, legal regulation of the labor activity of migrant workers in the Republic of Tajikistan should serve as a response to specific and justified needs that reflect the needs of the national labor market.*

Ключевые слова: трудовая миграция, иностранный гражданин, мигрант, правовой статус, трудовые правоотношения.

Key words: labor migration, foreign citizen, migrant, legal status, labor relations.

Трудовая миграция становится одним из важнейших компонентом формирования мировой глобальной экономики современного мира. Сегодня экономика и социальное развитие многих стран все больше зависят от эффективности трудовой миграции, которая способствует их обогащению за счет использования дополнительных трудовых ресурсов, стимулирующих социально-экономические процессы. В этой связи одной из приоритетных задач правовое регулирование основных процессов трудовой миграции как внешней, так и внутренней в Таджикистане становится, отраженных в концептуальных основах государственной миграционной политики.

Проблемы миграции всегда была в центре особого внимания многих ученых мира. Так, отдел народонаселения ООН разрабатывает сверхдолгосрочный прогноз изменения численности населения мира и его регионов, а также отдельных стран до 2300 года.

Трудовая миграция для современного Таджикистана - важнейший процесс, который является одним из действенных способов адаптации населения к условиям рынка и вместе с тем индикатором социально-экономических трансформаций в стране [1]. В частности, отмечается, что в Таджикистане при общем росте численности населения темпы роста количества трудовых мигрантов, выезжающих из страны, увеличивается, и это сильно сказывается на наличное население, которое по этой причине имеет тенденцию к уменьшению. С одной стороны, ряд отраслей экономики республики испытывают дефицит высококвалифицированной рабочей силы, а с другой - постепенное увеличение потока миграции иностранных граждан в Таджикистан диктует необходимость защиты внутреннего рынка труда от привлечения работодателями чрезмерно большого количества иностранных работников. Таким образом, в Республике Таджикистан, в связи с этими демографическими и экономическими диспропорциями, необходимо создать условия для подготовки высококвалифицированных и востребованных кадров, с целью обеспечить конкурентоспособность наших граждан, в случае в случаях их оттока за рубеж, либо привлечения трудовых мигрантов из-за рубежа.

Не осталась в стороне и юридическая наука, в рамках которой специалистами различных отраслей права проводятся многочисленные научные исследования и разработки. Таджикистан включился в международные процессы миграции населения в начале 90-х гг. Принятая в 1994 году Конституция Республики Таджикистан и другие основные законодательные акты открыли Республику Таджикистан для международной трудовой миграции, вовлекая её в международный трудовой обмен. Это, в свою очередь, требовало решения проблем регулирования труда трудящихся-мигрантов в Республике Таджикистан.

Именно в этот период были заложены правовые основы для экспорта своей рабочей силы, особенно следует отметить принятие Закона Республики Таджикистан «О занятости населения» от 1991 года. В соответствии с этим актом гражданам Таджикистана предоставлено право выезда за рубеж на работу и право привлечения иностранных работников в Таджикистан.

В современных условиях в Таджикистане придается огромное значение совершенствованию правовой базы, касающейся реализации мигрантами своих трудовых и социальных прав, разработки системы их социальной защиты. В Таджикистане ратифицированы соответствующие акты ООН, в том числе МОТ: Международная конвенция «О защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей» от 18 декабря 1990 года, №45/158. Конвенции о трудящихся - мигрантах от 8 июня 1949, №97; о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения от 24 июня 1975, № 14316, а также иные международно-правовые акты, такие как Соглашение между государствами-участниками СНГ от 1994 года «О защите трудовых мигрантов и членов их семей». Ратификация Конвенций ООН и МОТ явилась позитивным шагом при интеграции Республики Таджикистан в международное сообщество [2]. Далее, необходимым является, прежде всего, разработка и принятие нормативных актов, касающихся правового статуса трудящихся-мигрантов, согласовывающихся с духом международных норм.

Принятые нормативные акты в середине 90-х годов, касающиеся привлечения и использования иностранной рабочей силы в Республике Таджикистан, в основном, регулируют вопросы законного нахождения трудящихся-мигрантов в Республике Таджикистан, и лишь вскользь затрагивают трудовые отношения данной категории работников. Однако, выработка единой позиции по проблеме правового регулирования труда иностранных работников и принятие соответствующих нормативных документов было необходимо, поскольку трудящиеся-мигранты - это особая категория работников, нуждающаяся в специальном правовом режиме и правовой защите.

Государственная политика Республики Таджикистан в области миграции самого своего начала нацелена на предотвращение роста нелегальной и нерегулируемой миграции на основе формирования правовых основ и экономических механизмов миграционных процессов, создания совместной системы разрешения проблем в сфере миграции, включение местных органов самоуправления, так же общин и общественности через средства массовой информации в борьбу против нелегальной миграции [3, 74]. Понимая значимость и актуальность указанных проблем, государственная политика нашей страны в сфере миграции населения и в дальнейшем была направлена на тесное сотрудничество с правительствами стран - участников настоящей конференции, международными и общественными организациями, а также неправительственного сектора непосредственно занимающимся вопросами миграции [4, 149].

Исходя из конституционных установлений Республики Таджикистан, иностранные граждане и лица без гражданства имеют равные с гражданами Республики Таджикистан права и обязанности в трудовых отношениях. Однако миграционное законодательство наиболее подвержено влиянию политических и социально-экономических процессов развития государства и общества, в силу этого оно относится к одной из быстро развивающихся сфер законодательства в Таджикистане.

Сегодня для Таджикистана также характерны активные процессы трудовой миграции, связанные как с выездом из Республики с целью трудоустройства за границей, так и въездом в страну иностранной рабочей силы. Правовой основой регулирования внешней трудовой миграции являются Закон Республики Таджикистан «О миграции» от 30 декабря 2010 г. (далее — Закон о Миграции), Закон Республики Таджикистан "О лицензировании отдельных видов деятельности» (далее - Закон о лицензировании) от 17 мая 2004 года. По сравнению с ранее действующим законодательством сфера действия миграционного Закона расширена на отношения, связанные с трудоустройством иностранцев, постоянно проживающих в Республике Таджикистане, за пределами республики; четко определены категории лиц, на которых не распространяется его действие (вынужденные мигранты, иностранцы, прибывшие для чтения лекций, проведения монтажа оборудования и (или) оказания услуг по обучению персонала эксплуатации этого оборудования; работники диппредставительств; журналисты; руководители коммерческих организаций с иностранными инвестициями; священнослужители; практиканты; лица, обязанные возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении; трудоустраивающиеся в порядке, определенном международными договорами Республики Таджикистан и др.); произошло значительное упрощение порядка привлечения иностранной рабочей силы.

Согласно Закона о Миграции трудоустроиваться за границей граждане и иностранцы, постоянно проживающие в Республике Таджикистан, могут либо самостоятельно, либо при содействии юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих специальное разрешение (лицензию) на осуществление деятельности, связанной с трудоустройством за пределами Республики Таджикистан. В соответствии с Законом о лицензировании лицензирование деятельности, связанной с трудоустройством за пределами Республики Таджикистан, сбором и распространением (в том числе в глобальной компьютерной сети Интернет) информации о физических лицах в целях их знакомства, осуществляется Министерством труда, миграции и социальной занятости населения Республики Таджикистан. Данный вид деятельности могут осуществлять юридические лица Республики Таджикистан и индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в Таджикистане. Глава 44 Постановления Правительства Республики Таджикистан «Об утверждении Положения об особенностях лицензирования отдельных видов деятельности» определяет основания и порядок получения данного специального разрешения (лицензии). Для обеспечения защиты Республикой Таджикистан прав, свобод и законных интересов граждан и иностранцев, постоянно проживающих в Таджикистане, самостоятельно выезжающих за ее пределы для трудоустройства и осуществления трудовой деятельности, эти граждане и иностранцы вправе до даты выезда из Республики Таджикистан уведомить подразделение по гражданству и миграции по месту жительства или месту пребывания о выезде за пределы Республики Таджикистан для трудоустройства и осуществления трудовой деятельности, а в случае заключения трудового договора в Республике Таджикистан до выезда в государство трудоустройства — представить копию трудового договора, заключенного с иностранным нанимателем. Привлечение иностранной рабочей силы осуществляется с учетом государственных интересов Республики Таджикистан, ситуации на рынке труда и приоритетности права граждан и иностранцев, постоянно проживающих в Таджикистане, на занятие свободных рабочих мест (вакансий). Трудоустройство в Республике Таджикистан иностранцев, не имеющих разрешений на постоянное проживание в Республике Таджикистан, может осуществляться при содействии юридических лиц, индивидуальных предпринимателей или иностранных организаций, оказывающих услуги по подбору персонала; самостоятельно, то есть без содействия юридических лиц, индивидуальных предпринимателей или иностранных организаций, оказывающих услуги по подбору персонала. Так согласно статье 7 Закона Республики Таджикистан «О правовом статусе иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Таджикистан» сама трудовая деятельность иностранных граждан в Республике Таджикистан может осуществляться на основании разрешений, выдаваемых уполномоченными государственными органами и могут осуществлять трудовую деятельность в Таджикистане при условии получения специального разрешения и заключения трудового договора. Специальное разрешение выдается иностранцу, не имеющему разрешения на постоянное проживание в Республике Таджикистан по ходатайству таджикского нанимателя. При осуществлении трудовой деятельности у нескольких нанимателей Республики Таджикистан иностранцы, не имеющие разрешений на постоянное проживание в Республике, обязаны получить специальное разрешение для работы у каждого из них. В главе 44 вышеназванного Постановления Правительства Республики Таджикистан определены: государственный орган, в который наниматель должен обратиться; исчерпывающий перечень документов, необходимых для получения данного разрешения; максимальный срок осуществления процедуры; размер платы, взимаемой при осуществлении данной административной процедуры, а также срок действия документа. Срок трудового договора с иностранцем не должен превышать срока действия специального разрешения.

В рамках Содружества Независимых Государств заключены Соглашение государств — участников СНГ о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов, а также Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств-участников СНГ. Совершенствование законодательства Республики Таджикистан и высокая активность в международном сотрудничестве в сфере внешней трудовой миграции позволяет рассчитывать на эффективное регулирование процессов внешней трудовой миграции Республики Таджикистан.

Список литературы

1. Вести экономика. Топ-10 стран с самым большим числом мигрантов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/70023?page=4> (дата обращения: 05.04.2017).
2. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/7a46cb13de731db3333fcd77a4f7887e468287e3/ (дата обращения: 05.04.2017).
3. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения// АН СССР, Институт международного рабочего движения. - М.: Наука, 1975. - 231 с.
4. Рязанцев С.В., Айдрус И.А., Письменная Е.В. Демографический потенциал как основа развития системы высшего образования Учебное пособие. - М.: РУДН, 2008. - 258 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ФИРМЕННОЕ НАИМЕНОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одинаева Одинаби Мадумбаравна

магистрант 1-го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF PROTECTION OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO A FIRM NAME OF THE RUSSIAN FEDERATION

Odinaeva Odinabi Madumbaravna

1st year full-time master's student at the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье охарактеризовано особенности и проблемы правового регулирования фирменного наименования в РФ. Сущность правовой охраны фирменного наименования коммерческой организации заключается в предоставлении правообладателю юридической возможности пользоваться неограниченно фирменным наименованием, фактически исключая из числа пользователей третьих лиц.

Annotation. This article describes the features and problems of legal regulation of a company name in the Russian Federation. The essence of legal protection of the trade name of a commercial organization is to provide the copyright holder with the legal opportunity to use the trade name unlimitedly, effectively excluding third parties from the list of users.

Ключевые слова: исключительное право, фирменное наименование, охрана, правовое положение.

Key words: exclusive right, company name, protection, legal status.

Право на фирму, то есть возможность в гражданском обороте использовать фирменное наименование относится к группе личных неимущественных прав коммерческой организации.

По своему характеру и функциональному предназначению право на фирменное наименование относится к числу абсолютных. Это априори подразумевает, что никто кроме правообладателя не имеет ни возможности, ни права использовать его. Соответственно, любое использование без согласия управомоченного лица-правообладателя фирменного наименования считается актом неправомерного характера, то есть правонарушением.

Право на охрану фирменного наименования возникает со дня государственной регистрации в порядке, предусмотренном действующим законодательством коммерческой организации [2, 27].

Действует правоохрана фирменного наименования до момента исключения из единого государственного реестра юридических лиц, действовавшего ранее по основанию прекращения деятельности коммерческой организации или же в связи с изменением наименования.

В самом общем виде процедура предоставления фирменному наименованию правоохраны выглядит следующим образом. Самостоятельно коммерческая организация определяет наименование.

Далее подлежит выбранное наименование закреплению в учредительных документах. Затем они направляют необходимый пакет документов на регистрацию в уполномоченный орган. Вносятся фирменное наименование в государственный реестр как одно из сведений, имеющих отношение к коммерческой организации. [3, 93]

В реестр внесение данных о фирменном наименовании происходит не до проведения регистрации, а непосредственно при проведении регистрационных процедур.

Фирменное наименование имеет определенную структуру. Оно состоит из двух автономных относительно частей - основной и оригинальной. Так, в основной части содержится указание на организационно-правовую форму коммерческой организации.

Что касается оригинальной части, то в ней содержится наименование юридического лица, которое позволяет его индивидуализировать и являющееся необходимым для отличия конкретной коммерческой организации от иных.

Таким образом, можно однозначно утверждать, что его главная функция заключается в индивидуализации конкретного юридического лица из всей массы иных участников оборота, формируя в конечном итоге с ним устойчивую ассоциацию у третьих лиц. Право на фирму каким-либо сроком не ограничено и действует в течение всего времени функционирования коммерческой организации, то есть до момента ее ликвидации или реорганизации.

В самом общем виде можно сказать, что смысловая нагрузка правоохраны фирменного наименования преимущественно заключается в предоставлении юридической возможности правообладателю пользоваться им неограниченно, фактически исключая из числа пользователей третьих лиц.

Право на фирму, то есть возможность в гражданском обороте использовать фирменное наименование относится к группе личных неимущественных прав коммерческой организации.

По своему характеру и функциональному предназначению право на фирменное наименование относится к числу абсолютных. Это априори подразумевает, что никто кроме правообладателя не имеет ни возможности, ни права использовать его. Соответственно, любое использование без согласия управомоченного лица-правообладателя фирменного наименования считается актом неправомерного характера.

Кроме того, правообладатель имеет право на получение защиты в случае нарушения его исключительного права на данное средство индивидуализации. В результате активизации защитных механизмов восстанавливаются нарушенное право и к виновному применяются санкции, предусмотренные гражданским законодательством.

Незаконное использование чужого фирменного наименования, а также производство продукции с таким наименованием является примером недобросовестной конкуренции, поэтому за такое нарушение предусматривается административная ответственность. Чаще всего подобные дела возбуждаются после того, как правообладатель подает заявление в Федеральную антимонопольную службу.

Отсутствие четкого законодательного регламентирования института фирменного именованя создает ряд проблем в правоприменительной сфере. В связи с этим, во-первых, предлагаем ввести в статью 1473 ГК РФ определение термина «фирменное именоване» аналогичному по содержанию в ратифицированной Парижской конвенции от 20.03.1883 г. Во-вторых, изменить норму п. 2 ст.1540 ГК РФ, исключив слово «непрерывно».

И наконец, необходимо на законодательном уровне закрепить правило, согласно которому вывод о сходстве до степени смешения двух средств индивидуализации делается на основе восприятия этих обозначений в целом, т. е. общего впечатления [5, 93-98].

Можно сделать следующий вывод: большинство государств мирового сообщества предусматривает предоставление правовой охраны фирменным наименованиям. Основные правила, осуществляющие регулирование вопросов их правоохраны содержатся, как правило, в соответствующих положениях гражданского законодательства [4, 15].

При этом специальные акты законодательства встречаются довольно редко. Российская Федерация относится к группе тех стран, где правоохрана фирменных наименований осуществляется в комплексе с нормами гражданского законодательства, а также отдельными нормами, которые структурно содержатся в специальных законодательных актах, направленных на регулирование вопросов функционирования отдельных видов коммерческих организаций.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301
2. Бобров М.Е. О проблеме совладения исключительным правом на средство индивидуализации. // Пробелы в российском законодательстве. - № 1. - 2010. – С. 27-35.
3. Колиева А.Э. О Проблемах регулирования института исполнения обязательств // Право и практика. - 2015. - № 2. - С. 93-98.
4. Нагаев С.В. Отдельные проблемы правовой охраны коммерческого обозначения и фирменного наименования // Пробелы в российском законодательстве. - 2011. - № 5. - С. 3-20.
5. Никулина В.С. Правовая защита товарного знака и борьба с недобросовестной конкуренцией. - М.: Статут. 2015. - 208 с.

ДИСКУССИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ УСЛУГИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Отаева Нилуфар Анварджоновна

магистрант 1-го года обучения факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

DISCUSSIONAL APPROACHES TO THE CONCEPT OF SERVICE IN CIVIL LAW

Otaeva Nilufar Anvarjonovna

1st year master student of the Faculty of correspondence (distance) education
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятия «услуга» и выявления сущности данного термина применительно к договору возмездного оказания услуг. Автор проанализировал различные точки зрения, выявил сходства и различия в предмете договора возмездного оказания услуг и договоре подряда, а также предложил свое видение данного вопроса по совершенствованию действующего законодательства.

Annotation. The article is devoted to the study of the concept of "service" and identifying the essence of this term in relation to the contract for the provision of services. The author analyzed various points of view, identified similarities and differences in the subject of the contract for the provision of services and the contract, and also offered his own vision of this issue to improve the current legislation.

Ключевые слова: договор, услуга, законодательство, услугодатель, услугополучатель, предмет договора.

Keywords: contract, service, legislation, service provider, service recipient, subject of the contract.

Одним из интенсивно развивающихся институтов гражданского права в Республике Таджикистан и Российской Федерации является институт возмездного оказания услуг. Данные правовые нормы регулируют большой спектр различных обязательственных отношений. Однако развитие института возмездного оказания услуг на сегодняшний момент

происходит, в том числе и за счет усиления роли IT-технологий, возможности работать удаленно. «Множество современных компаний и сервисов уже на 100% находятся в сети Интернет и оказывают исключительно цифровые услуги (социальные сети, создание и продвижение сайтов в сети и т.п.)» [9].

Законодатель в данной сфере старается не отставать с правовыми инициативами, и мы наблюдаем изменения, связанные, например, с финансовым правом – в виде увеличения правовой базы по безналичным и бесконтактным платежам, появления понятия «самозанятый» и т.д. Расширение законодательной базы, безусловно, является закономерным событием и по своей сути, ответом на изменения в общественной жизни. Однако следует отметить существование проблем и недостатков как в существующей законодательной базе регулирования рынка возмездного оказания услуг, так и внедряющиеся сегодня инициативы, которые часто становятся предметом споров заинтересованных лиц и, как следствие, появление различных точек зрения.

Мы солидарны с позицией цивилистов, которые утверждают, что в юридической науке существует устоявшийся годами инструментарий, который помогает ученым-правоведам осмысливать отношения между людьми, будь то материальные объекты или результаты интеллектуальной деятельности. Такой консерватизм в использовании правовых терминов объясняется отсутствием иной, кроме как веками устоявшейся терминологии, а также нежеланием создавать новый понятийный аппарат [4, 134].

Первое расхождение мыслей и взглядов, которое обращает на себя внимание – определение собственно понятия «услуга». Как обоснованно указывают некоторые авторы: «В механизме правового регулирования дефиниции выполняют важнейшие функции, такие как направляющие и ориентирующая» [2, 81]. В юридической литературе существуют самые разнообразные определения понятия «услуга», однако, в Гражданских кодексах РФ и РФ четкое и емкое определение «услуги» не нашло своего отображения.

Так, Л.В. Санникова полагает, что услуга – это действие по сохранению или изменению состояния невещественных благ, которое совершается услугодателем по отношению к услугополучателю [5, 91].

Р.И. Тен соотносит понятие «услуга» к понятию «работа». Данная позиция может считаться логичной, однако тот же автор приводит крайне спорное заключение, считая, что оказание услуги связано с выполнением какой-либо работы и невозможно без ее выполнения [7, 281]. Подобное суждение уравнивает под одно определение понятия «работа» и «услуга», с чем нельзя согласиться.

Отграничить услугу от понятия «работа» предлагает и другой автор Н.А. Айрапетян. Объясняя близость данных понятий, автор отмечает, что в конечном результате исход одинаков и проявляется в виде конкретного результата, удовлетворяющего заказчика [1. 165]. Причем сходство между работой и услугой, по мнению данного автора, является конечный результат для заказчика. Овеществленный материальный результат считается исключительным признаком работы и отличает ее от услуги.

Подобной позиции придерживается и Д.И. Степанов, определяя услугу как различность объектов гражданских правоотношений, которая выражается в виде правомерных действий при совершении определенной операции. Результат такой операции проявляется в вещественности или овещественности, тесно связанный с иными договорными отношениями [6, 7].

Позиция Е.Г. Шабловой также заслуживает внимания, т.к. она определяет услугу как процесс удовлетворения личной потребности субъекта, которое достигается правомерными действиями на возмездных началах [8, 6].

Вопрос неотделимости услуги от исполнителя и синхронное потребление заказчиком является краеугольным камнем для современного законодателя.

В ст. 780 ГК РФ и п. 2 ст. 861 ГК РТ говорится о презумпции личного оказания услуги гражданином, оказывающем ее. В тоже время оговаривается возможность предусмотреть договором иное. Такое правило, когда услугодатель по умолчанию обязан исполнить указанные в договоре действия без привлечения третьего лица распространяется на все договоры, где предусматривается возмездное оказание услуг.

В тоже время в сфере услуг возмездное оказание может быть вторичным процессом, например, установка приборов учета ресурсопотребления. В данном случае факт оказания возмездной услуги по установке прибора учета ни в коем случае не гарантирует

бесперебойность поступления ресурсов, т.к. данная ситуация зависит еще и от третьего лица – ресурсоснабжающей компании и условиями договора заказчиками с ними.

Таким образом, на наш взгляд, законодатель пытается различать данные услуги.

Одной из самых актуальных проблем в рамках гражданского оборота всегда была и остается проблема доверия сторон договора друг другу. Поэтому задачей гражданского законодательства является решение таких серьезных вопросов, как обеспечение безопасности денежных средств, предотвращение мошенничества со стороны недобросовестного контрагента и наиболее полное обеспечение исполнения договорных обязательств обеими сторонами [3, 51].

Если исходить из определения предмета договора, что именно он является существенным условием, то в нашем случае услуга, которая оказывается – является предметом договора возмездного оказания услуг. Основываясь на действующем Гражданском кодексе РФ можно полагать, что стороны при заключении такого договора должны предусмотреть все действия, которые обязуется исполнить для заказчика исполнитель. В современных реалиях подробное обсуждение условий договора всеми сторонами происходит с помощью технических средств и сторонних сервисов (телефон, e-mail, мессенджеры). Такая ситуация приводит к сложности установления достоверности доводов той или иной стороны. Очень часто такое поведение сторон не учитывается на этапах обсуждения деталей договора, что приводит к различным окончательным позициям судов по данному вопросу.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу:

– во-первых, внести изменения в ст. 783 ГК РФ, указав в ней, что нормы главы 39 ГК РФ подлежат применению к правоотношениям, урегулированным главой 37 ГК РФ, если в ней не установлено иное. Аналогичное предложение касается внесения изменений в ст. 864 ГК РФ, в которой необходимо указать, что нормы главы 43 ГК РФ подлежат применению к правоотношениям, урегулированным главой 41 ГК РФ, если в ней не установлено иное.

– во-вторых, аналогичным образом мы полагаем необходимым распространить действие законодательства о возмездном оказании услуг на все виды договоров, вытекающих из возмездного оказания, с оговоркой, что этими нормами не предусмотрено иное регулирование.

Данные изменения повлекут значительное повышение качества отечественной судебной практики, а, следовательно, и в целом повысит устойчивость гражданского оборота.

Список литературы

1. Айрапетян Н.А. Понятие услуги как предмета договора возмездного оказания услуг // Аллея науки. – 2017. – Т. 3. – № 10. – С. 164-167.
2. Иншакова А.О., Квициния Н.В. Реформа законодательства об оказании квалифицированной юридической помощи: конституционно-правовые последствия реализации // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – №2. – С. 79-83.
3. Квициния Н.В. Перспективы развития договора эскроу в России // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 51-59.
4. Квициния Н.В., Давтян-Давыдова Д.Н. Информация и единая технология как непоименованные объекты гражданских прав // Государственная служба и кадры. – 2022. – №5. – С. 132-136.
5. Санникова Л.В. Услуги в гражданском праве России. – М., 2006. – 160 с.
6. Степанов Д. И. Услуги как объекты гражданских прав: автореферат дис...канд. юрид. наук. – М., 2004. – 25 с.
7. Тен Р.И. Понятие категории «услуга» и ее соотношение с категорией «работа» // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2013. – № 3 (24). – С. 280-283.
8. Шаблова Е. Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – 32 с.
9. Gavrilova J.A., Kvitsinia N.V., Kalashnikova N.A. (2020) Development of the Institute of Public Procurement in Modern Russia: Between Blockchain and Administration. In: Inshakova A., Inshakova E. (eds) Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age. CRFMELD 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, Vol. 110. Springer, Cham

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА ПЕРЕВОЗКИ КАК РАЗНОВИДНОСТИ ТРАНСПОРТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Рахимбекова Рухангез Умедовна

магистрант 2-го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

LEGAL NATURE OF THE CONTRACT OF CARRIAGE AS A TYPE OF TRANSPORT OBLIGATIONS

Rakhimbekova Ruhangez Umedovna

2nd year undergraduate full-time student at the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

***Аннотация.** Экономика любого государства зависит от степени развития транспортной деятельности. Договоры перевозки стали повседневным событием в предпринимательской деятельности хозяйствующих субъектов. Учитывая обзор судебной практики и современного транспортного законодательства, правовая природа договоров перевозок грузов является неоднозначной. Это поясняется и недостатком единой точки зрения по вопросу его правовой характеристики среди экспертов области транспортного права.*

***Annotation.** The economy of any state depends on the degree of development of transport activities. Transportation contracts have become an everyday event in the business activities of business entities. Taking into account the review of judicial practice and modern transport legislation, the legal nature of contracts for the carriage of goods is ambiguous. This is also explained by the lack of a common point of view on the issue of its legal characteristics among experts in the field of transport law.*

***Ключевые слова:** транспортные обязательства, перевозка, договор перевозки, перевозчик, груз, пассажир.*

***Key words:** transport obligations, transportation, contract of carriage, carrier, cargo, passenger.*

Транспорт в любой стране является одной из важнейших отраслей экономики, которая обеспечивает эффективность ее развития не только в целом, но и отдельных ее регионов. С помощью транспорта осуществляются перевозки грузов, пассажиров и багажа. Транспортная деятельность является видом предпринимательской деятельности.

Перевозка — вид предпринимательской деятельности, опосредующей перемещение в пространстве материальных объектов (грузов, багажа) и людей-пассажиров. Отношения по перевозке возникают при наличии потребности в территориальном перемещении объектов или людей с помощью транспортных средств. В соответствии с п. 1 ст. 865 Гражданского кодекса Республики Таджикистан [1] (далее ГК РТ) и п. 1 ст. 784 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее ГК РФ) перевозка грузов, пассажиров и багажа осуществляется на основании договора перевозки. Смысл, вложенный федеральным законодателем в данное положение, как предполагается, сводится к выделению основания возникновения обязательств по перевозке, не иначе как вследствие заключенного гражданско-правового договора, что исключает необходимость конкретизации данного обязательства дополнительными юридическими фактами.

Транспортное обязательство определяется в литературе как обязательство, в силу которого одно лицо — перевозчик обязуется совершить в пользу другого лица — грузоотправителя, грузополучателя, пассажира, владельца багажа или грузобагажа — определенные юридические или фактические действия по оказанию транспортных услуг, связанных с перевозкой, а другое лицо — оплатить оказанные услуги в размере, установленном законодательством или соглашением сторон [3, 432].

Транспортные обязательства получают правовое оформление в виде транспортных договоров, традиционно подразделяющихся на следующие виды:

- договор перевозки грузов;
- договор перевозки пассажиров;
- договор перевозки багажа;
- договор фрахта.

Договор перевозки грузов занимает в системе транспортных договоров доминирующее положение, является своего рода базовым договором, поскольку именно он выполняет основные задачи, связанные с перемещением материальных ценностей, способствует выполнению обязательств по доставке продукции потребителю.

Определив в п. 1 ст. 784 ГК РФ и с п. 1 ст. 865 ГК РТ договор перевозки, как родовое понятие, законодатель, однако не формулирует общее определение данного договора. Это, по мнению некоторых авторов, повидимому, связывается с отсутствием практической необходимости, поскольку в реальной жизни договор перевозки всегда представлен одним из двух своих видов — договором перевозки грузов или договором перевозки пассажиров. Вместе с тем, не исключают возможности предложить доктринальное определение договора перевозки, как родового понятия, под которым понимается такой договор, по которому одна сторона (перевозчик) обязуется предоставить груз либо пассажира и его багаж в пункт назначения и выдать груз, либо багаж управомоченному на его получение лицу, а другая сторона (отправитель или пассажир) обязуется уплатить провозную плат [4, 361].

Правовая природа рассматриваемой договорной конструкции, по своим квалифицирующим признакам, сходна с конструкцией договора подряда, что обуславливается выделением его в свое время из договора подряда в самостоятельный договорный тип. Сходство перевозки с подрядом наблюдается в ярко выраженной направленности на достижение оговоренного сторонами результата — доставки груза в определенное место, то есть перемещение его из одной точки пространства в другое, что отодвигает сам процесс перевозки материального блага или пассажира на второй план [3, 433]. Противоположную точку зрения высказал О.С. Иоффе, который в частности указывал, что одной из особенностей транспорта состоит в том, что производственный процесс здесь совпадает во времени с процессом потребления произведенной продукции, в качестве которой выступает перевозка [4, 365].

Вместе с тем, все же представляется традиционным считать, что интерес грузоотправителя заключается в потреблении не самого процесса перевозки, а его результата — доставки в согласованный пункт назначения. Выделение перевозки из договорной конструкции подряда, было связано, прежде всего, самой спецификой возникающих при этом отношений — перемещение грузов в пространстве посредством транспортных средств. Особенности перевозки, обусловленные использованием транспортных средств настолько существенны, что исключают эффективное регулирование возникающих при этом отношений только лишь с помощью общих положений о подряде.

По мере появления новых видов транспорта, развития транспортных технологий, а также роста потребностей общества в перевозках соответственно увеличилось количество норм, отражающих данную специфику, что и привело в итоге к образованию нового самостоятельного правового института — договора перевозки. Характерной особенностью гражданско-правового регулирования перевозочных отношений является ярко выраженная множественность его правовых источников. Закрепленные в гл. 40 ГК РФ и гл. 44 ГК РТ нормы регламентируют лишь общие правила перевозки на территории РФ и в целом носят бланкетный и дефинитивный характер, отдавая предпочтение правовой регламентации данного института специальному законодательству, наиболее полно отражающему видовые особенности перевозки в зависимости от используемого вида транспорта.

Детальная регламентация условий перевозки обеспечивается многочисленными транспортными уставами и кодексами (п. 2 ст. 784 ГК РФ и п. 2 ст. 865 ГК РТ). Предпринятый законодателем, данный юридико-технический прием объясняется следующими соображениями: стремлением учесть значительные технологические и правовые особенности перевозок, осуществляемых различными видами транспорта; необходимостью обеспечить комплексное правовое регулирование деятельности каждого из них.

Помимо специального законодательства правовая регламентация перевозочных отношений представлена подзаконными нормативными актами Правительства, источниками

правового регулирования отношений по перевозке, закрепленных в общепризнанных принципах и нормах международного права, и международных договорах РФ и РТ.

Согласно легальному определению договора перевозки грузов, данному в п. 1 ст. 785 ГК РФ и п. 1 ст. 866 ГК РТ, под ним понимается соглашение, по которому перевозчик обязуется доставить вверенный ему отправителем груз в пункт назначения и выдать его уполномоченному на получение груза лицу (получателю), а отправитель обязуется уплатить за перевозку установленную плату.

Таким образом, данное определение наглядно показывает, что договор перевозки грузов является возмездным и взаимным. Это реальный договор: он считается заключенным с момента сдачи багажа к перевозке (исключение составляет договор морской перевозки — фрахтование (чартер), являющийся консенсуальным). Перевозка грузов транспортом общего пользования подразумевает, что договор является публичным.

Действующее законодательство предусматривает и консенсуальную модель договора перевозки груза, которая в этом плане выглядит наиболее цельной, поскольку включает в себя предшествующие перевозке отношения, не свойственные для реального договора. Свидетельством данной возможности являются некоторые положения транспортных уставов и кодексов.

Многие транспортные компании для обеспечения финансовой устойчивости используют диверсификацию — расширение сфер деятельности, номенклатуры продукции и выполняемых услуг. Технические требования предусматривают, что компания должна иметь современный специализированный подвижной состав, а также погрузочно-разгрузочное оборудование и приспособления. Выполнение погрузочно-разгрузочных работ должно осуществляться с учетом действующих нормативов. Подводя итоги исследованию, проведенному в рамках данной статьи, следует указать, основанием для последующего заключения договора перевозки груза выступает заявка грузоотправителя (договор на перевозку конкретной партии товара, имеющий разовый характер). Однако в отдельных случаях, когда у грузоотправителя возникает необходимость в долгосрочных отношениях с перевозчиком данным основанием уже выступает договор об организации перевозок.

Основной обязанностью перевозчика, наряду с доставкой товара в обусловленное место, является обеспечение сохранности вверенного ему для транспортировки груза, за неисполнение или ненадлежащее исполнение которой, последний несет имущественную ответственность в виде выплаты штрафных санкций и возмещения стоимости имущества, которое утрачено либо повреждено. При этом, в данном случае в полной мере действует характерная для гражданско-правовой ответственности презумпция вины перевозчика в повреждении вверенного ему груза, пока им не будет доказано обратное, что наглядно продемонстрировано в использованных материалах судебной практики.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года, №1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30447927 (дата обращения: 23.08.2023).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть 2 от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 29.08.2023).
3. Гражданское право: учебник: в 3 т. / под общ. ред. С.А. Степанова. - М.: Проспект, 2012. - Т. 2 – 712 с.
4. Иоффе О.С. Избранные труды: в 4 т. - СПб., 2004. Т. III: Обязательственное право. – 837 с.

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ ДОГОВОРА ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ И ПАССАЖИРОВ

Рахимбекова Рухангез Умедовна

магистрант 2-го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

THE FORM AND CONTENT OF THE CONTRACT OF CARRIAGE OF GOODS AND PASSENGERS

Rakhimbekova Ruhangez Umedovna

2nd year undergraduate full-time student at the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена исследованию формы и содержания договора перевозки грузов и пассажиров. Вопрос о форме перевозочных документов является актуальным ввиду распространения наряду с обыкновенными, т.е. материальными или «бумажными» транспортными накладными - электронными. Причем с каждым годом они становятся все более популярными. Как правило, договор перевозки грузов заключается заранее, до момента, когда непосредственно начинается процесс перевозки. Автор приходит к выводу, что именно этот момент, является моментом заключения договора перевозки.*

Annotation. *The article is devoted to the study of the form and content of the contract for the carriage of goods and passengers. The issue of the form of transportation documents is relevant due to the distribution of electronic invoices along with ordinary ones, i.e., material or "paper" waybills. Moreover, they are becoming more and more popular every year. As a rule, the contract for the carriage of goods is concluded in advance, until the moment when the transportation process begins directly. The author comes to the conclusion that this moment is the moment of conclusion of the contract of carriage.*

Ключевые слова: *договор, перевозка груза, перевозка пассажиров, транспортная накладная, совместная деятельность, коносамент.*

Keywords: *contract, cargo transportation, passenger transportation, bill of lading, joint activity, bill of lading.*

Одним из распространенных видов гражданско-правовых договоров, способствующих развитию экономики не только внутри страны, но и за рубежом, практики делового оборота между контрагентами – это договор перевозки. В ст. 785 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее ГК РФ) и ст. 866 Гражданского кодекса Республики Таджикистан [1] (далее ГК РТ) законодатель устанавливает форму договору перевозок грузов. Так в соответствии с действующим ГК РФ подтверждением заключения такого договора является транспортная накладная, либо иной документ, предусмотренный соответствующим нормативно-правовым актом, например, коносамент (п.2 ст.785 ГК РФ и п. 2 ст. 866 ГК РТ). Законодатель не предъявляет строгих требований к непосредственно форме заключения договора, но для подтверждения его заключения необходимо наличие билета или грузобагажной квитанции, т.е. сам договор имеет определенную письменную форму. По обоснованному мнению, Н.В. Квициния: «Задачей гражданского законодательства является решение таких серьезных вопросов, как обеспечение безопасности денежных средств, и наиболее полное обеспечение исполнения договорных обязательств обеими сторонами» [1]. При этом Верховный суд Российской Федерации подчеркивает, что отсутствие либо неверность транспортной накладной само по себе не может прямо свидетельствовать о не заключении договора перевозки грузов [2].

По причине того, что существуют различные самостоятельные виды таких перевозок (автотранспортные перевозки, железнодорожные перевозки, водные перевозки) и все они, хоть и схожи между собой, но все-таки обладают рядом принципиальных отличий и поэтому не могут быть урегулированы одними едиными нормами, более конкретное решение вопроса о форме договора перевозки грузов, а именно о форме транспортной накладной или коносамента,

ГК РФ и РТ не дают, а оставляют возможность отдельным законам определить такую форму для каждой группы перевозок. Кроме того, по мнению большинства исследователей, для того чтобы договор перевозки груза считался заключенным необходимо, помимо указанных выше условий, также определить цену такого договора [3]. Таким образом, ее тоже следует считать существенным условием договора перевозки пассажира. Следует отметить,

что в ряде случаев законодатель вообще не определяет никаких существенных условий для специального документа, подтверждающего заключение договора перевозки, например, при перевозках в пределах населенных пунктов автомобильным транспортом общего пользования.

Рассмотрим формы договоров при отдельных видах перевозок. Во-первых, обратимся к договору воздушных перевозок. Также, как и в ГК РФ и ГК РТ не устанавливает жестких требований к форме договора перевозки груза. Таким образом, к форме рассматриваемого договора применяются общие положения по заключению и оформлению сделок. Следовательно, исходя из общих положений гражданского законодательства, можно сделать вывод о возможности заключения договора воздушной перевозки груза в простой письменной, либо даже в устной форме. Тем не менее, нам не удалось обнаружить подтверждений того, что в гражданском обороте встречаются случаи заключения такого договора в устной форме.

Куда в большей мере вопрос о форме договора перевозки грузов раскрыт в нормативно-правовых актах, регулирующем железнодорожные перевозки [4]. Так, законодатель предусматривает 23 формы перевозочных документов.

Содержанием любого гражданско-правового договора являются его условия [5]. В соответствии с ч. 1 ст. 432 ГК РФ существенным условием любого гражданско-правового договора является условие о его предмете, однако, если сторона конкретного договора выражает намерение достигнуть соглашения, например, о цене договора, то такое условие «автоматически» приобретает статус существенного и исключает возможность впоследствии применить к данному договору положения ч. 3 ст. 424 ГК РФ, согласно которой при отсутствии в договоре указания на его цену такая цена определяется исходя из обычно взимаемой за аналогичные товары (услуги).

Применительно к рассматриваемой теме необходимо отметить, что самостоятельное выделение каких-либо иных, кроме вышеуказанных, условий договора в качестве существенных не характерно для сферы перевозок грузов, однако, в правоприменительной практике встречаются случаи, когда в качестве таковых стороны согласовывали такие условия как, например: конкретный маршрут перевозки; условия перевозки; необходимый вид транспортного средства или контейнера; дату, время и/или место подачи транспортных средств под погрузку, либо дату, время и/или место выдачи груза; специальные условия упаковки груза, либо способов его крепления при транспортировке и т.п.

Как обоснованно указывает О.В. Карпеев [6], не смотря на нормативное установление в некоторых случаях специальных тарифов для перевозчиков (например, при пассажирской перевозке), определение конкретного размера провозной платы законодатель полностью передал на усмотрение сторон договора перевозки. С учетом особенностей перевозки грузов к существенным условиям договора о такой перевозке следует отнести также условия о сроках перевозки. Данное условие, хотя и не поименовано в действующем законодательстве в качестве существенного, тем не менее, исходя из правоприменительной практики является таковым, поскольку и участники гражданского оборота, и судебная система признает, что своевременная доставка груза является императивно установленной обязанностью перевозчика, при этом в случае нарушения данной обязанности он подлежит установленной законом имущественной ответственности в виде штрафа.

По обоснованному мнению, Квициния Н.В.: «Важнейшая задача современной юридической науки и практики – создание правовых механизмов, позволяющих наиболее эффективно обеспечить надлежащее исполнение договорных обязательств и возместить пострадавшей стороне потери, причиненные их неисполнением или ненадлежащим исполнением» [7]. Считаем необходимым отметить, что в целом отечественно транспортное законодательство в части определения и установления тех или иных сроков носит достаточно диспозитивный характер и в абсолютном большинстве случаев предоставляет сторонам договора устанавливать их по своему усмотрению.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года, №1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30447927 (дата обращения: 23.08.2023).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть 2 от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от

24.07.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 29.08.2023).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 8, август, 2018.

4. Заключение договора перевозки грузов: предпосылки, порядок и их правовое значение / М.М. Старосельцева, И.В. Тищенко, Т.С. Колесова, Ю.А. Бурлова // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 6. – С. 84-86. – EDN YPOQQH.

5. Карпеев О.В., Котов А.В. Электронное оформление перевозок грузов автомобильным транспортом // Транспортное право. – 2021. – № 2. – С. 17-21.

6. Квициния Н.В. Перспективы развития договора эскроу в России // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 50-53.

7. Квициния Н.В. Проблемы определения понятия «обязательства» в свете изменений гражданского законодательства // Бизнес. Образование. Право: Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2016. – №2 (35). – С. 189-194.

8. Шаблов Е.Г., Жевняк О.В. Гражданское право. Гражданско-правовые договоры: учебное пособие / под общ. ред. Е.Г. Шабловой. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2018. – 139 с.

ДОГОВОРЫ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ТЕНДЕНЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Рахмонзода Фарзона Юнусджоновна

магистрант 1-го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

CONTRACTS IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY: TRENDS IN THE IMPROVEMENT OF LEGISLATION

Rakhmonzoda Farzona Yunusjonovna

1st year full-time master's student at the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты совершенствования законодательства, регулирующего отношения в сфере договорного права, использования общих положений о договорных конструкциях, предусмотренных в четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации, о тенденциях и предпосылках совершенствования законодательства в сфере интеллектуальной собственности, в частности в области патентного права.

Annotation. The article deals with aspects of improving the legislation regulating relations in the field of contract law, the use of general provisions on contractual constructions provided for in the fourth part of the Civil Code of the Russian Federation, on trends and prerequisites for improving legislation in the field of intellectual property, in particular in the field of patent law.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, патентное право, исключительные права, имущественный оборот, обязательственные правоотношения, гражданско-правовой договор, классификация договоров, толкование договоров, лицензионный договор, отчуждение исключительных прав.

Keywords: intellectual property, patent law, exclusive rights, property turnover, legal relations of obligations, civil law contract, classification of contracts, interpretation of contracts, license agreement, alienation of exclusive rights.

Рассматривая двойственную природу интеллектуальной собственности, сущность которой составляют исключительные права, уместно напомнить широко известные суждения Авраама Линкольна о том, что патентная система подливает масла заинтересованности в огонь одаренности. Особенности прав в сфере интеллектуальной собственности и передача их правообладателем другим лицам на основе договора актуализировали вопросы систематизации договоров в этой сфере. Авторы решили сконцентрировать внимание на договорных конструкциях, опосредующих оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, т.е. в сфере патентного права. Изобретения, полезные модели, промышленные образцы связаны с инновационной деятельностью, новым продуктом, в котором они реализуются. Конституцией Российской Федерации гарантируется свобода литературного, художественного, научного, научно-технического творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом. В структуре Гражданского кодекса Российской Федерации объединены права на результаты интеллектуальной деятельности (далее РИД) в сфере авторского права и в сфере патентного права (далее ГК РФ) [3, 91].

В настоящее время динамично осуществляется работа по реформированию гражданского законодательства в целом, вносятся изменения практически во все четыре части ГК РФ. Началом этой работы является утверждение Концепции развития гражданского законодательства и реформирования ГК РФ.

Вопросы коммерциализации РИД актуализировали аспекты «включения» в оборот охраняемых законом РИД права, на которые защищены, являются исключительными. В рамках обозначенной темы авторы выбрали РИД в сфере патентного права. Какие же договорные конструкции используются с целью передачи прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы? Прежде всего, необходимо обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, в действующем ГК РФ выделены общие положения, применяемые для сферы авторского права и объектов патентного права. Многоаспектность правовой охраны в области патентного права, критерии патентоспособности изобретения, полезной модели, промышленного образца различны. Их невозможно игнорировать при заключении договоров передачи прав патентообладателем другому лицу (лицам). Предпосылкой рассмотрения договорных конструкций в аспекте патентного права послужило, во-первых то, что изобретения, полезные модели, промышленные образцы - это основа инновационного развития, модернизации производства, создания новых видов продукции [4, 10].

Во-вторых, при передаче прав на РИД в сфере патентного права не стоит игнорировать особенности правовой охраны объектов авторского права, например, программ для ЭВМ, баз данных. По нашему российскому законодательству они относятся к объектам авторского права. Регистрация программ для ЭВМ, баз данных в Роспатенте является факультативной, т.е. по желанию заявителя. В договорных отношениях факт регистрации в Реестре программ для ЭВМ и баз данных, выдача свидетельства позволяют снизить риски неправомерного использования, и таким образом, снизить риски в процессе защиты права.

Такие объекты, как секрет производства (ноу-хау), топологии интегральных микросхем несомненно в договорных отношениях, связанных с передачей исключительных прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, особенности их правовой охраны, несомненно, следует учитывать.

В-третьих, представляется целесообразным обратить внимание на одну из важнейших тенденций совершенствования законодательства в сфере права интеллектуальной собственности в целом, и в договорных отношениях, в частности. Эта тенденция выражается в закреплении баланса частных и публичных интересов. В нашу задачу не входит рассмотрение теоретических положений о понятиях частного и публичного. Достаточно полно они рассмотрены в ряде научных публикаций исследователями различных наук и отраслей права. Однако здесь необходимо привести примеры, подтверждающие значимость выявления частных и публичных интересов. Так, в IV части ГК РФ указан исчерпывающий перечень действий, которые не являются нарушением исключительных прав. Можно без заключения договора использовать изобретение, полезную модель, промышленный образец при чрезвычайных ситуациях (ст. 1359 ГК РФ). Но в этом случае следует в кратчайший срок уведомить патентообладателя о таком использовании и затем выплатить соразмерное

вознаграждение. Правительство РФ может разрешить использовать изобретение, полезную модель, промышленный образец в интересах обороны без согласия патентообладателя. Но в этой ситуации обязательно его уведомление и выплата вознаграждения [4, 13].

Относительно «места» договорных конструкций, направленных на передачу исключительных прав, в системе Гражданского кодекса РФ, следует признать, что оно не найдено. Вопрос открытый для дискуссий, различных точек зрения, суждений. Авторы позитивно оценивают многообразие предложений, мнений и т.д. Оптимальный вариант модернизации правовых институтов договоров и обязательств не сформировался. Но есть оптимизм в том, что в современных социально-экономических условиях шире будут использоваться не только такие договоры, как лицензионный и договор об отчуждении исключительных прав. В системе гражданско-правовых договоров в IV части ГК РФ раскрыта правовая природа этих традиционно применяемых договоров в сфере интеллектуальной собственности. Принципы свободы договора, общие положения о договорах и обязательствах применяются и к договорам по передаче исключительных прав, в частности опосредующих передачу и включение их в оборот.

Представляется необходимым изложить свою точку зрения относительно модернизации правовых институтов, связанных с передачей прав в сфере интеллектуальной собственности. Безусловно, наличие в главе 69 ГК РФ общих положений о договорах по передаче исключительных прав, является логичным. Однако, огромное количество договорных форм, обеспечивающих оборот прав на РИД в сфере интеллектуальной собственности, представляется невозможным, да и с точки зрения правоприменения особого эффекта не даст. Логично, по нашему мнению, включить в отдельные виды договоров правила об особенностях передачи прав на охраняемые законом РИД в сфере патентного права; аналогично в сфере авторского права. Подобного рода предложения уже высказывались известными учеными, специалистами в области интеллектуальной собственности.

Следует отметить, что в настоящее время в ГК РФ появились новые виды договоров, ранее непоименованные, например, рамочный, опционный. Представляется, что они будут востребованы, в т.ч. в сфере патентного права, что позволит эффективно осуществлять процессы коммерциализации, инновационной деятельности на основе изобретений, полезных моделей, промышленных образцов. Вполне реальна востребованность договоров на выполнение НИОКР и технологических работ.

Теоретическая концепция обеспечения прав на охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности реализованы в современном ГК РФ. Ученые, предприниматели, инвесторы постепенно осознают значимость создаваемых новых охраноспособных решений и обеспечение их правовой охраны. Изобретения, полезные модели, промышленные образцы - объекты, в которых воплощено исключительное право распоряжаться этим правом только самому правообладателю (патентообладателю). Патентообладатель рассматривает свое исключительное право как инновационный ресурс, на основе которого создается новый продукт. Затем процесс коммерциализации, получение прибыли, т.е. интеллектуальная собственность - товар особого рода.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. - Москва: Маркетинг, 2020. – 48 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. – М.: Проспект, 2022. - 752 с.
3. Кряжков А.В. Публичный интерес: понятие, виды, защита // Государство и право - 1999. - №10. - С.91-98.
4. Городов О.А. О некоторых недостатках и ошибках, содержащихся в четвертой части ГК РФ // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2016. - № 1. - С. 2-15.

К ВОПРОСУ О ЛИШЕНИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Салимзода Халим Махмуджон

магистрант 2 – го года обучения факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734000, Республика Таджикистан, г. Душанбе ул. М . Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

ON THE QUESTION OF DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS

Salimzoda Halim Mahmudjon

Magister of the 2st year of study of full-time department of the Faculty of correspondence
(distance) education
Russian-Tajik (Slavic) University
734000, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. На основе анализа доктринальных и нормативных источников исследованы вопросы семейно-правовой ответственности родителей, также рассматриваются важные аспекты, связанные с лишением родительских прав и их возможным восстановлением. В статье анализируются основные причины лишения родительских прав и юридические последствия этой процедуры для родителей и их детей, а также особенности процедуры восстановления родительских прав.

Annotation. Based on the analysis of doctrinal and normative sources, the issues of family legal responsibility of parents are studied and important aspects related to the deprivation of parental rights and their possible restoration are considered. The article analyzes the main reasons for deprivation of parental rights and the legal consequences of this procedure for parents and their children, as well as the features of the procedure for restoring parental rights.

Ключевые слова: лишение родительских прав, ограничение родительских прав, злостное уклонение, алименты.

Key words: the deprivation of parental rights, restriction of parental rights, willful evasion, child support

Очевидно, что дети являются особой категорией граждан, которая требует защиты своих гражданских прав. Согласно Международному пакту от 16 декабря 1996 года "Об экологических, социальных и культурных правах", семье как естественной и основной ячейке общества должна быть предоставлена максимальная защита и поддержка, особенно при формировании семьи и в период воспитания несамостоятельных детей [1].

В Конституции Республики Таджикистан (статья 34) также отмечается, что материнство, детство и семья находятся под особой защитой и опекой государства. Забота о детях и их воспитание – это равное право и обязанность родителей, а трудоспособные дети несут ответственность за уход и социальное обеспечение своих родителей [2].

В соответствии с частью 1 статьи 1 Семейного кодекса Республики Таджикистан [3] (Далее - СК РТ) к основным принципам семейного законодательства относятся следующее: "Семья, брак, материнство, отцовство и детство в Республике Таджикистан находятся под защитой государства". Защита семейных прав также закреплена в статье 8 СК РТ. Во II главе СК РТ [3] установлены права несовершеннолетних детей, а при нарушении этих прав предусмотрены меры ответственности в соответствии с СК РТ, такие как лишение родительских прав, отмена усыновления, отстранение опекуна (попечителя) от исполнения обязанностей и т.д.

Родители не вправе причинять вред физическому, психическому здоровью детей и их нравственному развитию при осуществлении родительских прав. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей. Родители, нарушающие права и интересы детей в процессе осуществления родительских прав, несут ответственность в соответствии с установленным законом порядком.

Лишение родительских прав является наиболее строгой мерой ответственности в семейном праве. Это мера, применяемая государством, и приводит к лишению родителей всех прав, вытекающих из родственных отношений с ребенком, а также ограничению их правоспособности в целях защиты интересов ребенка и перевоспитания родителей. При этом материальные обязанности родителей сохраняются. Лишение родительских прав может быть применено только по решению суда. Заявление о применении этой меры может быть подано одним из родителей (или его заместителем), прокурором, или органами, ответственными за защиту прав несовершеннолетних (как правило, это орган опеки и попечительства). В ходе рассмотрения дела о лишении родительских прав суд обязательно принимает решение о взыскании алиментов с родителей, лишенных родительских прав.

Механизм лишения родительских прав представляет собой смесь семейной и юридической ответственности, так как он способствует защите прав и интересов детей. Этот механизм является формой ответственности для родителей, которые не выполняют или ненадлежащим образом выполняют свои обязанности. Он должен рассматриваться как крайняя мера семейно-правовой ответственности и наказание, а также обладает исключительно индивидуальным характером [4, 18].

В теории семейного права существует разнообразие точек зрения на понимание мер ответственности, что является объектом дискуссии. Одни ученые считают, что меры защиты и ответственности в семейном праве можно отождествить [8, с. 56], в то время как другие полагают, что понятие меры семейно-правовой ответственности подчинено мерам защиты ответственности. Есть также ученые, которые отвергают обе эти точки зрения и придают мере ответственности в семейном праве самостоятельное значение [5, 136-143]. Другие ученые классифицируют меры семейно-правовой ответственности как публичного или частного-правового характера. Например соглашаясь с позиции Имомовой Н.М. мы не исключаем того, что меры семейно-правовой ответственности можно классифицировать как публичного, так и частного-правового характера [6, 203] также, лишение и ограничение родительских прав, применяемое по виновным основаниям, может служить примером публичного признания таких мер ответственности. Правовая защита ребенка часто связана с применением санкций за нарушение его семейных прав, что является формой ретроспективной меры семейно-правовой ответственности.

В качестве условий лишения родительских прав рассматриваются противоправность и вина в форме умысла родителей. В ст. 69 Семейного кодекса РТ ничего не говорится о последствиях противоправного поведения [3]. Поэтому при рассмотрении дел данной категории суды не выясняют наличие вреда жизни или здоровью ребенка и его имущества.

СК РТ предусматривает следующие основания для лишения родительских прав:

1. Если родители (один из них) уклоняется от выполнения родительских обязанностей, в т.ч. при злостном уклонении от уплаты алиментов. Это выражается в том, что родители не заботятся о физическом и психическом здоровье ребенка, его материально-бытовом обеспечении, образовании, а также не содержат ребенка без уважительной причины, не обеспечивают ему минимальный набор благ, необходимых для гармоничного развития несовершеннолетнего.

2. Если родители отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома либо из иного лечебного, воспитательного учреждения, учреждения социальной защиты населения или других аналогичных учреждений. Отказ может быть выражен в любой форме (устной и письменной). Но не будет являться отказом от ребенка заявление родителя о согласии на усыновление без указания будущего усыновителя (ч. 3 ст. 129 СК РТ), т.к. в этом случае женщина, родившая ребенка, юридически не становится его матерью.

3. Когда родители злоупотребляют своими родительскими правами. Это возможно, если они используют свои права вразрез с правами и законными интересами детей, например, приобщают их к воровству, попрошайничеству, употреблению наркотических средств, алкогольных напитков.

4. Если родители жестоко обращаются с детьми, в т.ч. осуществляют физическое или психическое насилие над ними, покушаются на их половую неприкосновенность. Это выражается в угрозах в адрес ребенка, побоях, использовании методов воспитания, оскорбляющих ребенка, унижающих его человеческое достоинство. В целях объективного

применения данного основания лишения родительских прав необходимо конкретизировать понятие «жестокое обращение» исходя из возраста несовершеннолетнего ребенка.

5. Когда родители являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией. Для использования этого основания при лишении родительских прав достаточно установить сам факт наличия у родителей таких заболеваний.

6. Если родители совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей либо против жизни или здоровья супруга. Вина в форме умысла в совершении преступления родителя должна быть доказана приговором суда.

Родители, которые были лишены родительских прав, теряют все связанные с ребенком права, включая право на содержание, льготы и государственные пособия для родителей. Они также лишаются права на воспитание, образование и защиту прав и интересов ребенка, а также права на алименты и наследование имущества детей. Их совместное проживание с ребенком регламентируется жилищным законодательством Республики Таджикистан.

У ребенка, родителям которого были лишены родительских прав, сохраняются права собственности или пользования жилым помещением и другие имущественные права. Усыновление такого ребенка может произойти не ранее, чем через 6 месяцев после судебного решения о лишении родительских прав.

Анализ оснований лишения родительских прав показывает необходимость изменения перечня, установленного в статье 69 СК РТ, для защиты прав ребенка на проживание в семье. Если родители проявляют позитивные изменения в своем поведении, образе жизни и отношении к воспитанию детей, они могут быть восстановлены в родительских правах. Процедура восстановления осуществляется через суд по заявлению родителя, лишённого родительских прав, с одновременным запросом о возвращении ребенка. Суд может отказать в восстановлении родительских прав, если это противоречит интересам ребенка, причем мнение ребенка, достигшего 10-летнего возраста, учитывается обязательно. В случае усыновления ребенка, восстановление родительских прав не допускается.

В случае удовлетворения запроса о восстановлении родительских прав, возобновляются как фактические, так и юридические отношения между родителями и ребенком. Решение суда о восстановлении родительских прав служит документом, позволяющим восстановить регистрационные записи ребенка в органах ЗАГС. День принятия решения судом является моментом, когда родители вступают в свои права.

Как правильно отмечает Имомова Н.М. «Важным способом юрисдикционной защиты семейных прав ребенка является судебное рассмотрение дел о лишении родительских прав. Лишение родительских прав является мерой семейно-правовой ответственности, как и предусмотрено Семейным кодексом Республики Таджикистан как санкция и мера ответственности, применяемая за совершение родителями правонарушения в отношении ребенка» [7, 51].

Список литературы

1. Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах [Текст]. (Принята резолюцией Ген. Ассамблеи ООН 2200 А (XXI) от 16.12.1966) // Права человека. Сборник международных и национальных документов. В 8 т. Под ред. А.М. Диноршоева. – Т. 1. – Душанбе, 2010. – 328 с.
2. Конституция Республики Таджикистан с изм. и доп. от 22 мая 2016 г. [Электрон. ресурс] // Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0. // М-во юстиции РТ. - Душанбе, 2023. – 1 электрон. опт. Диск (CD - ROM).
3. Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 года №682. [Электрон. ресурс] // Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0. // М-во юстиции РТ. - Душанбе, 2023. – 1 электрон. опт. Диск (CD - ROM).
4. Бахарева О.А., Цепкова Т.М. Лишение родительских прав: учебное пособие. - Саратов, 2010. – 180 с.
5. Иванова Н.А. К вопросу о семейно-правовой ответственности родителей. – С. 136–143.
6. Имомова Н.М. Семейно-правовые способы защиты прав ребенка в РТ: теоретико-практические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00. 03. – Душанбе, 2020. – С. 203.
7. Имомова Н.М. Лишение родительских прав как мера ответственности в семейном праве Республики Таджикистан. Монография. – Душанбе: «ЭР–граф», 2016. – С.51.

8. Шерстнева Н.С. Семейно-правовая сущность принципа обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних. – С.56.

РОЛЬ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ И ПРЕКРАЩЕНИИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ

Салимзода Халим Махмуджон

магистрант 2 – го года обучения факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734000, Республика Таджикистан, г. Душанбе ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

THE ROLE OF DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS IN PREVENTING AND STOPPING DOMESTIC VIOLENCE AGAINST CHILDREN

Salimzoda Halim Mahmudjon

Magister of the 2st year of study of full-time department of the Faculty of correspondence
(distance) education
Russian-Tajik (Slavic) University
734000, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. Данная статья исследует роль процедуры лишения родительских прав в предотвращении и прекращении домашнего насилия по отношению к детям. В статье анализируются теоретические и практические аспекты использования лишения родительских прав как меры защиты детей от такого насилия. Особое внимание уделяется роли принципа наилучших интересов ребенка при принятии соответствующего решения, а также процедурам и стандартам, которые устанавливаются для определения необходимости и обоснованности применения данной меры. Также рассматривается влияние лишения родительских прав на дальнейшее благополучие и защиту детей.

Annotation. This article explores the role of the procedure for deprivation of parental rights in preventing and ending domestic violence against children. The article analyzes the theoretical and practical aspects of using deprivation of parental rights as a measure to protect children from such violence. Particular attention is paid to the role of the principle of the best interests of the child in making the relevant decision, as well as the procedures and standards that are established to determine the need and justification for the application of this measure. The impact of deprivation of parental rights on the continued well-being and protection of children is also considered.

Ключевые слова: родители, дети, лишение родительских прав, насилия органы опеки, прокурор, суд, жизнь, здоровье, забота.

Keywords: parents, children, deprivation of parental rights, violence, guardianship authorities, prosecutor, court, life, health, care.

Каждое государство уделяет особое внимание защите прав детей, так как детство является важным этапом в жизни каждого человека. Политика государства по защите прав ребенка в Таджикистане основывается на нескольких целях, предусмотренных Законом РТ от 18 марта 2015 года № 1196 "О защите прав ребенка". Эти цели заключаются в следующем [2]:

- Гарантировать права и законные интересы ребенка и предотвратить их дискриминацию.
- Укрепление основных гарантий прав и законных интересов ребенка, а также восстановление этих прав в случае их нарушения.
- Формирование правовых основ гарантий прав и законных интересов ребенка.
- Содействие физическому, интеллектуальному, духовному и моральному развитию ребенка, а также его воспитание в духе патриотизма, высокого гражданского сознания и миролюбия.

- Государственная поддержка, полное материальное и социальное обеспечение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

- Создание условий для формирования мировоззрения и правовой культуры ребенка.

Реализация этих целей реализуется через государственную политику, законы и меры, направленные на защиту прав и интересов наиболее уязвимых категорий детей в Таджикистане.

Некоторые авторы справедливо отмечают: «Особенность положения ребенка как в семье, так и за ее пределами, проистекает из его беззащитности, вызванной полной или частичной физической, психической и социальной незрелостью. Родителю самой природой предназначена роль защитника своих детей. В правовой интерпретации такая роль выглядит как формула, согласно которой «обеспечение, защита прав и интересов детей возлагается на их родителей» [3, 18].

Государство должно заботиться о подрастающем поколении, в связи с чем на родителей возлагает определенные права и обязанности по воспитанию, образованию и защите детей. Ведь именно семья оказывает активное воздействие на развитие духовной культуры, на социальную направленность личности, поведение.

Одним из основных теоретических подходов к данной теме является "принцип наилучших интересов ребенка". Этот принцип заключается в приоритете защиты интересов и благополучия ребенка при принятии решений о лишении родительских прав. Главное внимание уделяется обеспечению безопасной среды для ребенка, его физическому, психологическому и эмоциональному благополучию.

Согласно ст. 65 Семейного кодекса Республики Таджикистан (далее – СК РТ) родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение их интересов должно быть предметом основной заботы родителей [1].

При осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей. Родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке. Если судом будет установлено, что ни родители, ни лицо, у которого находится ребенок, не в состоянии обеспечить его надлежащее воспитание и развитие, суд передает ребенка на попечение органа опеки и попечительства.

Лишение родительских прав как мера защиты детей от домашнего насилия - это юридическая процедура, применяемая в случаях, когда интересы и благополучие ребенка находятся под угрозой в результате домашнего насилия. Лишение родительских прав может быть решением суда и предполагает прекращение всех родительских обязанностей и прав родителей в отношении ребенка.

Целью лишения родительских прав является защита детей и обеспечение их безопасности. Эта мера применяется в случаях серьезных нарушений, когда родители не в состоянии обеспечить надлежащее физическое, эмоциональное и психологическое благополучие ребенка. Лишение родительских прав может быть решением последней инстанции, когда все другие меры защиты и реабилитации не достигли нужного эффекта.

Как правильно указывает Филипов С.А. Институт лишения родительских прав одновременно является мерой семейно-правовой ответственности, а также методом защиты детей, в связи с чем имеет ряд отличительных черт, раскрывающих его сущность [4]:

- выступает в качестве необходимого института семейного права, существование которого неизбежно обусловлено рядом социально-экономических и духовно-нравственных причин;

- служит способом защиты прав и интересов детей;

- должно рассматриваться как исключительная мера семейно-правовой ответственности [3].

В ст. 69 СК РТ содержится исчерпывающий перечень оснований лишения родительских прав, при нарушении прав ребенка:

- уклонение от выполнения обязанностей родителей, в т.ч. злостное уклонение от уплаты алиментов;

- отказ без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, воспитательного учреждения, учреждения социальной защиты населения или из аналогичных организаций;

- злоупотребление своими родительскими правами;

- жестокое обращение с детьми, в т.ч. физическое или психическое насилие над ними, покушение на их половую неприкосновенность;

- хронический алкоголизм или наркомания;

- совершение умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей либо против жизни или здоровья супруга [1].

Лишение родительских прав производится в судебном порядке. Для удовлетворения иска достаточно наличие одного из названных оснований. Дела о лишении родительских прав рассматриваются по заявлению одного из родителей или лиц, их заменяющих, заявлению прокурора, а также по заявлениям органов или организаций, на которые возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей (органов опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних, организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и др.). Дела о лишении родительских прав рассматриваются с участием прокурора и органа опеки и попечительства [1].

Лишение родительских прав может служить важной мерой для защиты детей от домашнего насилия. Вот несколько способов, которыми это может происходить:

1. Удаление ребенка из опасной среды: При лишении родительских прав дети могут быть удалены из семьи, где им угрожает насилие, и помещены под воспитание в безопасной и защищенной среде. Это позволяет ребенку избежать дальнейших случаев насилия и обеспечивает ему физическую и эмоциональную безопасность.

2. Защита от эмоционального и психологического насилия: Лишение родительских прав может предотвратить длительное подвержение ребенка эмоциональному и психологическому насилию со стороны родителей. В таких случаях, ребенок может получить доступ к необходимой психологической поддержке и помощи для преодоления последствий, вызванных насилием.

3. Обеспечение безопасности: Лишение родительских прав означает прекращение родительских обязанностей и прав неадекватных или насильственных родителей. Это дает возможность государству или другим опекунам предпринять необходимые меры по обеспечению безопасности ребенка и предупредить дальнейшее насилие или эксплуатацию.

4. Гарантии для дальнейшего благополучия: Лишение родительских прав позволяет установить опеку или легального представителя для ребенка, который будет заботиться о его интересах и обеспечивать его благополучие в будущем. Это может включать доступ к образованию, здравоохранению и другим ресурсам, которые помогут ребенку преодолевать трудности, вызванные насилием.

Важно подчеркнуть, что лишение родительских прав не является единственной мерой защиты от домашнего насилия. Это может сопровождаться другими действиями, таким как предоставление юридической, медицинской и психологической помощи, а также поддержки социальных служб, судебного преследования насильников и реабилитации для всех, кто страдал от насилия в семье. Комплексный подход и сотрудничество между различными структурами и организациями помогут эффективно защищать детей от домашнего насилия.

Одним из основных теоретических подходов к данной теме является "принцип наилучших интересов ребенка". Этот принцип заключается в приоритете защиты интересов и благополучия ребенка при принятии решений о лишении родительских прав. Главное внимание уделяется обеспечению безопасной среды для ребенка, его физическому, психологическому и эмоциональному благополучию [4].

Другой важный подход к данной теме состоит в развитии правовых механизмов защиты детей от домашнего насилия. Этот подход включает анализ соответствующих нормативных актов и процедур, регулирующих процесс лишения родительских прав в случаях домашнего насилия. Важно исследовать условия и критерии, учитываемые при принятии таких решений, а также роль профессионалов, таких как судьи, социальные работники и психологи, в процессе выноса решений о лишении родительских прав.

Третий подход к теме связан с важностью обеспечения реабилитации и поддержки детей, подвергшихся домашнему насилию. Это может включать предоставление

психологической и социальной помощи, создание подходящей среды и организации опеки для детей после лишения родительских прав.

Дополнительно, стоит учесть влияние культурных, социальных и экономических факторов на детскую защиту и процедуры лишения родительских прав. Учет этих факторов поможет разработать более адаптированные и эффективные меры защиты детей в рамках конкретной культурной и социальной среды.

В заключение, стоит отметить, что лишение родительских прав как мера защиты детей от домашнего насилия включает анализ принципа наилучших интересов ребенка, развитие правовых механизмов защиты и поддержки детей, а также рассмотрение влияния культурных и социальных факторов. Глубокий анализ этой темы поможет разработать эффективные меры защиты и поддержки детей, которые подвергаются домашнему насилию.

Список литературы

1. Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 года №682. [Электрон. ресурс] // Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0. // М-во юстиции РТ. - Душанбе, 2023. – 1 электрон. опт. Диск (CD - ROM).

2. Законом РТ «О защите прав ребенка» от 18 марта 2015 года № 1196 [Электрон. ресурс] // Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0. // М-во юстиции РТ. - Душанбе, 2023. – 1 электрон. опт. Диск (CD - ROM).

3. Бахарева О.А., Цепкова Т.М. Лишение родительских прав: учебное пособие. Саратов, 2010. – 210 с.

4. Имомова Н.М. Лишение родительских прав как мера ответственности в семейном праве Республики Таджикистан. Монография. – Душанбе: «ЭР–граф», 2016. – С.51.

5. Филиппов С.А., Цепкова Т.М. Лишение родительских прав как мера защиты детей от домашнего насилия // Вестник СГЮА. 2014. №3 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lishenie-roditelskih-prav-kak-mera-zaschity-detey-ot-domashnego-nasiliya> (дата обращения: 09.10.2023).

СОДЕРЖАНИЕ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Саторов Пахлавон Хакималиевич

магистрант 2 года обучения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсундазе, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

MAINTENANCE OBLIGATIONS

Satorov Pakhlavon Khakimalievich

Master of 2 year of Faculty of Law,
The Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursundaze str., 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. Одним из важнейших институтов семейного права является институт алиментных обязательств, который регулирует отношения по предоставлению содержания несовершеннолетним и нетрудоспособным членам семьи. Сфера алиментных отношений является одной из самых социально ориентированных сфер семейно-правового регулирования. От правильности нормативного закрепления положений об алиментах, от качества механизмов их взыскания зависит обеспечение прав и интересов получателей алиментов и в конечном итоге статус Российской Федерации и статус Республики Таджикистан как социального государства.

Annotation. One of the most important institutions of family law is the institution of alimony obligations, which regulates relations for the provision of maintenance to minors and disabled family members. The sphere of alimony relations is one of the most socially oriented areas of family law

regulation. Ensuring the rights and interests of alimony recipients and, ultimately, the status of the Russian Federation and the status of the Republic of Tajikistan as a social state depends on the correctness of the normative fixing of the provisions on alimony, on the quality of the mechanisms for their collection.

Ключевые слова: семейный кодекс, алименты, соглашение, права супругов, имущество, кодекс, статья, закон, признаки, обязательства.

Keywords: family code, alimony, agreement, rights of spouses, property, code, article, law, signs, obligations.

Одной из важнейших систем семейного права является система алиментных обязательств, регулирующая отношения между предоставлением алиментов несовершеннолетним и нетрудоспособным членам семьи. Сфера алиментных отношений является одной из наиболее социально ориентированных сфер норм семейного права. Обеспечение прав и интересов получателей алиментов, а в конечном счете и статус Российской Федерации и Республики Таджикистан как социального государства, зависит от правильности нормативного определения алиментных положений, от качества механизмов их взыскания.

Правовое регулирование обязанности по уплате алиментов осуществляется на международном и национальном уровнях. Согласно Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Таджикистан нормы международного права инкорпорированы в национальную правовую систему. Так, можно отметить следующие акты международного права, регулирующие отношения в данной сфере: Конвенция о правах ребенка, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейская конвенция об осуществлении прав ребенка, Конвенция о Юридической помощи по гражданским, семейным и уголовным делам и правовые отношения. Кроме того, Российская Федерация и Республика Таджикистан заключили большое количество двусторонних договоров о правовой помощи с различными странами, которые также регулируют сферу семейного права.

В семейных кодексах Российской Федерации и Республики Таджикистан алиментные обязательства признаются имущественными обязанностями физических лиц по предоставлению содержания, вытекающими из брака или иных семейных отношений, в случаях, установленных законом.

Алименты – это материальная поддержка, которую одно лицо обязано по закону оказывать другому лицу, находящемуся в браке и других семейных отношениях (например, родитель ребенку, ребенок родителю, один супруг другому супругу, одни члены семьи другим нетрудоспособным членам семьи в необходимости). [3, 27]

Существует связь между алиментным обязательством и уровнем развития системы социального обеспечения, поскольку они преследуют одну цель - обеспечивать содержание нуждающихся инвалидов. Круг лиц, обязанных предоставлять контент, остается в нашей стране шире, чем в большинстве других стран. Во многом это связано с неспособностью государства обеспечить необходимыми средствами всех нуждающихся инвалидов через систему социального обеспечения. Зачастую субъект алиментных обязательств не составляет и никогда не составлял семью в социологическом смысле и не связан никакими иными семейными правоотношениями, кроме алиментных. Однако зависимость круга лиц, как субъекта правоотношений алиментов, от уровня национального социального обеспечения не привела к определению алиментных обязательств и мер социального обеспечения.

Алиментные правоотношения возникают, как правило, на основании наличия между сторонами родственных или иных родственных связей, наличия условий, предусмотренных законом или взаимным соглашением (например, необходимость, инвалидность получателя алиментов, наличие у плательщика необходимых средств для уплаты алиментов. Наличие алиментов); решение суда о взыскании алиментов или соглашение сторон об уплате алиментов.

Содержание алиментного обязательства состоит в том, что плательщик алиментов имеет обязанность по уплате алиментов, а алиментополучатель имеет право на взыскание алиментов. [4, 10]

Юридическое разделение алиментных обязательств подчинено субъективным признакам. На этом основании Закон о семье гласит:

а) обязанность родителей содержать своих детей;

б) алиментные обязательства ребенка перед родителями;
в) алиментные обязательства супругов и бывших супругов;
г) Поддержка обязательств других членов семьи. Последняя далее подразделяется на обязанность совершеннолетних братьев и сестер по содержанию своих несовершеннолетних и нетрудоспособных совершеннолетних братьев и сестер, обязанность дедушек и бабушек по содержанию внуков, обязанность внуков по отношению к своим дедушкам и бабушкам, обязанность учащихся по своим фактическим воспитателям, Алиментные обязательства пасынка и падчерицы перед отчимом и мачехой.

Есть две очереди для задач обслуживания. В первую входят обязанности самых близких социально и биологически: родителей и детей, супругов (бывших супругов). Все остальные обязательства относятся ко второй очереди и возникают при отсутствии должника по уплате алиментов среди должников первой очереди.

Объем алиментных обязательств не является постоянным, он определяется социально-экономическими условиями жизни и волей законодателя. Чем ниже уровень счастья в стране, тем больше в ней людей и видов обязательств по содержанию. [5, 32]

Алиментами могут выплачиваться добровольно по взаимному согласию. Алименты по соглашению об уплате алиментов могут быть уплачены:

В доходе и/или ином доходе лица, обязанного выплачивать содержание;

Регулярные выплаты в фиксированной сумме;

Разовый платеж фиксированной суммы;

путем предоставления имущества;

Другими способами, соглашение было достигнуто.

При недостижении соглашения об уплате алиментов заинтересованное лицо вправе обратиться в суд с заявлением о взыскании алиментов. Материальные средства к существованию могут быть определены судом исходя из максимально возможного сохранения ранее установленного им уровня алиментов:

а) фиксированная сумма;

б) Существуют как в виде акций, так и в виде фиксированной денежной суммы.

Среди многочисленных режимов алиментов выделяется группа норм, целью которой является создание дополнительных гарантий защиты интересов получателей алиментов. Обычно они не относятся к какому-либо конкретному этапу развития отношений по содержанию, а охватывают обязательство в целом. Эти правила более или менее универсальны. Они направлены не только на судебные производства по добровольной уплате алиментов или, наоборот, по уплате алиментов [6, 72].

К ним относятся, в частности, положения об индексации полученных алиментных платежей. Необходимость этих норм связана с обесцениванием денежных средств в связи с инфляцией.

Регулирование уплаты алиментов обеспечивает дополнительные правовые гарантии защиты интересов получателя алиментов в случае выезда лица, на которое возложено обязательство по уплате алиментов, в иностранное государство на постоянное место жительства.

Еще одной правовой гарантией обеспечения интересов получателей алиментов являются правила о не отмене и обратном взыскании алиментных платежей. Перечень исключительных обстоятельств, при которых все же может быть взыскано уплаченные алименты, определяется законом в исчерпывающем порядке.

Как правильно отметила Н.М. Имомова: «Заключение соглашения об уплате алиментов, на наш взгляд, является наиболее цивилизованным путем разрешения вопросов, связанных с содержанием членов (бывших членов) семьи. Но пока их количество не так велико, как того требует практика. Причин тому множество, но основная — нежелание конфликтующих бывших мужей и жен, великовозрастных «деточек» и престарелых родителей, и других членов семьи (чаще — бывших) уступать друг другу.» [7, 120].

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 04.08.2022) Система ГАРАНТ: [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://base.garant.ru/10105807/>
2. Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 г. № 682 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1998 г., №22, ст. 303; 2006 г., №4, ст. 196; 2008 г.,

№3, ст. 201; 2010 г., №7, ст. 546; 2011 г., №3, ст. 177, №12, ст. 855; 2013 г., №3, ст. 195; 2015 г., №11, ст. 960; 2016 г., №3, ст. 143; Закон РТ от 14.11.2016 г., №1365

3.Ахметьянова, З.А. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный) / З.А. Ахметьянова, Е.Ю. Ковалькова, О.Н. Низамиева и др.; отв. ред. О.Н. Низамиева. – М.: Проспект, 2010. – 435 с.

4.Дзюбровская, Л.В. Соглашение об уплате алиментов – самостоятельный семейно-правовой институт / Л.В. Дзюбровская // Семейное и жилищное право. – 2012. – № 6. – С. 11 – 13.

5.Загоровский, А.И. Семейное право. [Электронный ресурс] — Электрон. дан. — СПб.: Лань, 2013. — 468 с. — Режим доступа: <http://e.lanbook.com>.

6.Нечаева, А. М. Семейное законодательство: комментарии судебной практики по применению судебного законодательства / А. М. Нечаева. М.: Эксмо, 2015. – 98 с.

7. Имомова Н.М. Семейное право Республики Таджикистан: учебное пособие / Н.М. Имомова. – Душанбе: РТСУ, 2020 –240с.

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА ДОГОВОРА ИПОТЕКИ

Толибоев Носир Мухсинович

магистрант 2-го года обучения факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Исмоилова Зайнура Исрофиловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227-67-40, e-mail: ismoilova-2016@mail.ru

LEGAL CHARACTERISTICS OF THE SUBJECT COMPOSITION OF THE MORTGAGE AGREEMENT

Toliboev Nosir Muhsinovich

Master student of the 2nd year of study of the correspondence department of the Faculty of
correspondence (distance) education
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: 227-67-40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Ismoilova Zaynura Isrofilovna

candidate of legal sciences, associate professor of the department of civil law
Russian-Tajik (Slavic) University
734025. Republic of Tajikstan, Dushanbe, M. Tursunsade, 30
tel.: 227-67-40, e-mail: ismoilova-2016@mail.ru

Аннотация. В статье дается правовая характеристика субъектам ипотечного кредитования. Описаны две стороны ипотечных правоотношений: залогодатель и залогодержатель. Раскрыты понятия залогодателя и залогодержателя.

Annotation. The article provides a legal description of mortgage lending entities. Two sides of mortgage legal relations are described: the mortgagor and the mortgagee. The concepts of mortgagor and pledgee are disclosed.

Ключевые слова: ипотека, залогодержатель, залогодатель, договор об ипотеки, собственник.

Key words: *mortgage, mortgagee, mortgagor, mortgage agreement, owner.*

Всем нам знакомое слово «ипотека» состоит из старых французских и латинских слов, которые означают «мертвый залог». Сегодня такое понятие как «ипотека» встречается довольно часто, однако многие не понимают, что это такое. Простыми словами, это получение в банке кредита при условии его оформления под залог наличной или приобретаемой недвижимости. В свою очередь, кредитное учреждение при подписании договора с заемщиком дает ему возможность пользования этой недвижимостью на время выплаты кредита. Если же по определенным причинам клиент потеряет свою платежеспособность, банк вправе распорядиться домом или квартирой, отданных под залог, по своему усмотрению. Это и есть суть ипотеки в простом ее понимании.

В чем отличия ипотеки от обычных потребительских кредитов? Что это ипотечный кредит – мы разобрались: это разновидность услуг кредитования с четко очерченной целью в виде покупки жилой недвижимости, как на первичном, так и на вторичном рынке. В случае если планируется покупка автомобиля или коммерческой недвижимости, такой кредит уже не считается ипотекой. Это отдельная категория банковского кредитования – потребительские кредиты.

Ипотека важнейший институт поддержания семьи, и в целом экономики. Экономике данный институт поддерживает как косвенно через поддержку все той же семьи как ячейки общества (плательщиков налоговых отчислений и поддерживающих демографию), так и прямо путем создания рабочих мест, например для постройки данных помещений, на которые берется ипотечный кредит, компании, осуществляющие данное строительство, платят налоги в бюджет, банковские организации получают прибыли за счет процентов и заставляют денежную массу «работать» посредством выдачи новых займов и кредитов.

Природа современной ипотеки — это залог имущества в целях получения денежной суммы, которая будет потрачена на приобретение недвижимости. Чаще всего в залог идет все та же купленная недвижимость, на которую и брали кредит. В то время как предмет соглашения остается у банка в залоге, сам заемщик имеет право постоянно пользоваться им, с ограничением на распоряжение данным объектом недвижимости без разрешения банка.

Помимо частных домов и квартир, ипотечные продукты – это деньги под залог коттеджей, таунхаусов, а также части дома или квартиры. Кроме того, под ипотеку покупаются земельные участки под строительство и гаражи.

Институт ипотеки в правовой системе регулируется Гражданским кодексом в части, неурегулированной специализированными законами об ипотеке.

Стороны в договоре об ипотеке - залогодатель и залогодержатель. «Лицо, отдающее свою вещь в обеспечение обязательства, называется залогодателем. Лицо, принимающее чужую вещь в залог своего права требования, носит название залогодержателя» [4, 243] (это название сохранилось для субъектов всех видов залога с того времени, когда предмет залога обязательно передавался в руки лица, чье право требования обеспечивается).

Залогодателем может быть как юридическое лицо, так и гражданин. Лица в возрасте от 14 до 18 лет могут закладывать свое недвижимое имущество только с согласия родителей (или попечителей) и с разрешения органа опеки и попечительства.

Залогодателем может выступать как сам должник по обеспеченному ипотекой обязательству, так и третье лицо. В последнем случае залогодатель отвечает только в размере суммы, вырученной от реализации заложенного имущества.

Так, коммерческий банк выдал кредит в 70 000 тысяч сомони индивидуальному предпринимателю, а залогодателем выступило акционерное общество, предоставившее в качестве залога квартиру, оцененное сторонами в 100 000 тысяч сомони. Кредит вовремя не был возвращен, и с процентами долг составил 120 000 тысяч сомони. Именно эту сумму кредитор (он же залогодержатель - коммерческий банк) потребовал от АО. Однако экономический суд, обратив взыскание на заложенное судно, указал, что обязанность залогодателя здесь ограничена лишь суммой, которую удастся выручить от продажи квартиры. Остальное следует взыскивать с самого должника - индивидуального предпринимателя [5].

В соответствии с ч. 1 ст. 1 Закона РФ «Об ипотеке» и п. 1 ст. 2 Закона РТ «Об ипотеке» залогодержателем является кредитор по обеспеченному ипотекой обязательству. По мнению А.А. Вишневого «совпадение в одном лице кредитора по основному обязательству,

обеспеченному залогом и залогодержателя вытекает из самой конструкции залога как способа обеспечения исполнения обязательства» [4, 22].

Законом допускается ипотека имущества, принадлежащего залогодателю на праве собственности или на праве хозяйственного ведения. В тех случаях, когда предметом ипотеки является имущество, для отчуждения которого требуется согласие или разрешение другого лица или органа, такое согласие или разрешение необходимо для ипотеки этого имущества. Например, недвижимое имущество, закрепленное за государственным, муниципальным унитарным предприятием на праве хозяйственного ведения, может быть передано в залог только с согласия собственника.

Залогодателем по российскому и таджикскому законодательству могут быть как физические, так и юридические лица, и в качестве залогодателя имущества выступает сам должник по обязательству, обеспеченному ипотекой, или лицо, не участвующее в этом обязательстве (третье лицо). Однако независимо от того, кто является залогодателем, отдавать в залог вещи могут только те, кто имеет право отчуждать их посредством продажи, так как в залоговом праве содержится возможность продажи предмета ипотеки. Поэтому залогодателем может быть по общему правилу только собственник и иные лица, обладающие правом распоряжения принадлежащим им имуществом (субъект права хозяйственного ведения).

Но недостаточно быть собственником или владеть имуществом на праве хозяйственного ведения, чтобы быть вправе заложить свою вещь. Если залогодателем является физическое лицо, оно должно обладать дееспособностью или быть эмансипировано. В соответствии с гражданским законодательством установлен определенный круг ограничений для собственников, которые могут быть залогодателями:

- несовершеннолетние или неэмансипированные лица могут закладывать свое имущество только «с письменного согласия своих законных представителей – родителей, усыновителей или попечителей»;

- граждане, которые вследствие психического расстройства признаны недееспособными, не могут выступать в качестве залогодателя (от их имени сделки совершает их опекун);

- гражданин, ограниченно дееспособный вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами и ставящий тем самым свою семью в тяжелое материальное положение, может выступать в качестве залогодателя лишь с согласия попечителя (п. 1 ч. 3 ст. 30 ГК РФ и п. 3 ст. 31 ГК РТ).

Государственное или муниципальное унитарное предприятие, которому имущество принадлежит на праве хозяйственного ведения, может стать залогодателем по договору ипотеки лишь с согласия собственника (ч. 1 п. 2 ст. 295 ГК РФ и п. 3 ст. 335 ГК РТ). Законодательством допускается ипотека имущества, находящегося в общей совместной либо в общей долевой собственности (ст. 7 Закона РФ «Об ипотеке» и ст. 8 Закона РТ «Об ипотеке»). При этом участник общей долевой собственности может заложить свою долю в праве общей собственности без согласия других собственников.

Договор об ипотеке может быть заключен только после государственной регистрации прав залогодателя (собственности, аренды, хозяйственного ведения) на закладываемое имущество.

Таким образом, сторонами по ипотечному правоотношению являются:

1. Физическое лицо - залогодатель;
2. Банк или банковская организация – залогодержатель;

Основными правами залогодателя (должника) являются:

- Пользоваться заложенным имуществом;
- Сдавать в аренду, а также распоряжаться иным способом, только с разрешения залогодержателя (в общем случае сдавать в аренду можно и без разрешения, если иное не предусмотрено договором);

- Завещать заложенное имущество; Залогодатель(должник) имеет обязанности:

- Застраховать заложенное имущество;

- Уведомлять залогодержателя о возникновении угрозы утраты или повреждения заложенного имущества. Основными правами залогодержателя(кредитора) являются:

- Требование передачи права другому лицу как по основному обязательству (в обеспечение, которого и была заключена ипотека) так и по самой ипотеке;

- Обращение взыскания на предмет залога в случаях, предусмотренных в законе и договоре;
 - Требование досрочной выплаты долга у должника, по основаниям, закрепленным в законе и в соглашении сторон;
 - Требование к должнику сохранять предмет ипотеки.
- Основными обязанностями залогодержателя (кредитора) являются:
- Предоставление в суд доказательств в случае, если возник спор о праве на заложенное имущество;
 - Залогодержатель, которому передано имущество, обязан, если иное не предусмотрено законом или договором, страховать за счет залогодателя заложенное имущество.

Исходя из вышесказанного, можно резюмировать, что стороны по договору ипотечного кредитования имеют корреспондирующие друг другу права и обязанности. Именно выполнение обязанностей гарантирует права для другой стороны. Ответственность за невыполнение своих обязанностей несетя в соответствии с законодательством и нормами договора.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года, №1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30447927 (дата обращения: 23.08.2023).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть 2 от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 29.08.2023).
3. Вишневский А.А. Залоговое право. – М., Статут, 2013. – 462 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М., Статут. 2004. – 672 с.
5. Решение Экономического суда г. Душанбе по делу №12/253, №431

К ВОПРОСУ О ПУБЛИЧНОМ ДОГОВОРЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Хайдарзода Сабрина Абдухалим

магистрант 2 – го года обучения факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734000, Республика Таджикистан, г. Душанбе ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

ON THE ISSUE OF PUBLIC CONTRACT IN CIVIL LAW

Haydarzoda Sabrina Abduhalim

Magister of the 2st year of study of full-time department of the Faculty of correspondence
(distance) education
Russian-Tajik (Slavic) University
734000, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. В данной статье анализируется публичный договор в качестве института гражданского права. Публичные договоры являются наиболее распространённым видом договоров в гражданском праве и служат для защиты прав потребителей товаров и услуг. В статье анализируются отдельные виды публичных договоров, приводятся последствия заключения договоров данного вида и их отличия от других договоров в гражданско-правовой сфере.

Annotation. This article analyzes the public contract as an institution of civil law. Public contracts are the most common type of contracts in civil law and serve to protect the rights of consumers of goods and services. The article analyzes certain types of public contracts, provides the consequences of concluding contracts of this type and their differences from other contracts in the civil legal sphere.

Ключевые слова: гражданский кодекс, публичный договор, оказание услуг, гражданское право, граждане, вещи.

Key words: Civil code, public contract, provision of services, civil law, citizens, things.

В современной практике экономической деятельности необходимо иметь различные юридические формы организации и регулирования хозяйственных отношений. Одним из таких институтов является публичный договор, который был введен в первой части Гражданского кодекса РТ. В таджикском гражданском праве институт публичного договора и сегодня находится в стадии развития. Задачей законодателя в данном случае является дальнейшее совершенствование публичного регулирования в договорном праве, чтобы обеспечить баланс интересов между организациями и гражданами, которые выступают в роли потребителей товаров и услуг.

Законодатель назвал изучаемое правовое явление договором, что сформировало его теоретическое понимание. Однако структура публичного договора, определенная в статье 488 ГК РТ[1], отличается от структуры традиционных гражданско-правовых договоров (например, купли-продажи, аренды, подряда и т.д.), поскольку она включает как преддоговорную стадию, так и стадию исполнения заключенного договора. Публичный договор порождает последующие правоотношения, которые последовательно сменяют друг друга, что отличает его от других договоров. Однако в гражданско-правовой литературе это отличие практически не отражено, хотя были сделаны определенные попытки разграничить правоотношения, вытекающие из публичного договора.

Г.А. Калашникова в своей кандидатской диссертации, посвященной публичному договору, отмечает, что понятие публичного договора охватывает широкий спектр отношений. Это начинается с преддоговорной стадии, которая возникает, когда коммерческая организация начинает осуществлять публичную деятельность, и продолжается вплоть до стадии заключения и частичного исполнения конкретного договора. [3, 7].

Публичные договоры представляют собой наиболее распространенную форму договоров в гражданском праве. Почти каждый человек сталкивается с публичными договорами почти каждый день. К ним относятся такие виды договоров, как розничная купля-продажа, пользование общественным транспортом, предоставление услуг в сфере связи, хранение вещей в общем хранилище, аренда вещей, бытовой подряд, хранение имущества на складе общего пользования, и так далее. [2, 77].

Появление публичных договоров в гражданском праве было обусловлено необходимостью защиты прав и интересов потребителей, которые обычно являются более уязвимой стороной в сделках данного типа. Суть проблемы заключается в том, что обычные потребители вступают в экономические отношения с крупными торговыми организациями, что создает неравенство в экономической мощности между сторонами публичного договора. Законодатель внедряя институт публичного договора преследует цели обеспечения удовлетворения потребностей граждан в оптимальном виде. По мнению некоторым цивилистов, главная задача публичных договоров заключается в обеспечении фактического равенства участников правоотношений, а не только их юридического равенства. Кроме того, институт публичных договоров служит для поддержания свободного функционирования рынка товаров и услуг, а также имеет важное значение в борьбе с монополизмом.

В соответствии со статьей 488 ГК РТ «Публичным договором признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые по характеру своей деятельности оно должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится (розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и другое)» [1].

Публичный договор отличается тем, что привлекаемые к нему коммерческие организации занимаются публичной деятельностью. Публичный характер деятельности подразумевает, что компания систематически предлагает свои услуги и работает для неопределенного круга потенциальных потребителей. Обычно публичная деятельность организации осуществляется с помощью публичной оферты. Важно отметить, что систематичность и неопределенность круга потребителей не всегда являются единственными факторами для определения публичного характера коммерческой

деятельности. В теории гражданского права возможны случаи, когда публичный договор заключается лишь один раз, но все равно подпадает под нормы статьи 488 Гражданского кодекса. [5, 7].

Не все коммерческие организации могут быть рассмотрены как потенциальные участники публичного договора. Решающее значение имеет характер их деятельности. В этой связи следует отметить, что среди разнообразных видов предпринимательской деятельности выделяются те, которые должны осуществляться соответствующими коммерческими организациями в отношении всех, кто обращается к ним. Четкий ориентир для определения таких видов деятельности представляет собой примерный перечень, содержащийся в части 1 статьи 488 Гражданского кодекса РТ[1]. Эти различные виды деятельности, которые регулируются различными гражданско-правовыми договорами, объединяются одним общим аспектом: коммерческие организации должны вступать в договорные отношения с любыми физическими и юридическими лицами, обратившимися к ним. [7, 44].

При обсуждении последствий заключения публичных договоров для коммерческих организаций, которые являются субъектами таких договорных отношений, необходимо учесть следующее:

- Запрещено отказывать организации в предоставлении товаров, работы или услуги, если они доступны для юридических или физических лиц. Рассматривается, как необоснованное уклонение от заключения публичного договора, сопровождаемое негативными последствиями, предусмотренными законодательством.

- Организации не имеют права дать предпочтение одному из обратившихся потребителей, за исключением особых категорий, таких как инвалиды, ветераны и другие.

- Условия публичного договора, в основном относящиеся к стоимости товаров и услуг, должны быть одинаковыми для всех, за исключением установленных законом льготных категорий.

- Споры, возникающие из публичных договоров, разрешаются судом по согласию одной из сторон, что отличает его от других гражданско-правовых договоров, где требуется согласие обеих сторон.

В контексте совершенствования института публичных договоров в таджикском гражданском праве, усматривается ограничение принципа "свободы договора" и является одним из примеров, когда учитываются общественно значимые цели. В связи с этим законодателю следует найти оптимальные возможности для ограничения принципа «свободы договора», а в судебной практике должны учитываться общественно - значимые цели такого ограничения в ходе применения норм о публичных договорах.

Таким образом, публичным договором следует считать договор, заключаемый между коммерческими организациями и лицами, которые намерены получить товары или услуги, предоставляемые этими организациями. Публичный договор устанавливает обязанность организации продать товары, выполнить работы или предоставить услуги потребителю.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан. Ч. 2 от 30. 06. 1999 г. [Электрон. ресурс] // Адлия: Централизованная банк правовой информации РТ. Версия 7.0. // М-во юстиции РТ. - Душанбе, 2022. – 1 электрон. опт. Диск (CD - ROM).
2. Калашникова Г.А. Публичный договор. Краснодар: КубГУ, - 2012. - С. 26-28.
3. Калашникова, Г.А. Публичный договор: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: 2002. – 207 с.
4. Карапетов А.Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. - М.: Статут, 2007. – 876 с.
5. Мищенко Е.А. Публичный договор бытового подряда // Юрист. - 2013. - № 7. - С. 7-12.
6. Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; Инфра-М, 2013. - 496 с.
7. Славецкий Д.В. Реализация принципа защиты слабой стороны при заключении публичного договора // Вестник института права СГЭА. - 2014. - № 3. - С. 42-50.
8. Тотьев К.А. Публичный договор // Хозяйство и право. - 2015. - № 6. - С. 48-53.

ПУБЛИЧНЫЙ ДОГОВОР КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Хайдарзода Сабрина Абдухалим

магистрант 2 – го года обучения факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734000, Республика Таджикистан, г. Душанбе ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

PUBLIC CONTRACT AS AN INSTITUTE OF CIVIL LAW

Haydarzoda Sabrina Abduhalim

Magister of the 2st year of study of full-time department of the Faculty of correspondence
(distance) education
Russian-Tajik (Slavic) University
734000, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. В данной статье анализируется публичный договор в качестве института гражданского права. Публичные договоры являются наиболее распространённым видом договоров в гражданском праве и служат для защиты прав потребителей товаров и услуг. В статье анализируются отдельные виды публичных договоров, приводятся последствия заключения договоров данного вида и их отличия от других договоров в гражданско-правовой сфере.

Annotation. This article analyzes the public contract as an institution of civil law. Public contracts are the most common type of contracts in civil law and serve to protect the rights of consumers of goods and services. The article analyzes certain types of public contracts, provides the consequences of concluding contracts of this type and their differences from other contracts in the civil legal sphere.

Ключевые слова: гражданский кодекс, публичный договор, оказание услуг, гражданское право, граждане, вещи

Key words: civil code, public contract, provision of services, civil law, citizens, things.

Публичные договоры играют важную роль в гражданском обороте, обеспечивая стабильность и защиту интересов всех участников сделки. В данной научной статье будет исследовано значение публичных договоров в гражданском обороте, их особенности и функции, а также их влияние на различные сферы общественной жизни.

Публичные договоры являются одним из основных институтов гражданского права и имеют значительное значение в гражданском обороте. Они представляют собой особый вид договоров, заключаемых между гражданами и государством или другими публичными коммерческими организациями.

Согласно действующему гражданскому законодательству, договор – это соглашение между несколькими лицами об установлении, прекращении или изменении прав и обязанностей, которые регулируются гражданским правом.

Публичные договоры являются исключением из общего принципа "свободы договоров", как отмечает Брагинский М.И. В гражданском праве публичные договоры представляют собой один из случаев, когда действует публичное начало. Режим публичных договоров является противоположностью режиму "свободы договоров", который наиболее полно выражает принципы частного права, на которых основано гражданское право [2].

Публичный интерес отражается во многих нормах гражданского права, не только в статье 488 ГК РТ. Государство, руководимое этими интересами, вмешивается в частные дела. В некоторых случаях цель вмешательства очевидна. Например, статья 462 ГК РТ постановляет, что заранее заключенное соглашение об исключении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства является недействительным. Описанная цель связана с более широкой задачей – обеспечением нормального правопорядка в стране [2].

Публичные договоры являются самыми распространёнными договорами в гражданском праве. Практически каждый человек сталкивается с публичными договорами почти ежедневно

[3, 77]. Основной характеристикой публичного договора является предоставление услуг или товаров общественности или неопределенному кругу лиц. Например, это может включать такие виды деятельности, как предоставление общественного транспорта, коммунальные услуги, телефонные и интернет-соединения, работу государственных учреждений и другие услуги, доступные для широкой общественности. Публичные договоры включают специальные нормы и условия, которые должны быть соблюдены для защиты прав и интересов потребителей.

В статье 488 ГК РФ имеется второе направление, помимо защиты прав потребителей, которое может не быть так явным, но все же имеет большое значение. Это направление направлено на гарантии свободного функционирования рынка и борьбу с монопольными тенденциями, а также на развитие свободной конкуренции. В самой статье ГК, наряду с нормами, касающимися защиты потребителей, содержатся правила, затрагивающие антимонопольное законодательство или близкие к нему по целям. Это можно подтвердить ссылкой на Закон РФ "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках". В этом законе перечислены действия, которые могут ограничить конкуренцию и ущемить интересы других хозяйствующих субъектов или физических лиц. Они включают навязывание невыгодных или непричастных к предмету договора условий контрагенту, включение дискриминационных условий в договор, нарушение регулируемого ценообразования, установление монопольно высоких или низких цен, сокращение или прекращение производства товаров со спросом или заказами потребителей, если существует безубыточная возможность их производства.

В статье 488 ГК РФ определен публичный договор, который заключается коммерческой организацией и определяет ее обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые она должна предоставлять каждому клиенту, обратившемуся к ней. Эти договоры относятся к таким отраслям экономики, как розничная торговля, общественный транспорт, связь, энергетика, медицина, гостиничный бизнес и др. [2].

Основной признак публичного договора - это публичный характер деятельности, которой занимается коммерческая организация. Для определения, является ли деятельность публичной, необходимо убедиться, что она осуществляется организацией систематически и предназначена для неопределенного круга потенциальных клиентов. Коммерческая деятельность, осуществляемая организацией систематически, обычно предлагается через публичные оферты. Однако следует отметить, что систематический характер и неопределенный круг клиентов в некоторых случаях не являются достаточными признаками для определения публичного характера коммерческой деятельности. В теории гражданского права возможна ситуация, когда публичный договор заключается хозяйствующими субъектами однократно, но при этом все равно подпадает под нормы статьи 426 ГК РФ [5, 7].

Смысл ст. 488 ГК РФ состоит исключительно в предоставлении льгот потребителю, заведомо не распространяя их на его контрагента.

Еще одной частью механизма публичного договора является признание дискриминационных условий недействительными с самого начала, даже без судебного решения.

Публичный договор, защищающий права потребителей, включает ряд льгот и преимуществ в соответствии с Законом РФ "О защите прав потребителей". Одно из таких преимуществ - возможность потребителя требовать компенсации как за ущерб имущественного, так и морального характера в случае нарушения договора со стороны контрагента. Это право не требует дополнительного подтверждения специальным законодательством. По этой причине Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала на то, что такое требование может быть заявлено пассажиром воздушному транспорту. При этом возражения ответчика, сославшегося на то, что Воздушный кодекс права на возмещение морального вреда не предусматривает, было отвергнуто [2].

При обсуждении участников публичного договора следует отметить, что одним из участников должна быть коммерческая организация, которая может представлять государственные, муниципальные или кооперативные структуры и др. В свою очередь, другой стороной публичного договора могут быть как физические, так и юридические лица, которые являются потребителями товаров, работ и услуг, предоставляемых этой организацией [8, 49].

Однако не все коммерческие организации могут быть участниками публичного договора. Важную роль играет характер деятельности такой организации. Поэтому следует отметить,

что существуют определенные виды предпринимательской деятельности, которые должны выполняться соответствующими коммерческими организациями для каждого, кто обратится к ним. В перечне, содержащемся в ч. 1 статьи 488 ГК РТ, можно найти примеры таких видов деятельности. Все эти разнообразные виды деятельности, регулируемые различными гражданско-правовыми договорами, объединяет общий фактор - коммерческие организации должны вступать в договорные отношения с любыми физическими и юридическими лицами, обратившимися к ним [7, 44].

Говоря о последствиях заключения публичных договоров, следует отметить следующее:

- Коммерческие организации не могут отказывать в предоставлении работы, услуги или товара юридическим или физическим лицам, если у них есть возможность. В противном случае, это считается неправомерным уклонением от заключения публичного договора, что может привести к негативным последствиям, предусмотренным законодательством.

- Организации не могут дать предпочтение одному потребителю перед другими, кроме некоторых исключений, таких как инвалиды или ветераны и др.

- Условия публичного договора, в основном цена товаров и услуг, должны быть одинаковыми для всех, за исключением категорий льготников, определенных законом.

- Споры, связанные с условиями публичных договоров, разрешаются в судебном порядке по согласию одной из сторон. Это существенное отличие от других гражданско-правовых договоров, решение споров по которым требует согласия обеих сторон. [4, 162].

В качестве возможных путей совершенствования института публичных договоров в российском гражданском праве стоит отметить, что регулирование публичных договоров отходит от принципа «свободы договора» будучи одним из примеров функционирования публично-правовых начал в гражданском праве. В связи с этим законодателю следует найти оптимальные возможности для ограничения принципа «свободы договора». В судебной практике также необходимо учитывать общественные цели такого ограничения при применении норм о публичных договорах.

Таким образом, публичным договором следует считать договор, который заключается между коммерческими организациями и теми, кто собирается на возмездной основе получить товары и услуги, предлагаемые коммерческими организациями. Публичным договором устанавливается обязанность организации продать товар, выполнить работы либо оказать услуги в отношении потребителя.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан. Ч. 2 от 30. 06. 1999 г. [Электрон. ресурс] // Адлия: Централизованный банк правовой информации РТ. Версия 7.0. // М-во юстиции РТ. - Душанбе, 2022. – 1 электрон. опт. Диск (CD - ROM).
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения: Изд. 2-е, испр. М.: «Статут», 1999. - 848 с
3. Калашникова Г.А. Публичный договор. Краснодар: КубГУ, - 2012. – 196 с.
4. Карапетов А.Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, - 2014. – 876 с.
5. Мищенко Е.А. Публичный договор бытового подряда // Юрист, 2013. - № 7. - С. 7-12.
6. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве. М.: Юрист, 2011. – 496 с.
7. Славецкий Д.В. Реализация принципа защиты слабой стороны при заключении публичного договора // Вестник института права СГЭА, 2014. - № 3. - С. 42-50.
8. Тотьев К.А. Публичный договор // Хозяйство и право, 2015. - № 6. - С. 48-53.

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОТЧУЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА ПОСРЕДСТВОМ ПРЯМЫХ ТОРГОВ

Хамиди Одилджон Халифабобо

магистрант 3-го курса факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел: 501-99-12-33, e-mail: khamidov2017@gmail.com

SOME LEGAL ASPECTS OF ALSO PUBLIC PROPERTY THROUGH DIRECT BIDDING

Khamidi Odiljon Khalifabobo

3rd year master student of the Faculty of correspondence (distance) education
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel: 501-99-12-33, e-mail: khamidov2017@gmail.com

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются отдельные положения нормативных правовых актов, регламентирующих отчуждение государственного имущества в Республике Таджикистан, а также соотношение форм приватизации государственной собственности и возможности продажи государственного имущества посредством прямых торгов.*

***Annotation.** This article discusses certain provisions of regulatory legal acts regulating the alienation of state property in the Republic of Tajikistan, as well as the ratio of forms of privatization of state property and the possibility of selling state property through direct bidding.*

***Ключевые слова:** приватизация, продажа государственного имущества, участник, доля в обществе с ограниченной ответственностью, акция, конфискация имущества, приговор суда.*

***Key words:** privatization, sale of state property, participant, share in a limited liability company, action, confiscation of property, court verdict.*

Законодательство Республики Таджикистан определяет приватизацию государственного имущества следующим образом: «приватизация государственной собственности – осуществляемая государством деятельность по передаче имущества, находящегося в собственности государства, в личную собственность физических и юридических лиц в порядке, установленном законодательством Республики Таджикистан». Упомянутое понятие приведено в статье 2 Закона Республики Таджикистан от 16 мая 1997 года, №464 «О приватизации государственной собственности».

Одним из основных принципов приватизации государственной собственности в Таджикистане, наряду с предусмотренными статьей 4 вышеуказанного Закона другими принципами, является равенство прав граждан на получение доли в имуществе, подлежащим приватизации.

Соблюдение этого принципа обеспечивается путём признания продажи государственного имущества на торгах одним из форм приватизации государственной собственности, что предусмотрено статьей 11 данного Закона. Торги проводятся в виде аукциона и тендера (ст. 12 Закона).

Статья 514 Гражданского кодекса Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года, №1918 устанавливает, что аукционы и конкурсы могут быть открытыми и закрытыми. В открытом аукционе и открытом конкурсе может участвовать любое лицо. В закрытом аукционе и закрытом конкурсе участвуют только лица, специально приглашенные для этой цели.

Анализируя приведённые выше нормы из отдельных законодательных актов, становится ясно, что по Закону Республики Таджикистан «О приватизации государственной собственности» государственное имущество не может отчуждаться в частную собственность при заранее определённом субъекте или кругу лиц, имеющих преимущественное право на приобретение приватизируемого имущества.

При этом необходимо иметь ввиду, что в законодательстве Республики Таджикистан предусмотрены отдельные случаи, когда у государства возникает право собственности на имущество, в отношении которого те или иные субъекты могут иметь преимущественное право на его приобретение.

Рассмотрим одно из таких оснований возникновения права государственной собственности на примере гражданско-правовых последствий конфискации имущества в рамках уголовного дела.

Согласно статье 57 Уголовного кодекса Республики Таджикистан конфискация имущества – это принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора имущества осужденного, определённого в этой статье.

В соответствии с частью 1 статьи 199 Кодекса исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан конфискации подлежит имущество осужденного, включая его долю в общей собственности, уставном (складочном) капитале коммерческих организаций, деньги, ценные бумаги, иные ценности, в том числе находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в финансово-кредитных организациях и банках, а также имущество, переданное осужденным в доверительное управление.

Так как в вышеприведённой норме есть указание на долю осуждённого в уставном капитале коммерческих организаций, следует заметить, что в силу положений части 3 статьи 23 Закона Республики Таджикистан от 10 мая 2002 года, №53 «Об обществах с ограниченной ответственностью» участники общества пользуются преимущественным правом покупки доли (части доли) участника общества по цене, предложенной третьему лицу пропорционально размерам своих долей, если уставом общества или соглашением участников общества не предусмотрен иной порядок осуществления данного права.

Если осуждённый по приговору суда не является единственным участником общества с ограниченной ответственностью, в которой его доля в уставном капитале подлежит конфискации, то при переходе такого имущества в собственность государства и последующем принятии уполномоченными органами государственной власти решения о его приватизации у другого участника будет преимущественное право на приобретение у государства его доли.

По приговору суда в порядке конфискации имущества в собственность государства могут переходить также и ценные бумаги, к числу которых можно отнести принадлежащие ранее осужденному акции закрытых акционерных обществ.

В соответствии со статьей 6 Закона Республики Таджикистан от 5 марта 2007 года, №237 «Об акционерных обществах» акционеры закрытого акционерного общества имеют преимущественное право на приобретение акций, продаваемых другими акционерами такого акционерного общества, по цене, предложенной другому лицу.

Рассматривая примеры, связанные с переходом по приговору суда в собственность государства в порядке конфискации имущества доли в обществе с ограниченной ответственностью и акций закрытого акционерного общества, в контексте возможной приватизации такого имущества следует помнить о том, как было выше отмечено, что государственное имущество по Закону Республики Таджикистан «О приватизации государственной собственности» не может отчуждаться в частную собственность при заранее определённом субъекте или кругу лиц, имеющих преимущественное право на приобретение приватизируемого имущества.

Следующим примером случая нахождения в собственности государства имущества, на приобретение которого тот или иной субъект в предусмотренном законодательством порядке будет иметь преимущественное право, можно назвать положение части 2 статьи 8 Закона Республики Таджикистан «Об обществах с ограниченной ответственностью», согласно которому Правительство Республики Таджикистан может выступать в качестве участника общества с ограниченной ответственностью.

Имущество, на приобретение которого тот или иной субъект в предусмотренном законодательством порядке будет иметь преимущественное право, помимо других указанных в настоящей статье примеров, может переходить в собственность государства в случаях, предусмотренных статьей 1281 Гражданского кодекса Республики Таджикистан. Данная норма устанавливает, что государство получает наследство по закону в следующих случаях, если: наследодатель лишил всех наследников права наследования; - все наследники не вправе получать наследство; - все наследники отказались от наследства без указания наследника, в пользу которого осуществляется отказ; - все наследники не приняли наследство; наследодатель не имеет наследников ни по закону, ни по завещанию. Государство также может унаследовать имущество по завещанию (ч. 3 ст. 1257 ГК РТ).

Примечательно, что в случае с возможным отчуждением доли в общей собственности законодатель допустил возможность продажи доли в таком имуществе путём проведения публичных торгов без предварительного ожидания решения другого участника права общей собственности. Так, согласно части 2 статьи 322 Гражданского кодекса Республики Таджикистан публичные торги для продажи доли в праве общей собственности при отсутствии согласия на это всех участников долевой собственности могут проводиться в случаях, предусмотренных статьей 331 данного Кодекса, и в иных случаях, предусмотренных

законом. В данном случае, к иным случаям, которые предусмотрены законом, можно отнести статьи 4 и 11 Закона Республики Таджикистан «О приватизации государственной собственности».

Исходя из вышесказанного и с учётом приведённых в качестве основания отдельных положений законодательства Республики Таджикистан, в рамках настоящей статьи предлагается внести в статью 11 Закона Республики Таджикистан «О приватизации государственного имущества» положение о допустимости отчуждения государственного имущества лицам, имеющим преимущественное право на его приобретение в силу непосредственного указания в законе, путём проведения прямых торгов.

Одновременно с этим нельзя не считаться с положением абзаца 9 части 2 статьи 5 Закона Республики Таджикистан от 28 декабря 2012 года, №925 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», в соответствии с которым одним из коррупциогенных факторов, устанавливающих для правоприменителя необоснованно широкие властно-распорядительные полномочия, пределы усмотрения или возможности необоснованного применения исключений и ограничений из общих правил, является отказ от конкурсных (аукционных) процедур, то есть установление административного порядка предоставления права и (или) материальных, нематериальных благ.

Однако в вышеприведённой норме речь идёт о случаях ничем необоснованного включения в тексты проектов нормативных правовых актов положений, предполагающих отказ от конкурсных процедур. Соответственно, включение в статью 11 Закона Республики Таджикистан «О приватизации государственной собственности» предложенного выше положения можно определить, как способ обеспечения предусмотренных законом интересов субъектов, имеющих преимущественное право на приобретение того или иного имущества.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года, №1918 [вступил в силу с 1 июля 2023 года – статья 1351, Прим.].
2. Закон Республики Таджикистан от 28 декабря 2012 года, №925 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (в редакции Закона Республики Таджикистан от 4 апреля 2019 года, №1589).
3. Закон Республики Таджикистан от 5 мая 2007 года, №237 «Об акционерных обществах» (в редакции Закона Республики Таджикистан от 19 июля 2022 года, №1907).
4. Закон Республики Таджикистан от 10 мая 2002 года, №53 «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в редакции Закона Республики Таджикистан от 19 июля 2022 года, №1908).
5. Кодекс исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан (в редакции Закона Республики Таджикистан от 18 марта 2022 года, №1854).
6. Уголовный кодекс Республики Таджикистан (в редакции Закона Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года, №1925).
7. Закон Республики Таджикистан от 16 мая 1997 года, №464 «О приватизации государственной собственности в Республики Таджикистан» (в редакции Закона Республики Таджикистан от 2 января 2020 года, №1686).

К ВОПРОСУ О ВНЕДРЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ТОРГОВ В ПРОЦЕССЕ ПРИВАТИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Хамиди Одилджон Халифабо

магистрант 3-го курса факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 501-99-12-33, e-mail: khamidov2017@gmail.com

ON THE ISSUE OF THE INTRODUCTION OF ELECTRONIC BIDDING IN THE PROCESS OF PRIVATIZATION OF STATE PROPERTY

Khamidi Odiljon Khalifabobo

3rd year master student of the Faculty of correspondence (distance) education
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: 501-99-12-33, e-mail: khamidov2017@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются отдельные положения нормативных правовых актов, определяющих порядок выставления на продажу государственного имущества, а также соотношения форм приватизации государственной собственности в Республике Таджикистан и возможности проведения электронных торгов в процессе приватизации.

Annotation. This article discusses certain provisions of regulatory legal acts that determine the procedure for the sale of state property, as well as the relationship between the forms of privatization of state property in the Republic of Tajikistan and the possibility of electronic bidding in the process of privatization.

Ключевые слова: приватизация, продажа государственного имущества, электронная торговля, электронный документ, электронная подпись.

Key words: privatization, sale of state property, electronic commerce, electronic document, electronic signature.

Общественные отношения в сфере электронной торговле регулируются Законом Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года, №1921 «Об электронной торговле», в соответствии со статьей 2 которого данный Закон распространяется на сделки, осуществляемые с использованием информационно-коммуникационных сетей и электронных процедур. На сделки, требующие обязательного нотариального удостоверения или государственной регистрации, совершённые на рынке страхования и ценных бумаг и объекты, изъятые или ограниченные в гражданском обороте, а также государственные закупки действие указанного Закона не распространяется.

Примечательно, что в вышеуказанном законе отсутствуют нормы, запрещающие выставление на продажу государственного имущества посредством проведения электронных торгов.

Во всяком случае, следует иметь ввиду, что на данный момент Закон Республики Таджикистан от 16 мая 1997 года, №464 «О приватизации государственной собственности» и постановление Правительства Республики Таджикистан от 1 марта 2004 года, №98 «О порядке продажи объектов государственной собственности на аукционах и тендерах» не предусматривают возможность приватизации объектов государственной собственности путём проведения электронных торгов.

Как известно, в соответствии со статьей 11 вышеуказанного Закона приватизация осуществляется в следующих формах: а) продажи на торгах; б) по индивидуальному проекту приватизации на конкурсной основе. Определение порядка проведения торгов определяется Правительством Республики Таджикистан. Статья 12 Закона предусматривает, что торги проводятся в виде аукциона и тендера.

Из положений упомянутого выше постановления Правительства Республики Таджикистан от 1 марта 2004 года, №98 «О порядке продажи объектов государственной собственности на аукционах и тендерах», который был принят на основании и во исполнение статьи 11 Закона Республики Таджикистан «О приватизации государственной собственности», следует, что аукционы и тендеры по приватизации объектов государственной собственности проводятся в явочном для организатора и участников порядке.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что проведение электронных торгов при приватизации государственного имущества в Республике Таджикистан юридически считается невозможным.

Выставление на продажу государственного имущества посредством электронных торгов будет возможно в случае внесения соответствующего дополнения в Закон Республики

Таджикистан «О приватизации государственной собственности». При этом электронный документооборот, связанный с приватизацией государственного имущества процедурами, должен отвечать требованиям статьи 10 и других положений Закона Республики Таджикистан от 15 марта 2023 года, №1965 «Об электронном документе и электронной подписи».

Учитывая принятие новых Законов Республики Таджикистан «Об электронной торговле» и «Об электронном документе и электронной подписи», в рамках настоящей статьи предлагается в пилотном порядке сроком на 1 год внедрить электронные торги в процесс приватизации государственного имущества в Республике Таджикистан.

Список литературы

1. Закон Республики Таджикистан от 15 марта 2023 года, №1965 «Об электронном документе и электронной подписи».
2. Закон Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года, №1921 «Об электронной торговле».
3. Закон Республики Таджикистан от 16 мая 1997 года, №464 «О приватизации государственной собственности в Республики Таджикистан» (в редакции Закона Республики Таджикистан от 2 января 2020 года, №1686).
4. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 1 марта 2004 года, №98 «О порядке продажи объектов государственной собственности на аукционах и тендерах» (в редакции постановления Правительства Республики Таджикистан от 5 декабря 2013 года, №577).

ПРИЗНАНИЯ И ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Хушдилов Абубакр Абдумуталибович

Магистрант 2 – го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734000, Республика Таджикистан, г. Душанбе ул. М.Турсунзаде, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF FOREIGN ARBITRATION DECISIONS IN ECONOMIC DISPUTES: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Khushdilov Abubakr Abdumutalibovich

Magister of the 2st year of study of full-time department, of the Law Faculty
Russian-Tajik (Slavic) University
734000, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M.Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам теории и практики признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений по экономическим спорам. Исследование основывается на сравнительном анализе правовых рамок, а также на анализе теоретических и практических проблем, возникающих при рассмотрении и исполнении таких решений.

Annotation. This article is devoted to the problems of theory and practice of recognition and enforcement of foreign arbitral awards in economic disputes. The study is based on a comparative analysis of legal frameworks, as well as an analysis of the theoretical and practical problems that arise when considering and implementing such decisions.

Ключевые слова: Ключевые слова: иностранное арбитражное решение, Нью-Йоркская конвенция 1958 г., Гаагская конвенция 1965 г., Минская конвенция 1993 г., Высший Арбитражный Суд РФ, принцип международной вежливости, принцип взаимности.

Keywords: foreign arbitral award, New York Convention of 1958, Hague Convention of 1965, Minsk Convention of 1993, Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, principle of international courtesy, principle of reciprocity.

Признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений по экономическим спорам является важной и сложной в области международного коммерческого арбитража. Данная тема связана с вопросами признания действительности иностранных арбитражных решений, а также приведения их в исполнение.

Международный коммерческий арбитраж является часто используемым средством разрешения экономических споров между сторонами из разных стран. В контексте глобализации и увеличения трансграничной торговли количество составленных иностранных арбитражных решений постоянно растет. Однако, само решение не обеспечивает полного урегулирования спора, поскольку необходимо его признание и приведение в исполнение в других юрисдикциях. Процессы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений являются сложными и зависят от международного и национального права.

Акты судопроизводства каждого государства имеют юрисдикцию только в пределах своей национальной территории. В Республике Таджикистан процедура признания и приведения в исполнение судебных актов иностранных государств регулируется главой 28 Экономического процессуального кодекса Республики Таджикистан, известной также как "Международное исполнительное производство"» [7, 795]. Согласно статье 220 ЭПК РТ [5], решения иностранных судов, принятые по экономическим спорам и других делах, связанных с предпринимательской и иной экономической деятельностью, а также решения третейских судов и международных коммерческих арбитражей, принятые на территории иностранных государств по аналогичным делам, признаются и приводятся в исполнение экономическими судами Республики Таджикистан, если такое признание и приведение в исполнение предусмотрено международными договорами Таджикистана и законодательством РТ.

На данный момент существует несколько международных договоров, регулирующих процедуры признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений. Россия и Таджикистан является участницей Нью-Йоркской конвенции 1958 года, которая предусматривает признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений. Согласно статье III этой Конвенции, каждый участник обязуется признавать арбитражные решения как обязательные и приводить их в исполнение в соответствии с процессуальными нормами на своей территории, на условиях, изложенных в последующих статьях Конвенции [1].

Исполнение иностранных арбитражных решений по экономическим спорам имеет свою основу в многосторонних договорах о правовой помощи. В рамках Содружества Независимых Государств действует Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [2], которая была ратифицирована Республикой Таджикистан.

Минская конвенция предусматривает, что каждая из Договаривающихся Сторон обязуется признавать и исполнять решения, вынесенные юстицией других Договаривающихся Сторон, включая решения по гражданским и семейным делам, мировые соглашения и нотариальные акты относительно денежных обязательств. Также конвенция охватывает решения судов по уголовным делам о возмещении ущерба.

Это означает, что если одна страна выносит арбитражное решение по экономическому спору, то оно должно быть признано и приведено в исполнение другими странами, являющимися Договаривающимися Сторонами Минской конвенции. Это способствует обеспечению международной правовой стабильности и содействует принципу взаимного признания и исполнения судебных актов.

Важно отметить, что Минская конвенция ограничена сферой гражданского, семейного и уголовного права. Для других типов экономических споров, возникающих в контексте предпринимательской деятельности, может быть необходимо применение других международных договоров и национальных законодательств, регулирующих процесс признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений.

Таким образом, Минская конвенция и другие многосторонние договоры о правовой помощи играют важную роль в обеспечении юридической защиты в сфере экономических споров и способствуют созданию стабильной и предсказуемой правовой системы среди государств. Ратификация и соблюдение таких договоров являются важными шагами в

развитии международного коммерческого арбитража и укреплении правового порядка в отношениях между государствами.

Другое соглашение, заключённое государствами-участниками СНГ 20 марта 1992 г., непосредственно касающееся рассмотрения экономических споров, – Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (далее – Киевское соглашение 1992 г.) [3]. Данное соглашение официально ратифицировано Республикой Таджикистан.

Киевское соглашение 1992 года предусматривает особенности процедуры разрешения споров, связанных с предпринимательской деятельностью. Оно регламентирует такие вопросы, как процессуальные правила и компетенцию судов при рассмотрении экономических споров в рамках СНГ. Арбитражные суды Российской Федерации и других государств-участников СНГ могут обращаться к этому соглашению для урегулирования споров по экономическим вопросам [3].

Значимость Киевского соглашения и его влияние на международный коммерческий арбитраж исследовались во многих случаях. Например, Верховный Арбитражный Суд Российской Федерации применил положение этого соглашения при рассмотрении заявления АО "Шубарколькомир" из Казахстана о пересмотре определения арбитражного суда Оренбургской области и постановления Федерального арбитражного суда Уральского округа. ВАС РФ признал и привел в исполнение заочное решение Специализированного межрайонного экономического суда Карагандинской области на основе положений Киевского соглашения относительно надлежащего извещения сторон о судебном процессе.

Таким образом, Киевское соглашение 1992 года, вместе с другими международными договорами и национальным законодательством, играет важную роль в обеспечении признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений в экономических спорах в рамках Содружества Независимых Государств. Решения, принятые в соответствии с этим соглашением, способствуют укреплению правовой защиты и предсказуемости в международном коммерческом арбитраже.

Практика арбитражных судов РФ и экономических судов РТ демонстрирует возможность признания иностранного решения и приведение его в исполнение на основе начал взаимности и принципа международной вежливости.

В одном из определений арбитражного суда города Москвы от 16 марта 2017 года, касающемся признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения, было отмечено, что принципы взаимности и международной вежливости являются основой для приведения в исполнение на территории Российской Федерации приказа Высокого суда правосудия Англии и Уэльса от 23 ноября 2012 года.

Указанные принципы взаимности и международной вежливости являются общепризнанными принципами международного права и входят в состав правовой системы Таджикистана и России в силу статьи 10 Конституции Республики Таджикистан. Принцип международной вежливости предполагает, что государства должны с уважением относиться к правовым системам друг друга, а принцип взаимности предусматривает взаимное признание и уважение судебных решений, вынесенных в различных государствах.

Данную точку зрения поддерживают Л.П. Ануфриева [6, 228], И.В. Дробязкина [8, 113–115], Т.Н. Нешатаева [9, 84–96], рассматривая принцип международной вежливости и взаимности общепризнанным международно-правовым принципом, который свойственен российской правовой системе

Важно отметить, что и в Таджикистане, и в других стран СНГ существует принципиальная возможность и устойчивая практика во взаимном признании и приведении в исполнение судебных решений на основе принципа взаимности. Это подчеркивает значимость принципов взаимности и международной вежливости в сотрудничестве между различными юрисдикциями и облегчает доступ к справедливому судопроизводству на международном уровне.

Таким образом, принципы взаимности и международной вежливости являются основой для признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений. Они способствуют сотрудничеству между государствами и укреплению правовых отношений между различными правовыми системами. Практика взаимного признания и исполнения судебных решений служит для создания стабильной и предсказуемой международной

правовой системы и обеспечивает защиту прав и интересов сторон, участвующих в экономических спорах.

Исследуя тему признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений по экономическим спорам мы можем указать на следующие теоретические и практические проблемы:

1. Признание иностранных арбитражных решений: Одной из основных теоретических проблем является процесс признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений в области экономических споров. Это возникает из-за различий в международных и национальных законах и процедурах рассмотрения спора, а также из-за отсутствия гармонизации и единообразия в применении правовых норм для такого признания.

2. Правовые и конституционные ограничения: В некоторых странах существуют правовые и конституционные ограничения, которые могут затруднить или даже запретить признание иностранных арбитражных решений. Это может быть связано с вопросами национального суверенитета, публичного порядка или другими основаниями, которые ограничивают иностранное вмешательство в национальную юрисдикцию.

3. Правовая неопределенность: В некоторых случаях понятия и терминология, используемая в иностранных арбитражных решениях, могут быть неоднозначными или неопределенными с точки зрения национального законодательства. Это может вызывать проблемы при интерпретации и приведении в исполнение таких решений.

Практические проблемы:

1. Признание и приведение в исполнение: Одной из главных практических проблем является сложность и неопределенность процедуры признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений по экономическим спорам. Различные страны могут иметь разные правила и процедуры для этого, что создает дополнительные препятствия и риски в процессе признания.

2. Решение о применении иностранного права: В случаях, когда иностранное арбитражное решение основано на применении иностранного права, возникают практические сложности в интерпретации и применении этого права. Если между странами отсутствуют договоры о выборе права или хорошие механизмы для определения и применения иностранного права, это может привести к неопределенности и спорам.

3. Соблюдение процессуальных формальностей: Для признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений могут потребоваться определенные процессуальные формальности, такие как нотариальное удостоверение, апостилирование, перевод на официальный язык и т.д. Соблюдение этих формальностей может быть сложным и требовать дополнительных затрат и времени.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что процесс признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений в арбитражных судах Республики Таджикистан достаточно урегулирован на нормативном уровне. Более того, таджикская и российская арбитражная практика развивается по пути расширения перечня условий признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений в случае отсутствия международных многосторонних или двусторонних договоров. В частности, иностранное арбитражное решение признаётся и исполняется на территории Республики Таджикистан на основе принципа взаимности. При этом возникают процессуальные сложности, связанные с необходимостью представить в арбитражный суд доказательства реализации принципа взаимности, которые могут быть устранены посредством закрепления данного принципа в таджикском законодательстве.

Список литературы

1. Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 года) [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <https://www.newyorkconvention.org/russian> (дата обращения 15.10.2023 г.)

2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам // Заключена в г. Минске 22.01.1993 (ред. От 28.03.1997) [Электрон. ресурс] –Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942/ (дата обращения 15.10.2023 г.)

3. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности // Заключена в г. Киев 1992 г. [Электрон. ресурс] – Режим

доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_835/11f5a8e6e30558e054dd10d3a20a623290fad292/ (дата обращения 15.10.2023 г.)

4. Конституция Республики Таджикистан с изм. и доп. от 22 мая 2016 г. [Электрон. ресурс] // Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0. // М-во юстиции РТ. - Душанбе, 2023. – 1 электрон. опт. Диск (CD - ROM).

5. Экономический процессуальный кодекс Республики Таджикистан. от 26.12.11 г., №776. [Электрон. ресурс] // Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0. // М-во юстиции РТ. - Душанбе, 2022. – 1 электрон. опт. Диск (CD - ROM).

6. Ануфриева Л. П. Международное частное право: учебник: в 3 т. / Л. П. Ануфриева. М.: БЕК, - 2001. - Т. 3. - 768 с.

7. Арбитражный процесс: учебник. – 6-е изд., перераб. и доп. /отв. ред. В. В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, - 2015. - 848 с.

8. Дробязкина И. В. Международный гражданский процесс: проблемы и перспективы / И. В. Дробязкина. СПб.: Юрид. центр пресс, - 2005. - С. 113–115.

9. Нешатаева Т. Н. О признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений / Т. Н. Нешатаева // Арбитражная практика. 2004. - № 11. - С. 84–96.

ПРИЗНАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

Хушдилов Абубакр Абдумуталибович

Магистрант 2 – го года обучения очного отделения
юридического факультета

Российско-Таджикский (Славянский) университет
734000, Республика Таджикистан, г. Душанбе ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

RECOGNITION AND EXECUTION OF FOREIGN JUDICIAL COURT DECISIONS AS THE MEANS OF THE EFFICIENCY OF JUSTICE'S INCREASE

Khushdilov Abubakr Abdumutalibovich

Magister of the 2st year of study of full-time department, of the Law Faculty
Russian-Tajik (Slavic) University
734000, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается роль и значения механизма признания и исполнения иностранных судебных решений и их влияние на повышение эффективности правосудия в мировом масштабе. В статье были проанализированы основные аспекты признания и исполнения иностранных судебных решений. Отмечается, что признание и исполнение иностранных решений играют важную роль в обеспечении единства правопорядка на международном уровне и повышении эффективности правосудия. Были выявлены проблемы и препятствия в данной области, такие как отсутствие международных договоров или законов, регулирующих признание и исполнение иностранных решений, а также вопросы, связанные с принципом взаимности.

Annotation. This article examines the role and significance of the mechanism for the recognition and execution of foreign court decisions and their impact on increasing the efficiency of justice on a global scale. The article analyzed the main aspects of the recognition and execution of foreign court decisions. It is noted that the recognition and execution of foreign decisions play an important role in ensuring the unity of the rule of law at the international level and increasing the efficiency of justice. Problems and obstacles in this area were identified, such as the lack of international treaties or laws governing the recognition and enforcement of foreign awards, as well as issues related to the principle of reciprocity.

Ключевые слова: признание, исполнение, иностранные судебные решения, эффективность, правосудие.

Keywords: recognition, execution, foreign court decisions, efficiency, justice.

Правовая система любого государства основывается на принципе справедливости и законности. Однако, судебные решения, вынесенные в одной стране, часто требуют исполнения или применения в другой. Использование механизма признания и исполнения иностранных судебных решений играет ключевую роль в процессе повышения эффективности правосудия и обеспечении единства правопорядка на международном уровне. В данной работе будут рассмотрены основные аспекты признания и исполнения иностранных судебных решений, их значение в современном мире и практические рекомендации по повышению эффективности этого процесса.

Признание и исполнение иностранных судебных решений представляет собой юридический акт, через который суверенное государство распространяет действие иностранного решения на свою территорию, признает права и обязанности, установленные в решении, и обеспечивает принудительное выполнение властных предписаний, содержащихся в нем. Иностранное судебное решение рассматривается как окончательное, что исключает возможность повторного рассмотрения спора [7].

Иностранное решение обладает такими же юридическими свойствами, как и решения судов признающего государства. Однако оно не может распространяться на больший объем действия, чем предусмотрено в стране его происхождения, и не может нарушать суверенитет другого государства при попытке его реализации на его территории.

В Таджикистане основное регулирование вопросов признания и исполнения иностранных судебных актов осуществляется Гражданским процессуальным и Экономический процессуальным кодексами РТ [5], несмотря на приоритет международно-правовых источников. Кодексы устанавливают условия и процедуру признания иностранных решений.

Законодательство РТ также предусматривает, что при признании и исполнении иностранных судебных решений должны выполняться определенные предпосылки и условия [5]. К примеру, решение должно быть вынесено компетентным судом и обладать законной силой в стране его происхождения. Также может требоваться, чтобы истец представил надлежащие документы, подтверждающие его право на приведение решения в исполнение.

Таджикская система признания и исполнения иностранных судебных решений продолжает совершенствоваться, чтобы обеспечить более эффективный и надежный механизм рассмотрения таких дел.

Важной основой для признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений является наличие двустороннего [2] или многостороннего международного договора [1], который предусматривает такую возможность. Также допустимость признания и приведения в исполнение иностранных решений может быть установлена законом. Это означает, что суверенное государство, принимая решение о признании иностранного решения, признает бесспорность прав и обязанностей сторон, а также санкционирует применение властных предписаний, содержащихся в нем.

В судебной практике и доктрине возникает спорный вопрос о возможности признания и приведения в исполнение иностранных решений в отсутствие международного договора или закона, который ясно указывает на такую допустимость. Ученые и практики выражают и обосновывают разные точки зрения на этот вопрос, начиная от невозможности признания и исполнения в отсутствие международного договора и заканчивая поддержкой возможности признания иностранных решений в таких случаях [6].

Особую актуальность проблема признания иностранных судебных решений приобретает в отношении решений иностранных государственных судов. В случае третейских решений иностранного суда проблема решается с применением Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк 1958 г.) [1] и Закона РТ "О международном коммерческом арбитраже" от 2015 года и Закона РТ «О третейских судах» от 2008 года.

Однако, когда речь идет о признании и приведении в исполнение обычных судебных решений иностранных государств, отсутствие соответствующих международных договоров

или законов в Таджикистане создает существенные проблемы в правовом аспекте. В этом контексте, вопрос о признании иностранных судебных решений становится особенно сложным и контекстуальным[6].

Для решения данной проблемы необходимо разработать четкую и однозначную правовую основу для признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений в отсутствие международных договоров или законов. Это позволит обеспечить справедливость и надежность в процессе признания и исполнения иностранных судебных решений, а также устранить возможные разногласия и неопределенности в этой области.

Более того, необходимо учитывать практику и опыт других государств в вопросе признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений. Использование лучших практик и принятие уроков из опыта других стран поможет разработать эффективные механизмы признания и исполнения иностранных судебных решений[6].

Кроме того, разработка рекомендаций и исследований по вопросам признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений, особенно в отсутствие соответствующих международных договоров или законов, поможет разрешить спорные вопросы и создать единый подход к данной проблеме[6].

При анализе исследуемого направления можно отметить, что основным фактором, который должен определять допустимость признания и исполнения иностранного акта в отсутствие международного договора, - это соответствие последствий исполнения решения функциям государства, определенным Конституцией РТ[4]. Важно, чтобы механизм признания иностранных решений в РТ позволял реализовывать только те акты, выполнение которых соответствует целям защиты прав граждан и организаций.

Принцип взаимности, который суды применяют в настоящее время, не всегда способствует достижению поставленных целей. Подобный принцип позволяет признавать решения иностранных государств на основании того, что эти государства санкционируют исполнение выгодных для них таджикских решений, даже если судебная система этих стран не вдохновляет доверия. Однако следование принципу взаимности не будет способствовать признанию решения иностранного суда, вынесенного в пользу таджикского субъекта, если в стране, где было вынесено это решение, не признаются акты таджикских юрисдикционных органов. Решение данной проблемы, которая обычно воспринимается как имеющая частный характер, может положительно сказаться на различных сферах межгосударственного взаимодействия. Либерализация режима признания и исполнения иностранных судебных решений может стать одним из способов выхода из правовой изоляции[6].

В данной ситуации возможным выходом может быть передача решения вопросов о допустимости признания и исполнения иностранных актов юстиции в отсутствие международного договора в компетенцию судов. Суды вполне способны оценить последствия реализации конкретного иностранного решения с точки зрения его соответствия целям защиты прав граждан и организаций. Это содействует принятию автономных судебных решений, основанных на правильной оценке ситуации.

Важно отметить, что следует разработать четкие критерии и принципы, которые позволят судам оценивать соответствие иностранных решений целям охраны прав граждан и организаций. Это поможет установить единый и сбалансированный подход к задаче признания и исполнения иностранных судебных решений в отсутствие международных договоров.

Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений требует внимательного анализа и разработки соответствующих критериев. Применение принципа взаимности имеет свои ограничения и не всегда способствует достижению поставленных целей. Судам следует быть в состоянии независимо и объективно оценивать последствия реализации иностранных решений с учетом целей охраны прав граждан и организаций. Развитие гармонизированного и эффективного механизма признания и исполнения иностранных судебных решений является важным шагом на пути к укреплению правопорядка и международного сотрудничества.

Список литературы

1. Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 года) [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <https://www.newyorkconvention.org/russian> (дата обращения 15.10.2023 г.)

2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам // Заключена в г. Минске 22.01.1993 (ред. От 28.03.1997) [Электрон. ресурс] –Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942/ (дата обращения 15.10.2023 г.)

3. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности // Заключена в г. Киев 1992 г. [Электрон. ресурс] – Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_835/11f5a8e6e30558e054dd10d3a20a623290fad292/ (дата обращения 15.10.2023 г.)

4. Конституция Республики Таджикистан с изм. и доп. от 22 мая 2016 г. [Электрон. ресурс] // Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0. // М-во юстиции РТ. - Душанбе, 2023. – 1 электрон. опт. Диск (CD - ROM).

5. Экономический процессуальный кодекс Республики Таджикистан. от 26.12.11 г., №776. [Электрон. ресурс] // Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0. // М-во юстиции РТ. - Душанбе, 2022. – 1 электрон. опт. Диск (CD - ROM).

6. Молева Г.В., Лапаев И.С. Признание и исполнение иностранных судебных решений как средство повышения эффективности правосудия // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. №3. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priznanie-i-ispolnenie-inostrannyh-sudebnyh> (дата обращения: 20.12.2023).

7. Трубачева А.В. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам в ЕАЭС и ЕС / автореферат к.ю.н. шифр специальности: 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право [Электрон. ресурс] – Режим доступа: URL: / <https://mgimo.ru/science/diss/trubachevaav>. (дата обращения: 20.12.2023).

ДЕЙСТВИЕ В ЧУЖОМ ИНТЕРЕСЕ БЕЗ ПОРУЧЕНИЯ И ОТНОШЕНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА БЕЗ ПОЛНОМОЧИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Холова Муниса Ульмасовна

магистрант 2 – го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734000, Республика Таджикистан, г. Душанбе ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

ACTION IN SOMEONE ELSE'S INTEREST WITHOUT INSTRUCTIONS AND RELATIONS OF REPRESENTATION WITHOUT AUTHORITY: COMPARATIVE ANALYSIS

Kholova Munisa Ulmasovna

Magister of the 2st year of study of full-time department, of the Law Faculty
Russian-Tajik (Slavic) University
734000, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются действия гестора и доминуса в обязательствах из действий в чужом интересе без поручения. Правовая природа этих действий определяется с помощью конструкции односторонних сделок.

Annotation. The article deals with the action gestor and dominus in the obligations of another's interest in the action without authorization. The legal nature of these actions is determined by the design of one-sided deals.

Ключевые слова: действия в чужом интересе без поручения, гестор, доминус, односторонняя сделка, представительство без полномочий.

Keywords: action in another's interest without authorization, gestor, dominus, one-sided deal, without the authorization.

В отечественном законодательстве впервые был введен институт обязательств из действий в чужом интересе без поручения. Это произошло с появлением статьи 118 "Ведение чужих дел без поручения" Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 года. Статья определила два основания, по которым могут возникнуть такие обязательства: совершение сделки в интересах другого лица без полномочий и предотвращение реальной угрозы ущерба имуществу других лиц, когда не возможно предотвратить такую угрозу.

Эти обязательства вызывают интерес с точки зрения теории, так как они имеют разнообразную природу. При совершении действий в чужом интересе без поручения возникают две группы обязательств. Первая группа связана с фактическими действиями, такими как спасение имущества, жизни и здоровья других лиц. Вторая группа возникает при совершении сделок в интересах третьих лиц. Правовые последствия этих действий и обязательств, производных от них, также отличаются и требуют отдельного юридического исследования для более полного понимания.

Надо отметить, что первая группа фактических действий, связанных со спасением имущества, жизни и здоровья, имеет не только юридическую значимость, но и большое социальное значение. Она способствует укреплению социальных связей в обществе, формированию общественного долга, высокой социальной ответственности, а также содействует сохранению и развитию собственности. Таким образом, эта группа действий способствует реализации одного из важнейших принципов гражданского права.

Институт действий в чужом интересе без поручения получил развитие в Гражданском кодексе Российской Федерации и Республики Таджикистан. Однако, в литературе по гражданскому праву есть разное понимание этого института, требующее уточнения.

Тема "Действие в чужом интересе без поручения и отношения представительства без полномочий" представляет собой сравнительный анализ двух институтов в гражданском праве.

Действие в чужом интересе без поручения включает ситуации, когда одно лицо совершает действия в интересах другого лица, но без его предварительного поручения или согласия. Такие действия могут быть предприняты в ситуации крайней необходимости для предотвращения угрозы или вреда другому лицу. Например, это может быть спасение жизни и имущества или защита интересов третьего лица.

С другой стороны, отношения представительства без полномочий возникают, когда одно лицо представляет интересы другого лица, но без достаточных полномочий на это. То есть, представитель действует от имени и по поручению представляемого лица, но без его выраженного согласия или юридического документа, подтверждающего полномочия.

В сравнительном анализе данных институтов следует обратить внимание на следующие аспекты:

1. Характер правовых отношений: Действие в чужом интересе без поручения относится к обязательственным отношениям, в то время как отношения представительства без полномочий являются отношениями представительства.

2. Основание возникновения обязательств: Действие в чужом интересе без поручения может быть основано на неотложности и необходимости обеспечить интересы другого лица без предварительной договоренности. В отношениях представительства без полномочий основанием является действие представителя от имени представляемого лица, но без соответствующих полномочий.

3. Правовые последствия: В случае действия в чужом интересе без поручения возникает обязательство возмещения расходов, понесенных в интересах другого лица, не зависимо от достижения желаемого результата. При отношениях представительства без полномочий возникают споры и вопросы о юридической значимости совершаемых действий и обязательств.

4. Различия в документировании и формальностях: Действие в чужом интересе без поручения может быть совершено на основе ситуационных обстоятельств, требующих мгновенного реагирования, в то время как отношения представительства без полномочий необходимо документировать и установить юридическую связь между представителем и представляемым лицом.

Как отмечает В.А.Тархов действия в чужом интересе имеют нравственные принципы и воспитательную функцию гражданского права [10]. В правовой системе и литературе

существует множество трактовок института действий в чужом интересе, так как это сложное правовое явление. Действия в чужом интересе имеют сходства с другими институтами, такими как представительство, договор поручения, неосновательное обогащение и причинение вреда. Разграничение этих институтов является важным для правильного применения соответствующих норм. В связи с распространением действий в чужом интересе в сфере имущественного оборота, эти проблемы становятся все более актуальными.

По мнению Суханова Е.А. институт действий в чужом интересе включает две разные группы обязательств:

1. Обязательства, возникающие из действий, совершенных для защиты другого лица от ущерба.

2. Обязательства, возникающие из сделки, совершенной одним лицом в интересах другого без его согласия.

В первом случае речь идет о действиях, совершенных одним лицом в интересах другого без его согласия в ситуации крайней необходимости (например, помощь при пожаре). Порожденные этими действиями обязательства по возмещению расходов, понесенных в интересах другого лица, являются неотвеченными и подобны обязательствам за причинение вреда.

Во втором случае речь идет о последствиях сделки, совершенной в интересах другого лица без его полномочий или с превышением имевшихся у него полномочий, в ситуации крайней необходимости (например, совершение срочного платежа за ремонт или охрану имущества отсутствующего лица). В этом случае лицо, совершившее сделку, старается передать права и обязанности по ней лицу, в интересах которого оно действовало, хотя и без соответствующих полномочий [8, 1061].

Законодательное определение действий в чужом интересе без поручения включает понятие «Действия без поручения, иного указания или заранее обещанного согласия заинтересованного лица в целях предотвращения вреда его личности или имуществу, исполнения его обязательства или в его иных непротивоправных интересах (действия в чужом интересе)». Согласно закону, такие действия должны осуществляться с учетом выгоды или пользы для заинтересованного лица и с должной заботливостью и осмотрительностью в соответствующих обстоятельствах (ст. 921 ГК РФ).

В исследуемом обязательстве стороны имеют определенные наименования в соответствии с терминологией римского права: гестор - лицо, действующее в чужом интересе, и доминус - лицо, в интересах которого действует гестор.

В литературных источниках нет единого подхода к определению природы действий гестора. Например, А.П. Сергеев указывает на то, что гестор совершает фактические или юридические действия в пользу доминуса, где фактические действия являются юридическими поступками, а юридические действия - сделками [6, 673-674]. Г.Н. Шевченко отмечает, что Гражданский кодекс регламентирует два вида обязательств в главе 50: обязательства, возникающие из фактических действий, направленных на предотвращение вреда здоровью, жизни или имуществу другого лица, и обязательства, возникающие в результате совершения сделок в интересах другого лица без поручения, то есть действий, имеющих юридический характер [3, 843]. Авторы учебника под редакцией О.Н. Садикова вообще не дают характеристику действиям гестора [5].

Балыкин Д.А. указывает на двойственный правовой характер действий в чужом интересе. По мнению автора, такие действия можно разделить на фактические действия, которые являются юридическими поступками, и односторонне-обязывающие сделки, которые совершаются гестором в интересах доминуса и приводят к возникновению квазиделиктного или квазидоговорного обязательства [2, 7].

Исследование конструкции обязательств из действий в чужом интересе без поручения предполагает возможность сравнительного анализа этих обязательств с отношениями представительства без полномочий, особенно учитывая упоминания о конструктивном сходстве этих институтов в литературе.

Д.Г. Лавров и А.П. Сергеев отмечают, что в гражданском праве долгое время не было самостоятельного обязательства, возникающего из действий в чужом интересе, хотя отдельные виды таких действий были охвачены правилами о последствиях заключения сделки неуполномоченным представителем (ст. 63 ГК 1964 г.) и о возмещении вреда, понесенного при спасении социалистического имущества (ст. 472 ГК 1964 г.) [4, 786-787].

В Гражданском кодексе РТ (ст. 208 "Заключение сделки неуполномоченным лицом") для отношений представительства без полномочий установлено, что если лицо действовало без полномочий от имени другого лица или превысило свои полномочия, сделка считается заключенной от имени и в интересах совершившего ее лица, если представляемое лицо позднее явно не одобрит эту сделку. Позднее одобрение сделки представляемым создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого по данной сделке с момента ее совершения.

Мы согласны с мнением, что последующее одобрение сделки представляемым, после того как она была заключена неуполномоченным лицом, является односторонней сделкой [11, 13]. Совершение неуполномоченным лицом сделок в интересах другого лица можно рассматривать как форму "quasi-полномочия", которое не становится "полномочием", если представляемое лицо не одобряет сделку. Принятие неуполномоченным лицом "quasi-полномочия" на себя создает обязанности. Последующее одобрение сделки представляемым основано на "quasi-полномочии" и ранее совершенных сделках неуполномоченным представителем. Фактически, это является исполнительской односторонней сделкой [7, 332]. Последующее одобрение делает сделку действительной с момента ее заключения и отличается от доверенности тем, что не предшествует действиям представителя, а следует за ними [9, 239-240].

Точно так же, как последующее одобрение сделки представляемым, "являющейся односторонней сделкой, совершенной по усмотрению представляемого", и основанное на "quasi-полномочии" и уже существующих сделках, совершенных неуполномоченным представителем в интересах представляемого, можно квалифицировать и действия доминуса как одностороннюю исполнительскую сделку. Такая односторонняя сделка доминуса создает обязанности для самого себя, причем форма такого одобрения (форма односторонней сделки) может быть даже устной.

В целом, обоснование существования группы обязательств из односторонних сделок (таких как действия в чужом интересе без поручения, публичное обещание награды, публичный конкурс) не является чем-то отдельным от правоприменения. По нашему мнению, это всего лишь часть общей проблемы теоретического обоснования новой классификации обязательств в гражданском праве и, как следствие, может привести к изменению структуры ГК.

Сравнительный анализ институтов действия в чужом интересе без поручения и отношений представительства без полномочий позволяет уяснить их особенности, правовые последствия и различия. Это важно для обеспечения правильного применения соответствующих норм и защиты интересов всех сторон, участвующих в данных правовых отношениях.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан. Ч. 2 от 30. 06. 1999 г. [Электрон. ресурс] // Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0. // М-во юстиции РТ. - Душанбе, 2022. – 1 электрон. опт. Диск (CD - ROM).
2. Балыкин А.А. Действия в чужом интересе без поручения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002. — 22 с.
3. Гражданское право: учебник: в 3 т. - Т. 2 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, К.М. Арсланов [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. - М.: РФ- Пресс, 2010. - 880 с.
4. Гражданское право: учебник: в 3 т. - Т. 2. / 4-е изд., перераб. и доп. / Е.Ю. Валявина, И.В. Елисеев [и др.]; отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. - М.: ТК Велби, Проспект, 2007. - 848 с.
5. Гражданское право: учебник. - Т. II / под ред. О.Н. Садикова. - М.: Контакт, Инфра-М, 2007. - 608 с.
6. Гражданское право: учебник. - Ч. II / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. - М.: Проспект, 1997. - 784 с.
7. Гражданское право: учебник: в 3 т. - Т. 1 / 6-е изд., перераб. и доп. / Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев [и др.]; отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. - 784 с.
8. Российское гражданское право: учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. - 2-е изд., стереотип. - М.: Статут, 2011. – 1208 с.

9. Советское гражданское право: учебник : в 2 ч. - Ч. 1 / под ред. В.А. Рясенцева; 2-е изд., перераб. и дополн. - М.: Юридическая литература, 1986. - 560 с.
10. Тархов В.А. Понятие гражданского права. Саратов, - 1987, с. 92.
11. Черновол Н.С. Правовые аспекты представительства без полномочий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2001.

ДОГОВОРНЫЕ И ВНЕДОГОВОРНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ОТЛИЧИЯ

Холова Муниса Ульмасовна

магистрант 2 – го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734000, Республика Таджикистан, г. Душанбе ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

CONTRACTUAL AND NON-CONTRACTUAL OBLIGATIONS: COMMON FEATURES AND DIFFERENCES

Kholova Munisa Ulmasovna

Magister of the 2st year of study of full-time department, of the Law Faculty
Russian-Tajik (Slavic) University
734000, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M.Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются общие черты и определяются отличия договорных и внедоговорных обязательств. Выявление специфики данных видов обязательств позволит повысить эффективность их правового регулирования.

Annotation. Common features of the contractual and extra-contractual obligations are examined and their differences are determined. Establishing of the peculiar features of the given kinds of obligations will enable increase in efficiency of their legal regulation.

Ключевые слова: договорные обязательства, внедоговорные обязательства, обязательственное право, метод правового регулирования, механизм защиты.

Key words: contractual obligations, extra-contractual obligations, contract law, method of legal regulation, technique of defence.

Впервые на законодательном уровне ГК Таджикистана закрепил раздел гражданско-правовых обязательств на 2 группы – договорные и недоговорные [1]. Этим и объясняется необходимость выяснения их как общих, так и отличительных черт, поскольку, с одной стороны, они охватываются единым понятием – «гражданско-правовые обязательства», следовательно, нормы о них создают обязательственное право, а с другой – они качественно разнородны, что, конечно, влияет на их характер.

Теоретически проблеме договорных и внедоговорных обязательств посвящено немало публикаций, среди которых следует выделить труды, О.А. Отрадной, Т.С. Киваловой, О.П. Алехиной. А.А. Отрадна считает, что критерием разделения обязательств на договорные и недоговорные выступает основание их возникновения [8, 7]. Т.С. Кивалова убеждает, что для систематизации специальной части обязательств критерием является учет характера оснований возникновения обязательств, а также наличия воли, волеизъявления и правомерного или неправомерного поведения участников гражданских отношений [7, 5]. О.П. Алехина разделяет подход о разделении обязательств по определению оснований возникновения правоотношений – договора, закона, правонарушения и т.д. [3, 63] Соглашаясь с общей позицией ученых об основании возникновения обязательств как признак для классификации на договорные и недоговорные, отмечаем, что правоведы касались лишь отдельных вопросов указанных обязательств, не ставя перед собой задачи найти их общие и отличительные черты. Именно такую цель и преследует данная статья[6].

Объединяет договорные и внедоговорные обязательства их общий объект – юридический и материальный.

С точки зрения Н.С. Кузнецовой, юридическим объектом обязательства, как и любых гражданских правоотношений, признается определенное поведение обязанного лица. Однако характерной чертой обязательства является то, что на первый план в нем выступают положительные действия должника, а чисто негативное поведение (совершение определенных действий), как правило, является лишь дополнением или следствием активной функции, которую тот выполняет [3, 612]. Е.А. Харитонов и Е.И. Харитонova под объектами обязательственных правоотношений признают поведение субъектов гражданских отношений, то есть действия, связанные с передачей имущества, выполнением работ и т.п. от их осуществления [10, 151]. Подобную точку зрения разделяет и Е.А. Суханов, однако он говорит о предмете обязательства как поведении обязанных лиц, связанное с передачей самых разнообразных объектов имущественного оборота, в том числе вещей, определенных признаками не только индивидуальными, и родовыми, выполнением работ, предоставлением услуг материального и нематериального характера и т.п., по поводу чего не могут возникнуть вещные или исключительные права [4].

Объединяет договорные и внедоговорные обязательства то, что они складываются при применении как норм регулирующие отдельные виды обязательств, так и норм общей части обязательственного права и других общих норм гражданского права. К ним относятся правила, определяющие: (а) понятие обязательства и основания его возникновения, (б) правовое положение сторон в нем, (в) порядок возникновения и прекращения обязательств и т.д. Выделение под отрасли права обусловлено существованием определенного количества правовых норм, которые в равной степени распространяют свой регулятивное влияние на договорные и внедоговорные обязательства[6].

Сближает договорные и недоговорные обязательства существования их общей цели, довольно четко определившей И.О. Покровский. Ученый справедливо утверждал, что любое обязательство преследует цель создания некоторой связанности воли должника принуждать себя к определенному поведению в интересах кредитора. Во всяком обязательстве имеется некоторый личный элемент, игнорировать который невозможно. В одних обязательствах он оказывается в большей степени, в других – меньше, но как любое поведение зависит от воли личности, так и всякое обязательство основывается на допустимой законом форме давления на эту свободу способом создания определенной дополнительной мотивации [9].

Суммируя вышеизложенное, считаем, что целью обязательства выступает удовлетворение имущественного и неимущественного интереса субъектов гражданского права. Следует также учитывать, что приведенный перечень общих характеристик обоих видов исследуемых обязательств не является исчерпывающим[6].

Далее рассмотрим отличия договорных и внедоговорных обязательств за пределами разницы в основаниях их возникновения.

Одним из факторов, позволяющих различать указанные обязательства выступают субъекты, которые устанавливают их содержание, а также акты, в которых последний фиксируется. В договорных обязательствах права и обязанности сторон закрепляются в договоре как совместном двух- или многостороннем акте, то есть по общему правилу именно стороны определяют его содержание. В то же время необходимо учитывать возможность заключения договора присоединения, отличными обязательными признаками которого является его специальная стандартная форма, особый порядок заключения – путем присоединения к предложенным условиям в целом и отсутствие у присоединяющейся к договору возможности участвовать в разработке договорных условий.

В внедоговорных обязательствах этот вопрос решается в зависимости от их вида. У внедоговорных охранительных обязательствах (например, по возмещению вреда) содержание закрепляется законодателем в законе, а в внедоговорных регулятивных может фиксироваться одной стороной в односторонней сделке (публичная обещание вознаграждения) [6].

Следующим обстоятельством, что дает возможность говорить об особенностях в правовом регулировании сравниваемых отношений, выступает применение диспозитивных норм для упорядочения договорных обязательств и преимущественно императивных норм для внедоговорных обязательств. Такая предпочтительность обусловлена тем, что одна часть таких обязательств возникает из неправомερных действий, а другая – из правомερных и других юридических фактов вне договора.

Частно-правовое регламентирование строится на основании правовой автономии, самостоятельности участников отношений. Именно оно носит в основном диспозитивный характер регулирования децентрализованным, что предполагает использование договора как согласованной воли участников отношений. Стороны договора могут самостоятельно устанавливать права и обязанности, так сказать творить право, и, напротив, в большинстве внедоговорных обязательств наблюдается четкое следование требованиям правового предписания без возможности изменить свои права и обязанности.

Договорные и внедоговорные обязательства отличаются по механизму защиты нарушенных субъективных прав. Право на защиту по своему материально-правовому содержанию включает в себя возможность управомоченного лица: а) использовать разрешенные законом средства собственного принудительного воздействия к правонарушителю, защищать принадлежащие ей права собственными действиями фактического порядка (самозащита гражданских прав); б) применить юридические меры оперативного воздействия на правонарушителя, которые в юридической литературе иногда не совсем точно называются «оперативные санкции»; в) обратиться в компетентные государственные органы с требованием заставить обязанное лицо к определенному поведению.

Восстановление положения, существовавшего до нарушения, как самостоятельный способ защиты, применяется в случаях, если регулятивное субъективное право в результате правонарушения не прекращает своего существования и может быть реально восстановлено путем устранения наступивших последствий. Этот способ используется для защиты прав сторон и договорных, и внедоговорных обязательств (например, иск о применении последствий недействительной сделки)[6].

Для обоих видов исследуемых обязательств применяются такие способы защиты, как возмещение ущерба, имущественного вреда и морального (неимущественного) вреда. На это обстоятельство правильно указывают ученые-цивилисты [5, 696]. Однако разница состоит в том, что указанными способами оперируют при нарушении обязательств договорных, а внедоговорные охранительные сами возникают в результате правонарушения, исполнение которых как раз и выступает методом защиты нарушенного гражданского права.

Таким образом, можно утверждать, что учитывая возникновение как договорных, так и внедоговорных регулятивных правоотношений по правомерным юридическим действиям для защиты прав сторон таких правоотношений применяются одинаковые правовые средства.

Различие в механизме защиты сторон правоотношений договорных и внедоговорных охраняемых состоит в том, что у первых стороны на время нарушения находятся в обязательственных отношениях и имеет место порок (нарушение) исполнения обязательства, а у внедоговорных охраняемых обязательств возникают на основании правонарушения и благодаря их исполнению происходит защита нарушенного субъективного права или интереса.

Таким образом, договорные и внедоговорные обязательства, как две части одного правового явления – гражданско-правового обязательства, имеющие как общие признаки, так и определенные особенности. Определение и учет их имеет значение достаточно важное в правоприменительной практике.

В дальнейшем требует углубленного исследования вопрос о взаимодействии договорных и внедоговорных обязательств по упорядочению гражданских отношений.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан. Ч. 1 от 30. 06. 1999 г. [Электрон. ресурс] // Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0. // М-во юстиции РТ. - Душанбе, 2022. – 1 электрон. опт. Диск (CD - ROM).
2. Алёхина Е.П. Регулятивные и охранительные альтернативные обязательства в современном гражданском праве России // Евразийский юрид. журн. – 2010. – №2 (21). – С. 61-65.
3. Гражданское право Украины: учебник: В 2-х кн. / Под ред. О.В. Дзери, Н.С. Кузнецовой. – К.:Юринком Интер, 2002. – 720 с.
4. Гражданское право: В 2-х т. – Т. II. – Пт. 1: Учеб. / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и допол. – М.: Изд-во БЕК; 2003. – 704 с.

5. Договорное право Украины: Общ. ч.: Учеб. пособие / Под ред. О.В. Дзери. – К.: Юринком Интер, 2008. – 896 с.
6. Игнатенко В. Н. Общие черты и отличия договорных и внедоговорных обязательств // Проблемы законности. 2011. №114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-cherty-i-otlichiya-dogovornyh-i-vnedogovornyh-obyazatelstv> (дата обращения: 13.01.2023).
7. Кивалова Т.С. Обязательство о возмещении вреда по гражданскому законодательству Украины: теоретические проблемы: автореф. дис... д-ра юрид. наук. – О., 2008. – 40 с.
8. Отрадна О.А. Недоговорные обязательства по гражданскому праву Украины: Учеб. пособие. – К.: Юринком Интер, 2009. – 240 с.
9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 1988. – 244 с.
10. Харитонов Е.А., Харитонов Е.И. Гражданское правоотношение: учеб. пособие. – К.: Истина, 2008. – 304 с.

ЛИЧНЫЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА ИСПОЛНИТЕЛЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Шоев Хайдар Абдурахмонович

магистрант 1-го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

PERSONAL NON-PROPERATE RIGHTS OF THE CONTRACTOR IN MODERN CONDITIONS

Shoev Khaidar Abdurakhmonovich

1st year full-time master's student at the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. Проявление индивидуальности, личных качеств характерно не только для авторов при создании ими произведений, но и для исполнителей. Исполняя произведение, он оставляет отпечаток своего понимания этого произведения. Такой индивидуальный вклад дает основания для признания за исполнителями личных неимущественных прав на их исполнения.

Annotation. The manifestation of individuality and personal qualities is characteristic not only of authors when they create works, but also of performers. By performing a work, he leaves an imprint of his understanding of this work. Such an individual contribution provides grounds for the recognition of performers' personal non-property rights to their performances.

Ключевые слова: автор, исполнитель, исполнение, личные неимущественные права; право авторства, интеллектуальные права, право интеллектуальной собственности.

Key words: author, performer, performance, personal non-property rights; copyright, intellectual rights, intellectual property rights.

В мире, где активно обсуждаемой темой становится применение технологии искусственного интеллекта, нейронных сетей для создания не только материальных, но и не материальных объектов, где программы для ЭВМ способны не только решать сложные математические задачи, но и создавать другие программы для ЭВМ, даже петь и иным образом исполнять музыкальные произведения, кажется, что места для проявления человеком своих творческих способностей становится все меньше.

Но сколько бы ни говорили о феноменальных возможностях искусственного интеллекта и новой технологической формации, только человек способен творить. К результатам интеллектуальной деятельности применяются разные правовые режимы, и это неслучайно.

Для создания результатов интеллектуальной деятельности требуются осуществление определенной работы, старания, усилия, информация, знания. Достигнутый результат может иметь, в том числе утилитарный характер, но в нем не всегда может присутствовать элемент творчества. В.В. Воровский, говоря о творчестве, видел в нем «трудоемкий процесс» [3, 101], направленный на достижение конкретного результата. Вместе с тем представляется, что «трудоемкого процесса» недостаточно для достижения именно творческого результата. «Трудоемкий процесс» с достижением запланированного результата характерен, например, для баз данных, в том числе неоригинальных, создание которых потребовало существенных затрат, охраняемых как объекты смежных прав [4, 33]. Для творчества необходимо воображение, фантазия, вдохновение, озарение и внутренняя свобода, которая раздвигает границы реального мира и позволяет создать нечто оригинальное и неповторимое, то, на что способен только человек, личность. Указанные категории не относятся к правовым, но именно они отличают техническую работу от творческой.

Личные неимущественные права относят к субъективным правам гражданина, которые признаются в отношении принадлежащих ему нематериальных благ. Поскольку согласно ст. 128 ГК РФ результаты интеллектуальной деятельности выделяются как отдельные объекты гражданских прав, следует говорить о применении личных неимущественных прав в отношении не только нематериальных благ, но и результатов интеллектуальной деятельности.

Личные неимущественные права авторов произведений нашли закрепление на международном уровне при пересмотре в Риме в 1928 г. Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений (Берн, 9 сентября 1886 г., далее — Бернская конвенция). Несмотря на то, что имущественные права исполнителей в отношении их исполнений на международном уровне были закреплены в Международной конвенции об охране исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Рим, 26 октября 1961 г.), данная конвенция обошла стороной вопрос о личных неимущественных правах исполнителей. На международном уровне личные неимущественные права исполнителей впервые были предусмотрены только в Договоре ВОИС по исполнениям и фонограммам (Женева, 20 декабря 1996 г., далее — ДИФ). В статье 5 ДИФ указано право требовать быть признанным в качестве исполнителя своих исполнений и право возражать против всякого извращения, искажения или иного изменения своих исполнений, способного нанести ущерб репутации. Далее аналогичные положения о личных неимущественных правах исполнителя нашли отражение в ст. 5 Пекинского договора по аудиовизуальным исполнениям (Пекин, 24 июня 2012 г., далее — Пекинский договор). Положения ст. 5 ДИФ, касающиеся указанных прав, за некоторыми исключениями, фактически повторяют положения ст. 6 bis Бернской конвенции.

Заключение ДИФ дало импульс для изменения законодательных актов многих государств и признания за исполнителями прав неимущественного характера, указанных в ст. 5 ДИФ. Несмотря на то, что положения о личных неимущественных правах исполнителей не нашли развития в директивах Европейского Союза, все государства — члены Европейского Союза признают данные права.

В Российской Федерации интеллектуальные права делят на три категории: личные неимущественные, исключительное право и иные права. В ряде государств, в частности в государствах англо-американского права (общего права), говорят о моральных и экономических правах на объекты интеллектуальной собственности. В отношении интеллектуальных прав нематериального характера в государствах континентального права, как и в Российской Федерации, применяется термин «личные неимущественные права» [6, 28].

Следует учитывать, что личные неимущественные права и моральные права направлены на достижение одних и тех же самых целей: установление неразрывной связи (в данном случае между исполнителем и исполнением), создающей позитивное впечатление о создателе результата интеллектуальной деятельности, и возможность защиты на случай искажения, в частности исполнения. И личные неимущественные права, и моральные права направлены на выполнение государствами одних и тех же обязательств, предусмотренных международными договорами в сфере авторского права и смежных прав [2, 27].

Личные неимущественные права осуществляются при совершении каких-либо действий, указанных в законодательстве (например, при сообщении исполнения в эфир или

по кабелю), по отношению к исполнению или его записи; такие действия, как правило, относятся к способам использования исполнения, которые аналогичны правомочиям исполнителя и составляют содержание его исключительного права.

Несмотря на то, что положения российского и зарубежного законодательства, касающиеся личных неимущественных прав исполнителя, направлены на то, чтобы защитить неимущественные интересы исполнителя, подходы, используемые даже государствами романо-германской правовой системы, не тождественны.

В Российской Федерации личные неимущественные права исполнителя, такие как право на имя и право на защиту репутации исполнителя, были отражены еще в п. 1 ст. 37 Закона РФ от 09.07.1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах». Специальных положений о праве авторства исполнителя в указанном законе не содержалось, но специалисты в сфере интеллектуальной собственности, например Э.П. Гаврилов, отмечали, что такое право могло быть выведено из права на имя [4, 15].

В соответствии с действующим российским законодательством исполнителям предоставляются: право авторства — право признаваться автором исполнения; право на имя — право на указание своего имени или псевдонима и право на неприкосновенность исполнения, в том числе постановки; право на защиту исполнения от всякого искажения (пп. 2-4 п. 1 ст. 1315 ГК РФ). Право авторства и право на имя рассматриваются в России как самостоятельные личные неимущественные права исполнителя. Положения, приведенные в ст. 1315 ГК РФ, касательно личных неимущественных прав исполнителя с соответствующими изменениями построены по модели личных неимущественных прав автора, указанных в ст. 1255 ГК РФ.

Если в российском законодательстве право авторства на исполнение и право исполнителя на имя представлены как два самостоятельных права, то в законодательных актах ряда зарубежных государств такого деления нет [8, 12]. В статье 5 ДИФ отсутствует требование по выделению двух отдельных правомочий исполнителя, и государства — участники ДИФ свободны в способе имплементации соответствующих положений в свое национальное законодательство [7, 44].

Таким образом, в Российской Федерации, как и других странах мира с развитой системой интеллектуальной собственности, признаются личные неимущественные права исполнителей, которые по своему содержанию соответствуют международным минимальным стандартам, определенным ДИФ и Пекинским договором. При этом подходы в отношении содержания личных неимущественных прав исполнителей и способов его изложения имеют национальные особенности. Например, в качестве главной особенности права на неприкосновенность исполнения в России следует рассматривать отношение к целостности восприятия исполнения или к извращению его смысла, а не влияние внесенных изменений или дополнений в исполнение на репутацию исполнителя, как это акцентируется в ДИФ и Пекинском договоре, а также в ряде законодательных актов зарубежных государств.

В соответствии с общемировыми тенденциями перечень личных неимущественных прав исполнителей уже, чем перечень прав, предоставляемых автору. Так, исполнителю не предоставляется на обнародование исполнения. И хотя развитие технологий не повлияло существенным образом на использование исполнений и признание личных неимущественных прав исполнителя, в будущем может возникнуть большая заинтересованность исполнителей в защите их личных неимущественных интересов в отношении их голоса или сценического образа при их использовании в цифровой среде.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
2. Андреев В.К. Существо нематериальных благ и их защита // Журнал российского права. – 2014. – № 3. – С. 27-33.
3. Воровский В.В. Литературно-критические статьи. – М.: Гослитиздат, 1956. – 480 с.
4. Гаврилов Э. П. Комментарий Закона «Об авторском праве и смежных правах». – М.: Правовая культура, 1996. – 250 с.
5. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей. – М.: Статут, 2005. – 416 с.

6. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Е. А. Павлова. – М.: ИЦЧП имени С. С. Алексеева, 2018. – 928 с.
7. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. – М.: МЗ Пресс, 2000. – 244 с.
8. Право интеллектуальной собственности: учебник / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. Т. 1: Общие положения. – М.: Статут, 2017. – 512 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УСЛОВИЙ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА: ТЕНДЕНЦИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Юлдашева Ойша Абдухамидовна

магистрант 1-го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

LEGAL REGULATION OF THE CONDITIONS OF MARRIAGE: REFORM TRENDS

Yuldasheva Oisha Abdukhamidovna

1st year undergraduate full-time student at the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена правовому анализу условий заключения брака, формулируются предложения законодательного реформирования, а также улучшения семейно-правового регулирования в этой области семейно-правовых отношений. Регистрация брака возможна лишь при соблюдении условий его заключения брака.

Annotation. This article is devoted to a legal analysis of the conditions for marriage, proposals for legislative reform are formulated, as well as improvements to family law regulation in this area of family legal relations. Registration of marriage is possible only if the conditions for marriage are met.

Ключевые слова: семья, брак, семейно-правовое регулирование, условия вступления в брак, возраст вступления в брак.

Key words: family, marriage, family legal regulation, conditions for marriage, age of marriage.

Классическим методом создания семьи считается регистрация брака в органах ЗАГС. Значимость брака в обществе невозможно переоценить, так как семья является своего рода ячейкой общества. Условие заключение брака разделяют на позитивные, а также на негативные. Под первыми имеются в виду такие обстоятельства, присутствие которых требуются для заключения союза. Под негативными условиями – обстоятельства, отсутствие которых делает возможным его заключение, об этом говорится в ст.12,13,14, п. 3 15 Семейного кодекса Российской Федерации [3] (далее СК РФ) и Семейного кодекса Республики Таджикистан [2] (далее СК РТ).

В Республике Таджикистан и Российской Федерации брак является действительным только в случае заключения его в органах записи актов гражданского состояния. С юридической точки зрения брак, заключенный в церкви или по шариату, не является браком. Однако в период Великой Отечественной войны на оккупированных территориях браки, которые были заключены в религиозной форме, в соответствии с семейным законодательством имеют правовую силу.

Чтобы заключить брак главным условием является его регистрация в органах записи актов гражданского состояния. Также важным условием является добровольное согласие мужчины и женщины. Если кто-то из супругов заключает брак по принуждению, брак является не допустимым.

Для того, чтобы заключить брак необходимо достичь брачного возраста. СК РТ и СК РФ устанавливают единое правило для всех, что брачный возраст наступает в восемнадцать лет.

Снижение брачного возраста до 16 лет в РФ и до 17 лет в РТ допускается только с разрешения органов местного самоуправления. Для этого необходимо иметь веские основания, к ним относятся беременность, рождение ребенка, призыв супруга на службу в армию, необходимость госпитализации и др. Чтобы несовершеннолетним было разрешено вступить в брак, они должны предоставить письменное заявление в орган местного самоуправления, так как именно они выносят разрешение, а также приложить документы, которые будут подтверждать наличие уважительных причин [6, 40].

Но все же люди, которые хотят заключить брак должны быть психически и физически зрелы. Поэтому вполне нормально, что одним из условий вступления в брак является достижение брачного возраста.

Чтобы подать заявление о заключении брака необходимо прийти в орган записи актов гражданского состояния, или же подать заявление через портал Госуслуги Москвы на территории Российской Федерации. Заявление о заключении брака может подать один гражданин, но в случае, если у него имеется нотариально удостоверенная подпись гражданина, который не смог прийти в ЗАГС. На самой же регистрации брака обязательное присутствие обоих супругов.

Самое важное значение в семейном праве являются длящиеся юридические состояния. Среди юридических фактов наиболее часто встречающиеся, это состояния супружества и родства. Под родством понимается кровная связь лиц, а выделяют всего две линии родства: прямая и боковая. Прямая линия – это когда подразумевается родство с людьми, иначе говоря дети, внуки и правнуки, а боковая линия родства — это братья и сестры [5, 20]

Также не стоит забывать про права и обязанности супругов. Равенство в браке направлено на обеспечение конституционных норм. В соответствии с конституционными нормами семейный кодекс закрепляет за супругами право на свободу в выборе профессии, право на личный выбор места жительства. Что касается вопросов отцовства, материнства, воспитания детей, а также образования супруги принимают решение совместно, в семье должно быть уважение, доверие, понимание, взаимопомощь. Также супруги должны создавать дома атмосферу счастья, способствовать физическому развитию, нравственному воспитанию детей, и конечно супруги должны материально обеспечивать семью [4, 66].

И подводя итоги всего вышеперечисленного получается, что характерными чертами материальных условий заключения брака являются:

1. должен быть достигнут брачный возраст, т.е. 18 лет;
2. законодательством РФ предусмотрена возможность снижения брачного возраста при наличии уважительных причин;
3. наличие материальных условий вступления в брак, таких как добровольность и достижение брачного возраста.

Также в завершении хочется упомянуть и о таком браке, как фактический. Многие также называют такую форму брака «гражданский брак». Но, гражданский брак оформлен юридически, что фиксирует запись акта гражданского состояния, поэтому фактическим он точно не является. А фактический брак — это все же сожительство двух людей, но они точно также могут строить отношения и рожать детей.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 25.08.2023).
2. Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 г. (ред. 26.12.2011 г. №791) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/90339/104080/F1297490250/TJK90339%20Рус.pdf> (дата обращения: 25.08.2023).
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (дата обращения: 25.08.2023).
4. Левушкин А.Н. Фактические брачные правоотношения: объективная реальность и необходимость правового регулирования // Современное право. - 2014. - № 3. - С. 65 - 67.

5. Наумов Я.В. Правовое регулирование условий заключения брака: тенденции реформирования // Евразийский Союз Ученых. - 2017. - № 54. - С. 19- 26.

6. Ординарцева Л.И. Определение порядка и условий вступления в брак лиц, не достигших возраста шестнадцати лет, законами субъектов Российской Федерации // Семейное и жилищное право. - 2015. - № 2. - С. 32-35.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО,
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И
КРИМИНАЛИСТИКА

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Абдуллаева Рано Абдуалиевна

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права
Российско-Таджикский (Славянский) университет 734025,
Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+99237) 227 85 83, e-mail: abdullaeva.rano2014@yandex.ru

Азизкулова Маликабону Азимовна

Магистрант второго года обучения очного отделения
юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227-85-83, e-mail: ugolovnoepravo2000@mail.ru

PROBLEM ISSUES CAUSES AND CONDITIONS OF CRIMES COMMITTED IN THE SPHERE OF HEALTHCARE

Abdullaeva Rano Abdualievna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: (+99237) 227-85-83, e-mail: abdullaeva.rano2014@yandex.ru

Azizkulova Malikabonu Azimovna

Second-year full-time master's student at the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: 227-85-83, e-mail: ugolovnoepravo2000@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются детерминанты преступлений совершаемый в сфере медицинского обслуживания.

Особое внимание при изучении детерминант преступности в сфере здравоохранения необходимо уделять субъективным причинам, а именно социальным, психологическим, нравственным характеристикам медицинского работника как субъекта преступления, его мотивационной среде.

Изучение детерминант преступности медицинских работников при осуществлении ими своей профессиональной деятельности позволит выработать мероприятия, направленные на предупреждение дальнейшего совершения медицинскими работниками преступлений при оказании ими медицинских услуг.

Необходимо тщательное изучение и устранение причин и условий способствующих развитию преступлений в сфере медицинского обслуживания населения в целом.

Annotation. The article examines the determinants of crimes committed in the field of medical care.

When studying the determinants of crime in the healthcare sector, special attention must be paid to subjective reasons, namely the social, psychological, moral characteristics of the medical worker as a subject of crime, and his motivational environment.

The study of the determinants of crime among medical workers when they carry out their professional activities will make it possible to develop measures aimed at preventing further crimes committed by medical workers when they provide medical services.

It is necessary to carefully study and eliminate the causes and conditions that contribute to the development of crimes in the field of medical care for the population as a whole.

Ключевые слова: детерминанты, медицинские работники, пациент, потерпевший, причины преступления, условия преступления.

Key words: determinants, medical workers, patient, victim, causes of crime, conditions of crime.

Раскрывая детерминанты медицинских преступлений в Таджикистане, отметим, что в сфере медицинского обслуживания населения выделяются как общие причины, так и специальные.

Сразу обозначим ещё раз свою позицию относительно того, что сфера медицинского обслуживания населения - наиболее приемлемое понятие для использования в криминологии при изучении медицинской преступности.

В медицинском обслуживании населения в современном периоде все еще кризис, но не потому, что плоха система организации здравоохранения или врачи профессионально несостоятельны, а потому, что, отойдя от системы бюджетного обеспечения, мы пока не создали четкую современную систему финансирования, адекватную рыночным отношениям [2,6].

Как справедливо отмечал выдающийся криминолог СНГ и Европы профессор Д.А. Шестаков, «к преступным проявлениям врачевания следует также отнести: 1) широко распространённое, но пока ещё специально не криминализованное навязывание не являющихся необходимыми лечебных действий: хирургических вмешательств, различных лечебных процедур и др.; 2) проведение лечения, заведомо обеспечивающего возобновление болезни после ремиссии, с расчётом на получение врачом дополнительного дохода от повторного лечения и т.п.». Кроме того, в хамстве новой медицины есть нечто похожее на поведение прежних советских продавцов. Теперь распоясались врачи, почувствовав свою «власть». От них зависят. К тому же у них появились не вполне заслуженные деньги [3,10].

Медицинские преступления остаются латентными, потому что многие из потерпевших не заявляют о нарушениях в полицию (милицию). Срабатывают виктимологические факторы, как подстрекательство к незаконному производству аборта, заражение ВИЧ-инфекцией, незаконное врачевание. Низкая культура населения, как и правовой нигилизм, все это остаются причиной многих преступлений в рассматриваемой сфере.

Этому способствует и сокрытие преступлений от учета в республике. Однако больные или их представители подают заявления чаще, чем ранее, мотивируя их неполными ответами по поводу причинения смерти, вреда здоровью, травматизму, требуя полноценного объяснения и привлечения виновных к соответствующим видам ответственности. Иски о возмещении материального (морального) ущерба увеличиваются из года в год [4,30].

К детерминантам медицинской преступности относятся и условия, способствующие совершению преступлений в этой сфере. К ним, в первую очередь, следует отнести системные ошибки при реформировании здравоохранения. Семейная медицина не смогла дать ожидаемых результатов, страховые взносы от медстрахования не используются по назначению. Это наблюдается до сих пор. Приватизация медучреждений так же не дала положительных результатов. Кроме того, налогообложение в сфере здравоохранения изменилось кардинально с принятием нового Налогового кодекса РТ, к чему это приведет на практике мы сможем сказать лишь через определенное время. Возможно лишь предположить, что изменение ставки налога в сторону увеличения повлечет негативные последствия.

Реальная действительность, воспринимаемая на основе, лишь способствуют возникновению у человека намерения совершить преступление. Условия выявлять значительно легче, чем выявлять и вскрывать причины преступности и преступлений.

Одним из условий, способствующих совершению медицинских преступлений в РТ, является распространенный ВИЧ/СПИД. Больше всего заражению подвержены женщины в возрасте 30-39 лет и мужчины того же возраста. Как отмечают сами медики, «несмотря на относительно невысокий соответствующий показатель ВИЧ/СПИДа в республике, он представляет медико-социальную опасность. Увеличивается число передачи ВИЧ от ВИЧ-инфицированной матери к ребенку, что свидетельствует об эпидемии ВИЧ/СПИДа в Таджикистане» [5,13-18].

Следует отметить, что, несмотря на бесплатное медицинское обслуживание, большинство пациентов сообщают, что им приходится давать деньги врачам во время консультаций или медицинскому персоналу во время госпитализации, что является взяткой или получением вознаграждения путем вымогательства. Против некоторых коррумпированных врачей были возбуждены судебные иски. Приведем примеры из судебной

практики Таджикистана: 1. Подсудимый Н. работал в отделении травматологии и неотложной помощи в качестве дежурного хирурга, куда 07.09.2000 года был доставлен пациент К., попавший в ДТП, в тяжелом состоянии: с травмами головного мозга, разрывом печени и других внутренних органов, множеством открытых и закрытых переломов. В связи с ненадлежащим исполнением своих должностных обязанностей подсудимым Н. пациент А. 25.09.2000 г. скончался. По данному факту прокуратурой г. Душанбе в отношении Н. было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 129 УК РТ, которое было направлено для проведения предварительного расследования в прокуратуру Фрунзенского района г. Душанбе. Данное дело было передано на рассмотрение в суд Фрунзенского района. 01.04.2002 г. в соответствии с законом об общей амнистии от 29.08.2001 г. уголовное дело в отношении Н. было прекращено.

Несмотря на то, что подсудимый Н. был привлечён к уголовной ответственности, он продолжал заниматься своей профессиональной деятельностью, и ещё до того, как суд принял определение о прекращении уголовного дела в отношении него в соответствии с законом об общей амнистии, он умышленно совершил другое преступление при следующих обстоятельствах.

Гр. К. в соответствии с договором производил ремонт дома Ю. Во время ремонта 31.10.2001 г. примерно в 19:00, не соблюдая меры безопасности и находясь в состоянии алкогольного опьянения, К. упал со второго этажа и получил закрытую черепно-мозговую травму, сотрясение головного мозга, трещину черепа с правой стороны, переломы 6, 7, 8, 9 ребер с правой стороны, подкожную эмфизему и другие многочисленные телесные повреждения.

В тот же день в соответствии с графиком дежурств Н. находился на дежурстве в качестве ответственного лица с дежурной бригадой врачей, когда был доставлен К. Врач Н. принял пациента и в целях наживы начал вымогать денежные средства в сумме 80 сомони с отца К. Поскольку отец К. не имел при себе таких денежных средств, он пообещал отдать ему требуемые деньги на следующий день. Подсудимый Н. вместе с другими врачами приступил к операции и лечению его сына.

01.10.2001 г., вследствие вымогательства Н. за операцию и лечение, отец К. отдал 80 сомони. Но Н., не удовлетворившись данной суммой, начал вымогать за каждый день лечения по 4 сомони за обеды. Отец К. вынужден был согласиться, и в итоге с 03-го по 11-е ноября отдал сумму в размере 36 сомони. Таким образом, Н. из корыстных побуждений путем вымогательства получил 116 сомони от отца К. за операцию и лечение его сына. После лечения состояние К. немного улучшилось, но в связи с тем, что не было оказано надлежащего лечения лекарственными препаратами и надлежащего дренирования плевры, необходимого обезболивания, дыхание пациента К. ухудшилось, но, несмотря на это, Н. вытащил трубку из плевры К. Но так как это было сделано ненадлежащим образом, в плевру попал воздух. 06 ноября во время обследования легкого было выявлено, что в плевре вновь скопился воздух и развился гемоторакс (скопление крови в плевральной полости).

07 ноября повторного дренирования плевры со стороны Н. произведено не было. Кроме того, для лечения сепсиса проводится обязательное переливание крови, но Н. в качестве лечащего врача не назначил данную процедуру. Пункция также не привела к положительным результатам. Поскольку не были соблюдены санитарно-гигиенические нормы, К. в часть левого плеча и руки была занесена инфекция, и начался абсцесс.

Первые признаки абсцесса появились 03 ноября 2001 года. Но из-за халатного отношения Н. к своим профессиональным обязанностям он не обратил внимания на развивающийся абсцесс. Абсцесс перешел во флегмону (острое разлитое гнойное воспаление клетчатых пространств), и когда 10 ноября хирург Н. обратил на это внимание, процесс уже был необратим.

11.11.2001 г. левая рука К. сильно опухла и поменяла цвет; была проведена повторная операция, но у пациента начались признаки заражения крови (сепсис), флегмона, токсический шок, почечная недостаточность. Во время операции К. в 19:00 умер на операционном столе.

Судебно-медицинская экспертиза от 08 мая 2002 года за № 24 дала заключение, что, поскольку не были соблюдены санитарно-гигиенические нормы во время проведения всех процедур, К. была занесена инфекция и начался абсцесс, который перешел во флегмону (острое разлитое гнойное воспаление клеточных пространств), а затем в сепсис (заражение крови), вследствие чего 11.11.2001 г. пациент в 19:10 умер на операционном столе.

Приговор Фрунзенского районного суда города Душанбе от 14.12.2002 г. постановил хирурга Н. признать виновным в совершении преступлений по части 2 статьи 129 и части 1 статьи 324 Уголовного кодекса Республики Таджикистан и назначить наказание по статье 129 части 2 УК РТ в виде лишения свободы сроком на 4 года в исправительной колонии общего режима с лишением права занимать медицинские должности сроком на 2 года. А также назначить наказание по статье 324 части 1 УК РТ в виде лишения свободы сроком на 1 год в исправительной колонии общего режима.

Согласно части 2 статьи 67 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, путем частичного сложения назначенных наказаний назначить окончательное наказание хирургу Н. в виде лишения свободы сроком на 4 года в исправительной колонии общего режима, с лишением права занимать медицинские должности сроком на 2 года.

Резюмируя рассмотренный выше причинный комплекс преступности в сфере здравоохранения, можно сделать следующие выводы [1].

Необходимо проводить целенаправленную общенациональную информационную кампанию для повышения осведомленности пациентов об их правах, поощрения к их осуществлению и в случае необходимости - подачи жалоб в компетентные органы. Такова лишь первая попытка изучения детерминант медицинской преступности в Республике Таджикистан.

Политические, социально-экономические, организационные, правовые и другие общие причины преступности оказывают непосредственное влияние в том числе и на преступления в сфере здравоохранения.

Особое внимание при изучении детерминант преступности в сфере здравоохранения необходимо уделять субъективным причинам, а именно социальным, психологическим, нравственным характеристикам медицинского работника как субъекта преступления, его мотивационной среде.

Изучение детерминант преступности медицинских работников при осуществлении ими своей профессиональной деятельности позволит выработать мероприятия, направленные на предупреждение дальнейшего совершения медицинскими работниками преступлений при оказании ими медицинских услуг.

Список литературы

1. Архив горсуда г Душанбе. за 2002 г., УД № 10210/2002. Данные предоставлены автору по запросу РТСУ (июнь 2019 г.).
2. Беликов Е. Ятрогения: как ее квалифицировать? О врачебной ошибке - вечной проблеме медицины // Медицинская газета. - 1998. - № 50. - С. 5-7.
3. Герасимов Г. Дело врачей: невежество или злой умысел? // Новое время. - 2005. - № 10. - С. 12-14.
4. Дмитриев Ю.А., Шленева Е.В. Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии // Государство и право. - 2000 - №;11. - С. 28 -34.
5. Рафиев Х.К., Азизов З.А., Рафиева З.Х., Абдуллаев М.Ч. Условия, способствующие распространению ВИЧ/СПИД в Республике Таджикистан // Здравоохранение Таджикистана. - 2009. - № 4. - С. 13-18.

НЕОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ ЛИЦОМ МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА

Азизкулова Маликабону Азимовна

Магистрант второго года обучения очного отделения
юридического факультета

Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227-85-83, e-mail: ugolovnoepravo2000@mail.ru

FAILURE TO PROVIDE CARE TO A SICK PERSON BY MEDICAL PERSONNEL

Azizkulova Malikabonu Azimovna

First-year master's student in the full-time department of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: 227-85-83, e-mail: ugolovnoepravo2000@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена исследованию неоказания помощи больному лицом медицинского персонала. Приведены существующие в науке точки зрения относительно определения общественно опасных деяний, совершенных медицинскими работниками при осуществлении ими медицинской деятельности. На основе критического анализа обоснована авторская позиция по данному вопросу.*

Annotation. *The article is devoted to the study of the failure of medical personnel to provide assistance to a sick person. The existing scientific points of view regarding the definition of socially dangerous acts committed by medical workers when carrying out medical activities are presented. Based on critical analysis, the author's position on this issue is substantiated.*

Ключевые слова: *ятрогения, медицинские работники, врачебные преступления, врачебная ошибка, причинение смерти по неосторожности, медицинская помощь, ненадлежащее оказание медицинских услуг.*

Key words: *iatrogeny, medical workers, medical crimes, medical error, causing death by negligence, medical care, improper provision of medical services.*

Общественная опасность данного деяния определяется тем, что совершение его подразумевает грубое нарушение медицинским сотрудником профессионального долга, в следствии чего наступают негативные последствия здоровья и жизни человека, нуждающегося в безотлагательной и срочной медицинской помощи.

Объектом защиты по данной уголовно-правовой норме являются здоровье и жизнь пациента, а также система функционирования органов здравоохранения [1,9-10].

Объективная сторона неоказания медицинской помощи выражается в бездейственности, сознательном отказе медицинского или фармацевтического специалиста от выполнения своих обязанностей по оказанию первой неотложной помощи больному, также возможном сокрытии своей профессии. Изложенная ситуация может происходить как в условиях экстремальных (падение с высоты, ДТП, огнестрельное или ножевое ранение, асфиксия, воздействие электрического тока, внезапное состояние болезни), так и при необоснованном отказе в проведении необходимых лечебно-диагностических мероприятий, отказе в госпитализации больного в медицинскую организацию, при неявке по вызову и подобное [2,39-40].

Следовательно, медицинские сотрудники должны оказывать первую неотложную медицинскую помощь для спасения жизни или предотвращения тяжких последствий пострадавшим на улице, в дороге, в других общественных местах и на дому.

Таким образом, в любое время суток и практически в любых местах, везде, где волей обстоятельств данный медицинский сотрудник оказался первым на месте происшествия, и кроме него, необходимую помощь оказать, не может другой медицинский сотрудник по службе (к примеру - врач скорой помощи).

Стихийное бедствие, лечение другого тяжелого пациента, тяжелая болезнь самого медицинского сотрудника, отсутствие транспорта для возможности эвакуации и подобные ситуации являются уважительными причинами неоказания помощи пациенту. Рассмотрение каждой конкретной причины неоказания помощи как, уважительной - решает суд. Субъект данного преступления всегда специальный. Данное деяние может совершить только лицо, ответственное в соответствии с законом за оказание помощи больному и, как правило, это сотрудники системы здравоохранения (фельдшеры, врачи, медицинские сестры, акушерки, фармацевты, провизоры...). Отдельно необходимо выделить студентов медицинских вузов, которые обучаются на старших курсах и после прохождения сестринской практики находятся уже в статусе среднего медицинского персонала, а соответственно, обязаны и способны оказать человеку первую и неотложную медицинскую помощь. Лица, получившие

специальную медицинскую подготовку, которая необходима для выполнения своих служебных обязанностей (работники органов внутренних дел, пожарные, ГИБДД, МЧС, и подобные) также, обязаны и способны оказать человеку первую медицинскую помощь [3,5-7].

Субъективная сторона преступления, предусмотренного статьей 124 Уголовного кодекса Российской Федерации, характеризуется прямым умыслом, когда виновный осознает, необходимость оказания медицинской помощи, но не оказывает ее и уклоняется от выполнения своих прямых обязанностей, хотя имеет возможность ее оказания.

Неосторожностью со стороны виновного медицинского работника обусловлено причинение вреда здоровью средней тяжести (ч. 1), а также причинение тяжкого вреда здоровью или смерти (ч. 2).

В данной статье появился новый квалифицирующий признак, который четко дифференцирует степень тяжести причиненного вреда здоровью. Согласно этому признаку, из сути статьи 124 УК РФ следует, что уголовная ответственность наступает только в случаях, когда бездействие медицинского работника привело к причинению вреда средней тяжести (ч. 1) или тяжкого вреда или смерти пациента (ч. 2). При наступлении осложнений в виде легкого вреда здоровью уголовная ответственность не наступает, но это не освобождает ответчика от гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности [4,75-79].

Возможно оказание медицинской помощи больному не только лично, но и организаций ее другими медицинскими работниками. В случае, если вызванный к больному медицинский сотрудник по недостатку практических навыков или знаний, не может оказать соответствующую медицинскую помощь, он обязан принять все меры к вызову соответствующего специалиста. При этом медицинский работник обязан не только организовать медицинскую помощь, но и проконтролировать ее реальное осуществление (передать больного прибывшей на место происшествия СМП).

Необходимо еще рассмотреть один важный вопрос - комментируя официальное название ст. 124, включающей определение «неоказание», возможно прийти к выводу, что данное деяние совершается только в виде полного бездействия - «ничегонеделания». В реальности очень часто - неоказание помощи пациенту выражается в виде неэффективных, эпизодических попыток что либо сделать и явно не соответствующих клинической ситуации.

Список литературы

1. Божченко А.П. Ятрогения: содержание понятия в медицине и юриспруденции // Медицинское право. - 2016. - № 5. - С. 8-12.
2. Голубовский В.Ю., Кунц Е.В. Врачебные преступления: проблемы привлечения к уголовной ответственности и их расследование // Российский следователь. - 2018. - № 11. - С. 37-41.
3. Кудаков А.В. Врачебная ошибка и ее уголовно-правовая оценка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. - 22 с.
4. Мохов А.А., Мохова И.Н. Врачебная ошибка (социально-правовой аспект). Волгоград: Волгоград. гос. ун-т, - 2004. - 155 с.

ПРОБЛЕМЫ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Алифбеков Алиммад Нурмамадович

аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республики Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 501917707, e-mail: alifbekov.alimamad@bk.ru

PROBLEMS OF CIRCUMSTANCES EXCLUDING CRIMINAL ACTS OF MEDICAL WORKERS

Alifbekov Alimamad Nurmamadovich

graduate student at the Department of State and Legal Disciplines
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: (+992) 501917707, e-mail: alifbekov.alimamad@bk.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы обстоятельств, исключающих преступность деяния при медицинской деятельности. Связь медицины с риском для жизни, невозможность гарантировать положительный результат даже при условии установленных требований обуславливает постановку вопроса об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, совершенного медицинскими работниками. А также в исследовании данной статьи анализировались мнения ученых по вышеупомянутому институту уголовного права. В работе использовались следующие методы исследования: диалектический, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический, а также анализ и синтез.

Annotation. The article deals with the problems of crime-precluding acts in medical activities. The connection of medicine with a risk to life, the impossibility of guaranteeing a positive result, even under the established requirements, raises the question of the circumstances precluding the criminality of the act committed by medical workers. And also, in the study of this article, the opinions of scientists on the aforementioned institution of criminal law were analyzed. The following research methods were used in the work: dialectical, historical, comparative legal, formal legal, as well as analysis and synthesis.

Ключевые слова: преступления, обоснованный риск, обстоятельства исключающих преступность деяния, законодательства.

Key words: crimes, justified risk, circumstances excluding criminal acts, legislation.

В настоящее время в условиях становления правового, демократического государства и гражданского общества большое значение для регулирования уголовных правоотношений приобретают поощрительные нормы. Теория уголовного права активно развивает учение об уголовно-правовом поощрении, стремится построить четко структурированную систему поощрительных норм уголовного права. Реализация и регламентация данной системы на практике позволит эффективно влиять на поведение людей, придавая ему направление, которое отвечает как интересам государства и общества, так и интересам отдельной личности.

В.Н. Кудрявцева в своей работе определяет «правовой природы обстоятельств, исключающих преступность деяния в двух аспектах.

Во-первых, эти обстоятельства имеют место при совершении деяния, причиняющего тот или иной вред охраняемым интересам. Именно, в связи с этим они по своим объективным признакам сходны с преступлениями, и возникает вопрос об уголовной ответственности лица, причинившего этот вред.

Во-вторых, такие обстоятельства как бы противоречат тому, что указывает на сходство совершенного деяния с преступлением, аннулируют это сходство» [1]

А.А. Пиантковский в своей научной работе «уточнил характеристику рассматриваемых обстоятельств, указав, что они исключают не только противоправность, но и общественную опасность, а тем самым, в конечном итоге, преступность содеянного».

Одним из актуальных, исследуемых областей правовой науки, и как одним из основных институтов уголовного законодательства является обстоятельства исключающих преступность деяния медицинских работников.

Деятельность медицинских работников в современном цивилизованном обществе не вызывает каких-либо сомнений со стороны общества. Однако важно подчеркивать, что любая медицинская наука, будучи направленным на охрану жизни или здоровья больного, так или иначе связано с риском для последнего.

В настоящее время медицина – одна из основных областей науки в целом, способная влиять на человеческую жизнь. Драгоценная работа медицинских представителей имеет

огромную ценность как для пациентов, так и для всего общества в целом. Врач в процессе своей работы одним своим действием может помочь индивиду либо навредить ему.

Но, однако в настоящее время в мире идет процесс развития науки и, в частности, внедряются новые медицинские технологии и новые методы лечения больных, который часто сопровождается определенным риском для больных. Вопрос о неправомерности и значимости вышеупомянутых рискованных действий, как правило, возникает при неблагоприятном исходе оказания медицинской помощи, что часто требует надлежащей оценки действий медицинского персонала.

Именно такая грань между правомерностью и ошибкой обуславливает сложную природу уголовно-правовой оценки деяний, совершаемых при оказании медицинской помощи либо при медицинской деятельности, которые в большинстве своем являются неосторожными.

В.Е. Квашис говорит, что «специфику неосторожности бывает в взаимодействии объективного и субъективного фактора, при котором неосторожное причинение вреда представляет собой противоречие между объективными требованиями ситуации, предъявляемыми к личности, и субъективным неадекватным восприятием и реакцией личности на данную ситуацию» [2, 35].

Проблема обстоятельств, исключающих общественную опасность и противоправность деяний в области здравоохранения, недостаточно разработана в правовую науку и в законодательстве Российской Федерации и Республики Таджикистан. В настоящее время существует различные точки зрения ученых относительно перечня таких обстоятельств, к числу которых некоторые ученые относят и «общественно полезную профессиональную деятельность медицинского работника», и «волеизъявления потерпевшего». Но вышеупомянутые институты как правило не закреплены в законодательстве и не имеют правовую ценность. Исключить уголовную ответственность могут только те обстоятельства, которые предусмотрены в уголовном законодательстве. Касаясь других обстоятельств, которые предложили ученые, то для придания им правовой силы соответствующие институты должны быть включены в Уголовный кодекс (далее УК).

В теории уголовного права и в правовой науке под обстоятельствами исключающих преступность деяния обычно понимают действия (бездействия) лица причиняет вред общественным интересам, но данная деяния совершается с общественно полезной целью и не является преступлением в силу отсутствия в данной действии признаков преступления.

Ученый теоретик А.А. Пиантковский в своей работе указывал: «отнесение выполнения профессиональных обязанностей к обстоятельствам, исключающим общественную опасность совершенного деяния, не вызывает, в настоящее время какого-либо сомнения у других ученых в области уголовного права».

Н.И. Пикуров считает, что «при наличии обстоятельства, исключающего преступность деяния, не только не является общественно опасным, но направлено на достижение общественно полезных целей, либо нейтрально по отношению к общественным интересам».

Р.Р. Галиакбаров в своей работе, «определил эти обстоятельства как сознательные и волевые действия лица, сопряженные с причинением какого-либо вреда другим интересам, но в силу отсутствия общественной опасности и их полезности, признаваемые Уголовным законом правомерными».

Н.И. Загородникова и Н.А. Стручкова пришли к выводу, что «рассматриваемые нормы поощрительными не являются, поскольку они ничего не прибавляют к объему прав индивида, не дают ему никаких новых благ».

В настоящее время в правовую науку после правовых реформ особую актуальность приобретает вопрос оснований и пределов ответственности медицинских работников. Статистика в нынешнее время показывает большинства преступлений, совершаемых вышеупомянутыми лицами, так и количества возбуждаемых в отношении врачей уголовных дел.

В уголовном праве и в УК РТ и УК РФ существует целый институт по обстоятельствам исключающих преступность деяния, таковыми являются: необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступления, крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения.

Среди предусмотренных законодательством обстоятельств, исключающих противоправность деяния, для медицинской деятельности существенное значение имеют обоснованный риск и крайняя необходимость.

Согласно уголовному законодательству, вышеназванная деятельность осуществляется в состоянии крайней необходимости. В теории уголовного права под крайней необходимостью понимают, действия лица непосредственно направленные в целях охранения уголовного законодательства и для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости. Превышение пределов крайней необходимости признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред, равный или более значительный, чем предотвращенный.

В.А. Глушков в качестве примера проводит следующее: «, по его мнению, примеров крайней необходимости в медицинской практике упоминает случай краниотомии (нарушения целостности черепа) на еще живом плоде с целью спасения жизни матери, а также пересадку органа от одного человека (донора) другому (реципиенту) как единственное средство спасения жизни или восстановления здоровья последнего».

Н.П. Попова в своей работе отмечает, что «действия врача, произведшего аборт в ненадлежащих условиях (даже в случае наступления тяжких последствий), будут уголовно ненаказуемы, если он действовал в условиях крайней необходимости, то есть если он проводил операцию по жизненным показаниям» [3, 78].

В 2020 году Следственным комитетом Российской Федерации был предложен проект закона, предусматривающий внесение в УК РФ двух новых статей, отягчающих уголовную ответственность, по сравнению с нынешними нормами, уголовную ответственность для работников медицинских учреждений. Но вышеупомянутый документ или проект встретил определенную критику со стороны представителей названных учреждений и был признан неудовлетворительным самим Следственным Комитетом РФ, однако он ясно демонстрирует общую уголовно-правовую политику, направленную на усиление уголовной ответственности медицинских работников за причинение вреда жизни и здоровью пациентов.

Но данный документ вызывает опасения среди представителей медицинского сообщества и в ближайшее время может вызвать сильнейший отток специалистов из профессии, что негативным образом отразится на общем уровне качества оказания медицинских услуг населению. В настоящее время, несмотря на высокий уровень технологического развития медицинской науки, специалисты указывают на невозможность оказания медицинской помощи без потенциального риска причинения вреда жизни и здоровью пациента.

С другой стороны, важно отметить, что вышеназванные лица занимаются в нынешнее время и особо во времена пандемии благородным и рискованным трудом, и на них распространяется действия таких принципов уголовного права, таких как справедливость и равенство индивидов перед законом и судом, вследствие чего суд должен объективно рассмотреть в отношении медицинских работников справедливо и честно [4].

С учетом вышеупомянутого важно подчеркивать, что помимо расширения оснований уголовной ответственности вышеназванных лиц, для предотвращения роста числа преступлений необходимо уточнять пределы уголовной ответственности названных лиц, в целях соблюдения принципа справедливости и предотвращения оттока лучших представителей врачебной специальности в профессии, не связанные с медициной.

Другим обстоятельством исключающих преступность деяния, является обоснованный риск, вред в данном случае причиняется охраняемым уголовным законодательством интересам для достижения общественно полезной цели. В отличие от крайней необходимости при обоснованном риске по мнению некоторых ученых опасность отсутствует.

Как отмечается в работах Г.Ф. Хаметдинова: «действия в состоянии обоснованного риска направлены прежде всего не на устранение прямого вреда, а на достижение позитивного эффекта, то есть на изменение сложившейся обстановки» [5, 98].

Для правильной юридической квалификации в каждом конкретном случае требуется тщательный анализ исходя из обозначенных выше позиций. Для решения в процессе

расследования и судебного рассмотрения дела вопросов, связанных с наличием условий обоснованного профессионального риска при производстве медицинского вмешательства, необходимо назначение судебно-медицинской экспертизы.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021 № 292-ФЗ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 15.09 2023)
2. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г., № 575: (в ред. Закона РТ от 20.06.2019 г., - № 1609).
3. Ганиева А.М. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Молодой ученый. 2017. - № 1. - С. 324-327.
4. Данилюк К.А. Общая характеристика и уголовно-правовая регламентация обстоятельств, исключающих преступность деяния // Научнообразовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2018. № 10. - С. 304-306.
5. Смирнов А.М., Спасенников Б.А., Никонович С.А., Авдалян А.Я., Баранова Е.А., Галузо В.Н., Эриашвили Н.Д. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: учебное пособие. М.: ООО «Издательство ЮнитиДана». - 2016. - 168 с.
6. Хаметдинова Г.Ф. Уголовно-правовая характеристика крайней необходимости: моногр. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. - 123 с.

СООТНОШЕНИЕ ИНСТИТУТОВ АМНИСТИИ И ПОМИЛОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Кодиров Фаррух Хаятжонович

Магистрант второго года обучения очного отделения
юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227-85-83, e-mail: ugolovnoepravo2000@mail.ru

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE INSTITUTIONS OF AMNESTY AND PARDON IN CRIMINAL LAW

Kodirov Farrukh Khayatzhonovich

First-year master's student in the full-time department of the
Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: 227-85-83, e-mail: ugolovnoepravo2000@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ соотношений институтов амнистии и помилования в уголовном праве.

Основное отличие рассматриваемых институтов заключается в том, что амнистия носит индивидуально неопределенные черты и распространяется на лиц, которые соответствуют условиям, которые указаны законодателем в акте об амнистии. В акте о помиловании всегда содержатся конкретные данные, позволяющие четко определить лицо, в отношении которого применяется помилование.

Annotation. the article analyzes the relationship between the institutions of amnesty and pardon in criminal law.

The main difference between the institutions under consideration is that the amnesty has individually vague features and applies to persons who meet the conditions specified by the legislator in the amnesty act. The act of pardon always contains specific data that makes it possible to clearly identify the person in respect of whom the pardon is applied.

Ключевые слова: амнистия, помилования, нереабилитирующее основание, прекращение уголовного преследования, освобождение от уголовной ответственности, уголовное правоотношение.

Key words: amnesty, pardons, non-rehabilitative grounds, termination of criminal prosecution, exemption from criminal liability, criminal legal relations.

Для того, чтобы в полной мере отобразить значение институтов амнистии и помилования, необходимо раскрыть вопрос соотношения данных институтов.

Безусловно, амнистия и помилование – это различные правовые институты, однако перед тем как говорить про их различие, необходимо раскрыть их сходство.

Говоря про сходство институтов амнистии и помилования, важно отметить, что в источнике уголовного законодательства – УК РФ, им посвящена 13 глава. Занимая особое место в системе уголовного законодательства России, институты амнистии и помилования распространяют свое действие на уголовно-правовые отношения.

Также, к сходствам институтов амнистии и помилования можно отнести то, что применение этих институтов предусмотрено Конституцией РФ.

Конституционный принцип гуманизма, в том числе реализуется через амнистию и помилование. К сходствам актов об амнистии и помилования можно отнести их разовый характер. То есть они исполняются однократно в отношении определенного круга лиц или, в случае помилования, конкретного виновного лица.

Акты об объявлении амнистии или помилования – это внесудебные акты, они принимаются, в соответствии с Конституцией РФ, Государственной Думой и Президентом РФ.

Представляя собой акты верховной власти, которые освобождают от уголовной ответственности и наказания, амнистия и помилование, естественным образом имеют ряд отличительных черт. Изучая вопрос соотношения институтов амнистии и помилования, А.С. Ларина пишет, что: «В результате дискуссий большинство юристов пришло к выводу, что основное отличие амнистии от помилования состоит в том, что амнистия касается целых категорий преступлений или групп преступников, не обозначенных индивидуально, в то время как помилование – акт, касающийся одного или многих, но совершенно определенных, персонифицировано конкретных лиц» [2, 146].

Таким образом, можно сделать вывод, что амнистия носит нормативный характер, а помилование представляет собой акт применения права в определенно-индивидуальном случае [3, 657]. Иначе говоря, освобождение от наказания конкретного виновного лица по акту помилования никак не относится к другим виновным лицам, которые были осуждены за аналогичное преступление и приговоренных к такому же наказанию. Как отмечал А.В. Мицкевич: «акт, относящийся к конкретному физическому лицу, не может быть нормативным» [4, 51]. Важно отметить, что в случае применения помилования, не подвергается сомнению обоснованность, законность и справедливость приговора суда, вынесенного виновному лицу. Сущность помилования заключается в том, что, руководствуясь принципом гуманизма, Президент РФ, вне зависимости от справедливости и законности вынесенного приговора, облегчает положение виновного лица [1, 310]. По своей правовой сути помилование является актом применения права.

В отличие от помилования амнистия не носит индивидуального характера, в акте об амнистии нет конкретного перечня лиц, подлежащих освобождению от уголовной ответственности и наказания, также отсутствуют персональные данные определяющие их. В актах об амнистии находятся лишь видовые признаки лиц, подлежащих амнистированию. Таким образом, амнистии подлежат лица, которые имеют индивидуально не определенную природу, их делят на категории, которые отвечают условиям применения амнистии. Помилование применяется исключительно в отношении индивидуально определенного лица, персональные данные которого прямо указаны в соответствующем указе.

К отличительным особенностям помилования, можно также отнести то, что помилование не применяется к лицам, которые подвергаются уголовному преследованию. Примечательно, что в соответствии с амнистией, лицо совершившее преступное деяние, может быть освобождено от уголовной ответственности или наказания на любой стадии.

Следующим отличием амнистии от помилования будет являться: учет позиции заключенного. Помилование применяется только по ходатайству лица, в отношении которого издается соответствующий акт. Как правило, самим лицом, отбывающим уголовное

наказание, инициируется составление и направление ходатайства о помиловании. Он обращается лично к президенту РФ. Говоря про амнистию, то ее применение никаким образом не зависит от воли и желания лица, в отношении которого она принимается. Исключения составляют случаи, когда в отношении лица, выступающее в качестве амнистируемого, отсутствует судебный приговор. В таких случаях, мнение такого лица – обязательное условие применения амнистии. Отличительной чертой помилования от амнистии будет являться отсутствие принципиальной зависимости от тяжести совершенного преступления или рецидива, а также и от вида и размера, назначенного судом наказания.

Важным условием применения помилования является положительная характеристика заключенного во время его пребывания в исправительном учреждении, однако для применения амнистии такие данные не имеют значения. Исключение составляет только случаи, когда лицо, подлежащее амнистированию, является злостным нарушителем установленного режима в исправительном учреждении.

К следующим отличительным особенностям институтов амнистии и помилования необходимо отнести процедуру реализации амнистии и помилования. А.Д. Мокогнова отмечает, что: «помилование является более упрощенной процедурой, чем амнистия. Оно подлежит немедленному исполнению с момента подписания соответствующего указа Президентом РФ, без дополнительных проволочек, процедур и документов» [5, 612]. Когда как для применения амнистии необходимо больше времени, так как она осуществляется посредством органов внутренних дел. После издания акта об амнистии соответствующие органы выносят постановление о применении амнистии к лицам, удовлетворяющим перечисленным в акте об амнистии определенным критериям. В случае, когда амнистированию подлежат лица, которые имеют инвалидность или иные хронические заболевания, то руководству исправительного учреждения необходимо выяснить определенное количество таких осужденных и указать их в постановлении об освобождении. Это же правило распространяется и на работников следственных и судебных органов в случае, если вопрос об амнистии касается лиц, в отношении которых ведется предварительное расследование либо судебное разбирательство. В связи с этим применение амнистии со дня официального опубликования акта растягивается на срок до шести месяцев.

Сравнительный анализ рассматриваемых институтов показывает, что, несмотря на определенное обобщающее сходство, институты амнистии и помилования различны по своей правовой природе. Они являются самостоятельными в момент своего применения.

Основное отличие рассматриваемых институтов заключается в том, что амнистия носит индивидуально неопределенные черты и распространяется на лиц, которые соответствуют условиям, которые указаны законодателем в акте об амнистии. В акте о помиловании всегда содержатся конкретные данные, позволяющие четко определить лицо, в отношении которого применяется помилование.

Вторым по значимости является то, что амнистия носит нормативный характер, в то время как помилование по своей сути представляется актом применения права лица, который совершил преступление, на прощение.

Список литературы

1. Бабаян С.Л. Освобождение от отбывания наказания: проблемы и пути совершенствования // Уголовно-исполнительное право. - 2018. - № 3. - С. 309-314.
2. Ларина А.С Освобождение от уголовной ответственности и смежные институты // Иновационная наука, -2020. -№ 4. -С. 144-148.
3. Мамхягов З.З, Стрешенец П.А. Уголовно-правовое значение амнистии и помилования в современной России // Аллея Науки, -2019. -№ 6. - С. 656-668.
4. Мицкевич А.В. Правотворческое значение нормативного акта // Советское государство и право, -1965. - № 11. - С. 49-57.
5. Мокогнова А.Д. Сравнительный анализ правовых институтов помилования и амнистии в России // Синергия наук, - 2018. - №23. -С. 609-614.

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ

Латипов Исмоилджон Манонович

Магистрант второго года обучения очного отделения
юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227-85-83, e-mail: ugolovnoepravo2000@mail.ru

SOCIAL SIGNIFICANCE OF ACTIVE REPENTANCE

Latipov Ismoiljon Manonovich

First-year master's student in the full-time department of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: 227-85-83, e-mail: ugolovnoepravo2000@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается, социальное значение деятельного раскаяния. Отмечается, что только целостное и системное восприятие института освобождения от ответственности позволит оптимальным образом вписать его в систему уголовного права в интересах соблюдения должного баланса между потребностью общества в безопасности и гуманным отношением к лицам, совершившим преступления».

Это позволяет достичь цели сокращения репрессивных мер, в большей мере реализовать принцип дифференциации ответственности, а также снижает нагрузку на органы предварительного расследования и суды по делам о совершении преступлений небольшой и средней тяжести.

Annotation. The article examines the social meaning of active repentance. It is noted that only a holistic and systematic perception of the institution of exemption from liability will allow it to be optimally integrated into the system of criminal law in the interests of maintaining the proper balance between society's need for security and a humane attitude towards persons who have committed crimes."

This makes it possible to achieve the goal of reducing repressive measures, to better implement the principle of differentiation of responsibility, and also reduces the burden on preliminary investigation bodies and courts in cases of crimes of minor and medium gravity.

Ключевые слова: деятельное раскаяние, явка с повинной, освобождение от уголовной ответственности, возмещение ущерба

Key words: active repentance, confession, release from criminal liability, compensation for damage

Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием - важный институт в законодательстве, вызывающий неподдельный научный интерес и все шире применяемый правоохранительными органами и судами в ситуациях, когда принятие исключительно репрессивных мер нецелесообразно, избыточно и не отвечает принципам гуманизма и справедливости, при условии наличия законных оснований для подобного освобождения.

Некоторая сдержанность и определенная осторожность в применении обусловлена, как видится, возникающими сложностями при толковании соответствующих норм права.

Ю.Е. Пудовочкин и А.А. Толкаченко провели фундаментальное исследование, в ходе которого «получены данные статистики правоприменительной практики, обобщены и проанализированы правовые позиции высших судов по вопросам освобождения от уголовной ответственности; дана критическая оценка основным доктринальным позициям по данному вопросу; на основе полученных результатов обоснованы конкретные рекомендации по комплексному совершенствованию уголовно-правовых и уголовно-процессуальных основ освобождения от уголовной ответственности» [2, 99].

По приводимым авторами сведениям, судебная статистика такова: ежегодно в суд направляются на рассмотрение дела, более 75 % из которых - дела о совершении нетяжких преступлений.

Преступления категории небольшой тяжести по отношению к общему количеству дел составляют 36 примерно половину – 50-53 %, преступления средней тяжести - примерно четверть, около 25 %.

Ежегодно по нереабилитирующим основаниям судами прекращается более 200 тысяч дел, в большинстве своем - о преступлениях небольшой и средней тяжести. Вместе с тем, большое количество дел, не имеющих судебной перспективы, продолжает поступать в суды.

В зависимости от категории тяжести преступления и оснований освобождения в органах предварительного расследования МВД России масштаб прекращения значительно меньше, по сравнению с судебным, и составляет не более 2 %, а в Следственном комитете РФ - не более 5-6 %. Кроме того, по данным авторов, сотрудниками прокуратуры отменяется ежегодно около 2,5 млн постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и около 25000 постановлений о прекращении уголовного дела. Такой уровень практической реализации оснований освобождения от уголовной ответственности на стадии предварительного расследования можно назвать аномально низким.

Таким образом, хотя процент освобожденных относительно невелик, практика применения судами прекращения уголовных дел по основаниям деятельного раскаяния стабильна, можно утверждать, что институт 37 освобождения от уголовной ответственности занимает свое достойное место в системе механизма уголовно-правового воздействия. «Поощрительные уголовно-правовые санкции занимают важное место и играют значимую роль, поскольку имеет место эффект, стимулирующий позитивное поведение лица.

Следует согласиться с авторами, полагающими, что для повышения значимости института уголовно-правового поощрения может потребоваться более сбалансированная правоприменительная политика» [1, 283].

Поскольку расширение применения института освобождения от уголовной ответственности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства представляется очевидной необходимостью, необязательно доведение процесса до судебной стадии, в чем убеждены некоторые авторы (например, А.В. Ендольцева).

Исходя из несостоятельности суждения относительно допустимости освобождения от уголовной ответственности только судом, более пристального внимания заслуживает вопрос реализации освобождения от ответственности на более ранних стадиях, в том числе на этапе возбуждения уголовного дела.

Сегодня суды при наличии фактических и правовых оснований при рассмотрении дела вправе изменить категорию тяжкого преступления на одну степень ниже, переqualифицируя деяния до средней тяжести, с возможностью последующего освобождения осужденного от наказания.

Одним из распространенных оснований освобождения от ответственности также является применение поощрительных норм, представленных в более чем 40 примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, количество которых также имеет тенденцию к расширению. Детальный анализ проблемы специальных оснований произведен А.Г. Антоновым.

Развитие института освобождения от ответственности возможно в направлении расширения его применения не только в судебном уголовном процессе, но и на стадии предварительного расследования, и (в меньшей степени) путем классификации и согласования законодательной терминологии и формулировок. Предлагаемые некоторыми юристами сложные конструкции авторского определения деятельного раскаяния, возможно, представляют теоретический интерес. Но формулировка должна быть лаконична, однозначно толкуема, выверена с точки зрения юридической техники, проста в практическом применении, понятна в том числе лицам, реализующим свой интерес освобождения от уголовной ответственности путем деятельного раскаяния.

Практическая реализация норм освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием перспективна в части досудебного урегулирования конфликтов. Также перспективным видится дополнение действующего законодательства положением о медиации, т. е. утверждение согласительной процедуры для соблюдения законных прав и интересов как потерпевшего, так и лица, совершившего преступление.

Соглашаясь с результатами проведенного Ю.Е. Пудовочкиным исследования, можно вывести итог об актуальности выдвинутых им следующих тезисов.

«Вопреки сложившейся практике, освобождение от уголовной ответственности не должно восприниматься исключительно как прерогатива суда; напротив, баланс интересов поддержания правопорядка и процессуальной экономии требует более широкого использования института освобождения от уголовной ответственности на досудебных стадиях уголовного процесса» [3, 59].

Представляется уместным возвращение в УПК РФ положения о праве прокурора на применение освобождения от уголовной ответственности и прекращение уголовного дела.

Целесообразным видится развитие варианта досудебного решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности также за счет адаптации для этих целей возможностей института отказа в возбуждении уголовного дела.

Как точно и актуально пишет Ю.Е. Пудовочкин, «совершенствование института освобождения от уголовной ответственности составляет важный компонент общей работы по оптимизации уголовного законодательства. В основе его следует иметь внутренне непротиворечивую, конституционно обоснованную и согласованную в межотраслевых аспектах теоретическую концепцию.

Только целостное и системное восприятие института освобождения от ответственности позволит оптимальным образом вписать его в систему уголовного права в интересах соблюдения должного баланса между потребностью общества в безопасности и гуманным отношением к лицам, совершившим преступления» [4, 22].

Это позволяет достичь цели сокращения репрессивных мер, в большей мере реализовать принцип дифференциации ответственности, а также снижает нагрузку на органы предварительного расследования и суды по делам о совершении преступлений небольшой и средней тяжести.

Список литературы

1. Воронина Д.В. Особенности квалификации преступлений при добровольном отказе от преступления // Актуальные вопросы и достижения современной науки: сб. тр. – Нефтекамск: Мир науки, - 2020. - С. 98-101.
2. Пудовочкин Ю.Е., Толкаченко А.А. Основные направления межотраслевого совершенствования института освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. - 2020. - № 4. - С. 59-63.
3. Савельев Д. В. Соучастие в преступлении. Преступная группа: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., - 2019. - 133 с.
4. Христенко А.С. Особенности назначения наказания за совершенное преступление при деятельном раскаянии // Молодой ученый. - 2022. - № 24 (419). - С. 283-285.

ПОНЯТИЕ, ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ И НАЗНАЧЕНИЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Назарзода Мохбону Ганиевна

Магистрант 1-го года обучения очного отделения
юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 988884544, e-mail: rami_1293@mail.ru

CONCEPT, LEGAL ESSENCE AND PURPOSE OF LIFE IMPRISONMENT

Nazarzoda Mokhbonu Ganievna

1st year full-time master's student Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 988884544, e-mail: rami_1293@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка изучить имеющиеся в теории уголовного права дефиниции пожизненного лишения свободы и посредством анализа различных точек зрения представителей отечественной юридической науки дать оценку всем выделяемым признакам данного понятия. Несмотря на то, что пожизненное лишение свободы выступает самым строгим реализуемым уголовным наказанием, в теории уголовного права сложилось неоднозначное отношение к определению данного вида наказания и его характерным чертам. На практике подобная законодательная неопределенность приводит к неточностям в текстах судебных решений, возникающим из-за неверного понимания места пожизненного лишения свободы в современной системе уголовных наказаний. Автором статьи сформулированы предложения по совершенствованию соответствующих норм уголовного закона.

Annotation. The author of the article attempts to analyze different definitions of life imprisonment existing in the theory of criminal law and to assess all the distinguished features by analyzing the various viewpoints of the representatives of the domestic legal science. Despite the fact that life imprisonment is the severest implemented criminal penalty, in the theory of criminal law there is an ambiguous attitude to defining this type of penalty and its characteristic features. In practice, such legislative uncertainty leads to some inaccuracies in the texts of the judicial decisions arising from the misunderstanding of the place of life imprisonment in the modern system of criminal penalties. Some proposals to improve the relevant norms of the criminal law are provided.

Ключевые слова: уголовное наказание, пожизненное лишение свободы, признаки пожизненного лишения свободы.

Keywords: criminal penalty, life imprisonment, features of life imprisonment

Попытки сформулировать дефиницию пожизненного лишения свободы, определить его сущность, содержание и характерные черты (признаки) неоднократно предпринимались представителями уголовно-правовой науки. Обобщая имеющиеся определения, можно выделить несколько ключевых подходов.

Первый основан на использовании семантического анализа всех входящих в определение слов. «Анализ термина “пожизненное лишение свободы”, – указывает Б.З. Маликов, – дает возможность более полно постичь сущность данного правового и социального явления: 1) пожизненное – на протяжении всей жизни и до ее конца; 2) лишение – утрата, потеря, принудительное ограничение в пользовании определенными благами; 3) свобода (в философии) – возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества, познанная необходимость (независимость, отсутствие стеснений и ограничений)» [1, 79-80]. «Таким образом, – пишет Б.З. Маликов, – под пожизненным лишением свободы, с точки зрения философии и теории права, следует понимать особый вид лишения свободы, назначаемый судом лицу, виновному в совершении особо тяжкого преступления, и выражающийся в утрате, потере субъектом возможности проявления в полном объеме своей воли, независимости, а также в наличии стеснений и ограничений, обеспечиваемых принудительно, в течение всей последующей жизни путем изоляции осужденного от общества и содержания его в специально предназначенном для этих целей учреждении под надзором и охраной» [1, 80].

Заметим, однако, что при формулировании окончательной дефиниции в ней появляются сущностные и содержательные характеристики, не вытекающие из проведенного автором анализа значений, смысла слов. Причина в данном случае лежит на поверхности. Определить понятие «пожизненное лишение свободы» как утрату до конца жизни возможности проявления субъектом своей воли, независимости, наличие стеснений и ограничений можно только в самом широком смысле. Однако для установления сущности уголовного наказания этого, по всей видимости, будет не вполне достаточно.

Следовательно, семантический анализ в чистом виде для выполнения поставленной задачи не подходит. В связи с этим те случаи, когда используют семантический анализ только части терминов, составляющих искомое определение, объединяя его с профессиональной терминологией (законодательными терминами), можно обозначить как комплексно-семантический анализ. Например, Н.В. Желоков, соединив словарные разъяснения понятия «пожизненное» и содержащиеся в ч. 1 ст. 56 УК РФ признаки «лишения свободы», получил следующее определение: пожизненное лишение свободы – это изоляция осужденного от

общества путем направления его в колонию определенного вида режима на срок, ограничиваемый физиологическим существованием человека, то есть его смертью [2, 90]. В литературе схожие интерпретации являются достаточно частыми [3, 17]. Второй подход активно применяется при подготовке учебных изданий и связан с использованием при формулировании определения понятия «пожизненное лишение свободы» законодательных положений, закрепленных в ч. 1 ст. 57 УК РФ. Пожизненное лишение свободы при этом понимается как вид наказания, применяемый только за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних [4; 5]. На наш взгляд, в данном случае упускаются очень важные признаки этого наказания. Но главное – в нем не раскрывается сущность пожизненного лишения свободы, поскольку, как указывает В.Н. Кудрявцев, «не возмездие и страдания есть цель пожизненного заключения, а только изоляция от общества» [6, 184].

В рамках третьего подхода, который условно можно именовать интегративным, авторы включают в анализируемое понятие признаки (характерные черты), присущие не только лишению свободы (ч. 1 ст. 56 УК РФ), но и наказанию в целом, а также условия назначения пожизненного лишения свободы (ч. 1 ст. 57 УК РФ). Рассмотрим некоторые из них.

«Пожизненное лишение свободы представляет собой вид лишения свободы, назначаемый за совершение указанных в законе особо тяжких преступлений, заключающийся в изоляции осужденного от общества в специальном учреждении (в исправительных колониях особого режима) бессрочно, т.е. пожизненно» [7].

По мнению О.В. Захарихиной, «пожизненное лишение свободы является самостоятельным исключительным видом наказания, назначаемым бессрочно лицам мужского пола, признанным судом виновными в совершении особо тяжких преступлений против жизни и общественной безопасности, и выражающимся в установлении осужденным определенных правоограничений, предусмотренных действующим уголовным и уголовно-исполнительным законодательством в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденных и предупреждения совершения преступлений как осужденными, так и иными лицами» [8, 38].

Н.В. Желокhov определяет пожизненное лишение свободы как «исключительный вид наказания, назначаемый судом за совершение особо тяжких преступлений, связанных с гибелью людей, в случаях, предусмотренных санкциями статей УК РФ, исполняемый в условиях строгой изоляции осужденного от общества в полном соответствии с нормами уголовно-исполнительного законодательства до конца жизни, с правом на условное освобождение, с учетом тяжести совершенного преступления и повышенной общественной опасности лица, его совершившего» [2, 90].

«Пожизненное лишение свободы, – указывает А.И. Парог, – заключается в изоляции осужденного от общества путем помещения в специальные исправительные колонии особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, и для осужденных, которым смертная казнь заменена пожизненным лишением свободы» [9, 104].

А.А. Жевнеров признает его «мерой государственного принуждения, состоящей в строгой изоляции осужденного на неопределенный срок с пожизненным содержанием его в специальных учреждениях, назначаемой судом за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, общественную безопасность и безопасность человечества» [10, 228].

Е.Л. Кирюхина рассматривает пожизненное лишение свободы как «наказание, бессрочно назначаемое лицам мужского пола, осужденным за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь и общественную безопасность, отбываемое в колониях особого режима и выражающееся в установлении для осужденного правоограничений, предусмотренных действующим уголовным и уголовно-исполнительным законодательством, в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденных и предупреждения совершения преступлений» [11, 15].

О.А. Антонов понимает под ним «основной вид наказания, назначаемый лицу, виновному в совершении особо тяжкого преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, и заключающийся в принудительной изоляции осужденного от прежней социальной среды и содержании его в специально предназначенном для этих целей учреждении под надзором и охраной в течение пожизненного срока» [12, 34].

«Пожизненное лишение свободы, – пишет Ю.Е. Мазурина, – есть мера государственного принуждения, назначаемая судом за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, общественную безопасность и безопасность человечества, заключающаяся в строгой изоляции осужденного с пожизненным содержанием его в специальных учреждениях» [13, 39].

Б.З. Маликов предлагает под пожизненным лишением свободы понимать «основной вид наказания, предусмотренный уголовным законодательством РФ, назначаемый лицу, виновному в совершении особо тяжкого преступления, и заключающийся в принудительной изоляции от общества осужденного в течение всей последующей жизни путем содержания его в специально предназначенном для этих целей учреждении под надзором и охраной» [1, 152].

Приведенные определения понятия пожизненного лишения свободы в ряде случаев значительно отличаются друг от друга не только по количеству включенных в дефиницию признаков, но и подходом к определению сущности и содержания данного наказания, в очередной раз демонстрируя полисемантическую научные дефиниции при отсутствии официального толкования.

Учитывая, что в понятии должны найти отражение только те существенные признаки, которые в своей совокупности будут достаточны, чтобы с их помощью можно было отличить данный предмет от всех остальных и обобщить однородные предметы в класс, проанализируем представленные признаки подробнее.

Использовать термин «исключительность» применительно к пожизненному лишению свободы необходимо, на наш взгляд, с достаточной степенью условности, по следующим основаниям. Во-первых, исключительным в законе назван только один вид наказания – смертная казнь. Во-вторых, необходимость назначения пожизненного лишения свободы обусловлена исключительной опасностью для общества лица, совершившего преступление. В-третьих, данный вид наказания назначается не только за совершение особо тяжких преступлений, связанных с гибелью людей, но и за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних. Принимая во внимание то, что данный перечень периодически расширяется, его нельзя учитывать при отнесении рассматриваемого вида наказаний к исключительным.

Обобщая вышесказанное, можно предложить следующее определение. Пожизненное лишение свободы представляет собой наказание, заключающееся в изоляции осужденного от общества в исправительных колониях особого режима до конца жизни и назначаемое лицам мужского пола, совершившим преступления после достижения восемнадцати лет и не достигшим шестидесятипятилетнего возраста, за совершение особо тяжких преступлений в случаях, предусмотренных санкциями статей УК РФ. Использование в рамках представленной дефиниции выражения «в случаях, предусмотренных санкциями статей УК РФ» считаем оправданным, поскольку, как показала практика, законодатель постоянно дополняет указание на соответствующие объекты уголовно-правовой охраны, содержащиеся в ч. 1 ст. 57 УК РФ. Кроме того, и в уже представленной системе имеются изъяны.

Так, в основу законодательной конструкции ч. 1 ст. 57 УК РФ положены категория преступления (особо тяжкие преступления) и объект уголовно-правовой охраны (жизнь, здоровье населения и общественная нравственность, общественная безопасность, половая неприкосновенность несовершеннолетних). В научной литературе уже достаточно давно поднимается вопрос о причинах отсутствия в ч. 1 ст. 57 УК РФ указания на мир и безопасность человечества в качестве объекта, посягательство на который может влечь назначение наказания в виде пожизненного лишения свободы. Дело в том, что с момента принятия уголовного закона в санкции ст. 357 УК РФ предусматривался данный вид наказания.

Как отмечает Н.В. Желокhov, законодатель в данном случае намеренно не включил указанный объект в ст. 57 УК РФ, так как преступления против мира и безопасности человечества – преступления, посягающие на жизнь [2, с. 56]. Однако не следует забывать, что дополнительным объектом этого преступления выступает не только жизнь, но и здоровье людей определенных законом групп (в целом), права и свобода человека. Кроме того, в иных объектах уголовно-правовой охраны, описанных в ч. 1 ст. 57 УК РФ, жизнь также включена в качестве дополнительного объекта. Из этого следует, что мир и безопасность человечества необходимо включить в систему объектов уголовно-правовой охраны, за посягательства на

которые может быть назначено пожизненное лишение свободы. Данный вывод вполне логично распространяется и на другие объекты уголовно-правовой охраны, за посягательства на которые может быть назначено пожизненное лишение свободы, например, основы конституционного строя и безопасность государства (применительно к ст. 281 УК РФ).

Кроме того, в законодательной конструкции ч. 1 ст. 57 УК РФ имеет место непоследовательность изложения объектов уголовно-правовой охраны. Логика конструирования уголовно-правовых предписаний в тех случаях, когда идет перечисление объектов: они должны быть изложены в соответствии со структурой Особенной части. Примером может служить последовательность изложения задач, стоящих перед УК РФ в диспозиции ч. 1 ст. 2 УК РФ. Таким образом, рассматриваемые объекты должны располагаться в следующем порядке:

- 1) жизнь;
- 2) половая неприкосновенность несовершеннолетних;
- 3) общественная безопасность;
- 4) здоровье населения и общественная нравственность.

Список литературы

1. Маликов Б.З. Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России: дис. д-ра юрид. наук. Рязань, 2004. - 482 с.
2. Желокhov Н.В. Пожизненное лишение свободы в системе наказаний УК РФ и его назначение: дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2007. - 197 с.
3. Королева К.В. Лишение свободы в аспекте достижения целей наказания: автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2003. - 22 с.
4. Палий В.В. Система и виды наказаний // Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. Москва: КОНТРАКТ, 2017. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Стеничкин Г.А., Бриллиантов А.В. Система и виды наказаний // Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. Москва: Проспект, 2015. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
6. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юрист, 2003. - 349 с.
7. Крылова Н.Е., Леонтьев Б.М. Глава XVIII. Система и виды наказаний // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, - 2012. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
8. Захарихина О.В. Исполнение наказания в виде пожизненного лишения свободы в России: дис. канд. юрид. наук. М.: - 2005. - 208 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2011. - 848 с.
10. Жевнеров А.А. Понятие пожизненного лишения свободы в современном уголовном праве России и его место в системе уголовных наказаний // Правовая система современной России: проблемы и перспективы их преодоления. 2012. - N1. - С. 228-232.
11. Кирюхина Е.Л. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты применения наказания в виде пожизненного лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. М.: - 2008. - 174 с.
12. Антонов О.А. Правовое регулирование назначения и исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы: дис. канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, - 1998. - 164 с.
13. Мазурина Ю.Е. Уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы и его объект: дис. ...канд. юрид. наук. Рязань, - 2010. - 207 с.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Саъдуллозода Абдугаффор Абдукахор

магистрант 3-го года обучения факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: +992953253687, e-mail: Sadullozoda2002@mail.ru

LEGAL ASPECTS OF PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN COURT PROCEEDINGS

Sadullozoda Abdugaffor Abdukakhor

master of the 3rd year of study at the Faculty of correspondence (distance) education
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: +992953253687, e-mail: Sadullozoda2002@mail.ru

Аннотация. В статье автор, отмечает, что роль прокурора в на всех этапах уголовного судопроизводства очень существенна, и своими действиями он может направлять ход дела в том направлении, которое является наиболее верным с точки зрения законности, при этом правовой статус самого прокурора закреплён рядом нормативно-правовых документов, а принимаемые им решения должны соответствовать принципам законности, публичности, состязательности и объективности.

Annotation. In the article, the author notes that the role of the prosecutor at all stages of criminal proceedings is very significant, and through his actions he can direct the course of the case in the direction that is most correct from the point of view of legality, while the legal status of the prosecutor himself is secured by a number of legal norms documents, and the decisions it makes must comply with the principles of legality, publicity, competition and objectivity.

Ключевые слова: прокурор, надзор, участие, уголовное судопроизводства, законность, публичность, состязательность и объективность.

Key words: prosecutor, supervision, participation, criminal proceedings, legality, publicity, competition and objectivity.

Процессуальное положение прокурора в уголовном процессе, формы и методы деятельности определяются общими задачами судопроизводства и непосредственными задачами, решаемыми в каждой отдельной стадии. Широкими полномочиями прокурор обладает в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. В них он осуществляет уголовное преследование и надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия и для обеспечения режима законности в их деятельности реализует властно-распорядительные полномочия [1, 25-30].

Прокурор надзирает за законностью и обоснованностью возбуждения уголовных дел или сам возбуждает уголовное дело, осуществляет общее руководство расследованием, направляя его ход. Он вправе истребовать у органа дознания и следователя уголовное дело и материалы о преступлениях, давать указания о расследовании, отменять и изменять вынесенные ими в отступление от закона постановления, продлевать сроки расследования и содержания обвиняемого под стражей, возвращать дела для дополнительного расследования, передавать дела для расследования от одного следователя другому. Прокурор вправе принять к своему производству либо поручить подчиненному ему прокурору или следователю расследование любого преступления. В этом случае прокурор не становится органом предварительного расследования, он остается прокурором. Ведение следствия прокурором не противоречит сущности прокурорского надзора за следствием, но лишь постольку, поскольку вызывается конкретной обстановкой и не возводится в правило.

Участие прокурора в судебном рассмотрении уголовных дел определяется тем, что одна из основных функций прокуратуры - осуществление уголовного преследования, а согласно п. 3 ст. 1 Закона "О прокуратуре Российской Федерации" прокурор участвует в рассмотрении дел судами, опротестовывает противоречащие закону решения, приговоры, определения и постановления судов.

Раздел IV (ст. ст. 35-39) Закона "О прокуратуре Российской Федерации" специально посвящен участию прокурора в рассмотрении дел судами. Прокурор участвует в рассмотрении дел судами в случаях, предусмотренных процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами. Исходя из положений Конституции РФ, Закона "О прокуратуре РФ" и других законодательных актов, прокурор выполняет в судебных стадиях уголовного судопроизводства две важные функции. Во-первых, выступает в суде в качестве государственного обвинителя, во-вторых, осуществляет надзор за законностью и обоснованностью определений, постановлений, приговоров и решений судов и имеет право и обязан опротестовать противоречащие закону судебные акты (ст. 36 Закона "О прокуратуре РФ").

Полномочия прокурора по осуществлению названных функций регламентируются как Законом "О прокуратуре РФ", так и уголовно-процессуальным законодательством.

В основе правового статуса прокурора, поддерживающего государственное обвинение в суде, лежат принципы уголовного процесса: законность, публичность, состязательность, объективная истина. Конкретные процессуальные полномочия должностного обвинителя вытекают из этих принципов. Многофункциональность прокурора предполагает у него наличие широкого круга процессуальных полномочий для работы в суде [4, 38].

В силу принципов законности и публичности прокурор обязан всеми имеющимися в его распоряжении средствами добиваться соблюдения везде и всюду законного порядка, а при нарушении такового немедленно реагировать и принимать меры к его восстановлению. Принцип законности обуславливает роль и значение функционирования прокурора в уголовном процессе как такого рода правоприменительной деятельности, правовым основанием которой является обоснованное утверждение о совершении преступления обвиняемым. На прокурора законом возложена обязанность от имени государства осуществлять, при наличии к тому оснований, досудебное уголовное преследование подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а потом в пределах своей компетенции и в установленном законом порядке требовать перед судом привлечения подсудимых, чья виновность, по его мнению, в нарушении уголовного закона доказана, к ответственности. Этим обуславливается преемственность в досудебной и судебной деятельности прокурора, а также природа правового статуса прокурора во время судебного производства по уголовному делу, характер тех полномочий, которые предоставлены ему частью 2 статьи 37 УПК РФ.

Прокурор обязан стремиться к достижению объективной истины. Это вытекает из его правового положения как органа надзора за законностью. Для прокурора осуществление уголовного преследования в форме поддержания государственного обвинения путем реализации принадлежащих ему процессуальных прав является одновременно и выполнением им своих должностных обязанностей, а также нравственного долга по установлению истины. Прокурор должен занимать принципиальную позицию, основанную на законе и требовании справедливости, по всем вопросам, которые становятся предметом судебного спора в ходе судебного разбирательства. Если судья принимает неправильное, с точки зрения прокурора, решение и тем самым создает угрозу достижению истины по делу, то государственный обвинитель должен принять меры реагирования на это нарушение, предусмотренные уголовно-процессуальным законом. Он делает заявление (например, по поводу нарушения порядка исследования доказательств или об удовлетворении или отклонении ходатайств), которое должно быть запротоколировано. Заявление обвинителя по поводу факта нарушения закона должно быть записано в протоколе судебного заседания и в той формулировке, в которой прозвучало. Если решение суда подлежит кассационному или апелляционному обжалованию, то прокурор обязан обжаловать его в установленном законом порядке.

Прокурорский надзор в стадии предварительного расследования призван обеспечить раскрываемость преступлений, привлечение к ответственности виновных и недопущение привлечения к ответственности невиновных лиц.

По окончании предварительного расследования прокурор определяет дальнейшее движение уголовного дела. Законченное расследованием дело может быть принято судом к рассмотрению лишь при условии, если обвинительное заключение утверждено прокурором.

Процессуальное положение прокурора в судебных стадиях существенно отличается от его положения в стадии предварительного расследования. В них прокурор утрачивает

властно-распорядительные полномочия и участвует в ином процессуальном качестве, а именно как государственный обвинитель – сторона в процессе.

В судебном разбирательстве прокурор, осуществляя уголовное преследование, поддерживает перед судом государственное обвинение, пользуясь равными правами с другими участниками судебного разбирательства. Эта функция выполняется им в течение всего разбирательства дела, независимо от занятой позиции, в том числе и тогда, когда он отказывается от обвинения.

Государственный обвинитель принимает активное участие в исследовании доказательств, высказывает суду свои соображения о применении уголовного закона и меры наказания в отношении подсудимого или обосновывает свой отказ от обвинения. Свои отношения с судом прокурор должен строить на основе строжайшего соблюдения принципов состязательности и равенства прав сторон, независимости судей и их подчинения только закону.

Будучи государственным обвинителем, прокурор действует от имени государства и, как ответственный перед ним, поддерживает обвинение в строгом соответствии с законом, в пределах закона и в той мере, в какой оно находит подтверждение на судебном следствии. Если в ходе судебного разбирательства обвинение не находит подтверждения, прокурор обязан отказаться от него [3, 18].

Государственный обвинитель обязан помогать судье в отыскании истины по делу. С этой целью он заявляет ходатайства об истребовании дополнительных доказательств, проведении судебных действий. Состязательность дает возможность для всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела с целью установления объективной истины по делу. Хотя и здесь есть определенные противоречия. Некоторые исследователи считают, что нельзя формировать двойной подход к собиранию доказательств: один – для стороны обвинения, другой – для стороны защиты. Состязательность будет лишь в том случае, если противоборствующие стороны приобретут равные права использовать одну общую систему доказательств для доказывания каждым своей правоты.

Поскольку инициатива суда в определении пределов судебного следствия и объема доказательств сокращена, постольку больше ответственности на государственном обвинителе – за полноту и объективность исследования обстоятельств по делу, за качество доказывания [4, 24].

Правовая позиция государственного обвинителя является выражением воли обвинительной власти. Он в суде отстаивает не свою точку зрения, а позицию государства, основанную на законе. Корректировка обвинения в суде возможна только с согласия руководства прокуратуры. В тактическом плане государственному обвинителю для отстаивания правовой позиции предоставлена вся широта для маневра. Государственный обвинитель в суде находится под надзором вышестоящего прокурора, который обладает по отношению к государственному обвинителю властными полномочиями.

Критикуется позиция сторонников назначения государственного обвинителя исключительно из числа лиц, не связанных с досудебным производством по делу. Это позиция продиктована желанием "развести как можно дальше друг от друга функции обвинения и надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия", но функции прокурора в уголовном процессе неразрывно связаны и взаимно обусловлены. Прокурор – сторона обвинения, и надзор, который он осуществляет за дознанием и следствием, осуществляется через призму обвинения. Львиная доля полномочий прокурора на этапе досудебной подготовки дела связана с руководством деятельностью органов предварительного расследования. И в судебном разбирательстве прокурор осуществляет функцию обвинения, ту же самую по сути, что и на стадии расследования, только другими методами [5, 35].

От других участников судебного разбирательства государственный обвинитель отличается тем, что он не только вправе, но и обязан реагировать на каждый факт нарушения законности в судебном заседании путем обращения к суду с просьбой о его устранении. Это не возводит его в орган надзора за судебной деятельностью, он действует как государственный обвинитель.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что роль прокурора в на всех этапах уголовного судопроизводства очень существенна, и своими действиями он может направлять

ход дела в том направлении, которое является наиболее верным с точки зрения законности, при этом правовой статус самого прокурора закреплен рядом нормативно-правовых документов, а принимаемые им решения должны соответствовать принципам законности, публичности, состязательности и объективности.

Список литературы

1. Копылова О.П. Роль прокурора в различных стадиях уголовного процесса. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. – 44 с.
2. Кузьмин В.А., Китрова В.Н. Комментарий к ФЗ "О прокуратуре Российской Федерации" // Законность. – №4 – 2003. – С. 37-41.
3. Маршунов М.Н. Комментарий к закону о прокуратуре Российской Федерации. – М.: Герда, 2009 – 224 с.
4. Мацыков А. Прокуратура: проблемы развития // Законность. – № 7. – С 21-25.
5. Назаренко В. Санкция прокурора или судебное решение? // Законность. – №12. – 2000. – С. 34-38.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Саъдуллозода Абдугаффор Абдукахор

магистрант 3-го года обучения факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: +992953253687, e-mail: Sadullozoda2002@mail.ru

PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE EXECUTION STAGE OF THE VERDICT

Sadullozoda Abdugaffor Abdukakhor

master of the 3rd year of study at the Faculty of correspondence (distance) education
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: +992953253687, e-mail: Sadullozoda2002@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается процессуальное положение прокурора в стадии исполнения приговора. В данной стадии прокурор реализует правообеспечительную функцию. В такой роли он является помощником суда, призванным способствовать вынесению законного и обоснованного решения.

Annotation. The article reveals the procedural position of the prosecutor at the stage of execution of the sentence. At this stage, the prosecutor implements a law enforcement function. In this role, he is an assistant to the court, designed to facilitate the adoption of a lawful and informed decision.

Ключевые слова: стадия исполнения приговора; производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора; ассоциативное участие прокурора в разрешении дела; принцип состязательности

Key words: stage of execution of the sentence; proceedings to consider and resolve issues related to the execution of the sentence; associative participation of the prosecutor in resolving the case; adversarial principle

Традиционно в литературе участие прокурора в производствах по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, обуславливалось осуществлением надзорных полномочий. Однако с учетом того, что современное законодательство выводит суд за пределы прокурорского надзора, на сегодняшний день едва ли возможно вести речь о реализации прокурором каких-либо надзорных полномочий при судебном разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора.

Существует мнение, что в производствах, направленных на рассмотрение и разрешение вопросов исполнения приговора, прокурор осуществляет особую деятельность, связанную с реализацией последствий обвинения.

Действительно, деятельность, удовлетворяющая данным критериям, в некоторых случаях может быть определена в качестве разновидности обвинительной, однако она не входит в предмет прокурорской деятельности согласно отечественному законодательству. Вопросы о дисциплинарном воздействии на осужденных за совершенные ими правонарушения решает администрация исправительных учреждений; решение вопросов, связанных с досрочным освобождением или изменением наказания, является прерогативой суда. К тому же российское законодательство в качестве меры воздействия не предусматривает лишение осужденного возможности досрочного освобождения или изменения наказания в сторону смягчения.

Следует также учитывать, что направленность деятельности прокурора в этом случае может носить различный характер. Например, если в случае оспаривания возможности предоставления условно-досрочного освобождения (далее по тексту — УДО) ее в какой-то мере можно отнести к аналогу обвинительной, то при согласии прокурора с предоставлением досрочного освобождения такая аналогия едва ли уместна.

С учетом сказанного, на наш взгляд, не следует сводить прокурорскую деятельность в производствах, связанных с рассмотрением и разрешением вопросов, касающихся исполнения приговора, к особой форме поддержания последствий обвинения.

Уголовно-процессуальный закон, определяя правовое положение участника со стороны прокуратуры, участвующего в судебных стадиях и производствах, четко разграничивает понятия «государственный обвинитель» и «прокурор». Так, например, ст. 227, 237 УПК РФ, устанавливая порядок подготовки к судебному заседанию и проведения предварительного слушания, именуют участника со стороны прокуратуры «прокурором», а не «государственным обвинителем». Аналогичным образом поступает законодатель, когда ведет речь об участии прокурора в таких стадиях уголовного процесса, как кассационный и надзорный пересмотр судебных решений (ст. 402 УПК РФ) и исполнение приговора (ст. 399 УПК РФ). В то же время, когда речь идет об участии прокурора в суде первой инстанции или (и) в апелляционном пересмотре судебных решений, законодатель использует термин «государственный обвинитель». Такой подход законодателя отчасти подтверждает тезис о том, что в указанных стадиях и производствах функциональное содержание деятельности прокурора различно.

В этой связи, полагаем, можно заключить, что в производствах, направленных на разрешение вопросов, возникающих в ходе исполнения приговора, прокурор реализует правообеспечительную функцию.

Вместе с тем реализация прокурором правообеспечительного направления в стадии исполнения приговора имеет свою специфику.

Упрощенный характер производства не позволяет признать его стороной в деле. Прокурор, принимающий участие в деле, не преследует ни материально-правовой, ни процессуальный интерес. Фактически он является незаинтересованным наблюдателем, обладающим полномочиями участвовать в деле, высказывать суду в устной форме свое мнение, а также приносить представления на решения суда, не соответствующие его мнению.

В такой роли прокурор практически выступает независимым помощником суда, призванным способствовать вынесению законного и обоснованного судебного решения. В литературе такая процессуальная деятельность иногда именуется ассоциативным участием прокурора в разрешении дела. Ассоциативность в этом случае заключается в том, что он наряду с судом выступает в положении субъекта судебного познания, а не доказывания. Вторая особенность заключается в том, что если в производстве по уголовному делу правообеспечительным направлением в основном охватывается охрана процессуальных прав и интересов, то в производствах, связанных с разрешением вопросов исполнения приговора, опять же в силу их упрощенного характера, обеспечивается преимущественно материально-правовая составляющая.

Нетрудно заметить, что по своему процессуальному положению прокурор, участвующий в судебном разбирательстве в порядке ст. 399 УПК РФ, обладает несколько схожим статусом с прокурором, вступающим в гражданский процесс для дачи заключения. Однако на этом сходство заканчивается.

Основное отличие заключается в том, что ассоциативное участие в разрешении вопросов исполнения приговора обусловлено не реализацией последствий досудебной надзорной деятельности в ходе судебного разбирательства [1, 213], а компенсацией недостающего процессуального элемента в силу упрощенного характера самого судебного производства. К слову сказать, такая «компенсационная» роль прокурора в упрощенных производствах — типичное явление для уголовного процесса.

Второе принципиальное отличие заключается в том, что прокурор, участвующий в разрешении указанных вопросов, в силу превалирования публичного начала в уголовном судопроизводстве всегда обеспечивает публичный интерес, а не интересы отдельных участников производства, которые как могут совпадать с ним, так и иметь иную направленность. В этой связи он всегда выступает помощником суда в разрешении дела, а не помощником отдельных участников производств, связанных с разрешением конкретных вопросов исполнения приговора.

С одной стороны, наличие отдельной уголовно-процессуальной функции, направленной на обеспечение интересов общества и государства, позволяет признать прокурора, участвующего в производствах, связанных с разрешением вопросов исполнения приговора, самостоятельным участником. С другой — ассоциативное участие в судебном познании правомерно порождает вопрос о пределах самостоятельности такого прокурора. Решение указанной проблемы видится в отграничении правообеспечительной функции прокурора от функционального содержания деятельности иных участников и определении пределов действия принципа состязательности в рассматриваемых производствах.

Поскольку осуществление правообеспечительной деятельности возможно лишь прокурором, проблема отграничения этой функции от защиты (оказания юридической помощи) снимается. Кроме того, разграничить их можно по предметному признаку: сфера интересов защиты (оказания юридической помощи) значительно уже и обуславливается лишь отстаиванием конкретных притязаний осужденных (к примеру, на УДО), в то время как прокурорское правообеспечение, не исключая удовлетворения таких притязаний, может выражаться в противоположенном стремлении, например, в воспрепятствовании освобождению неисправившихся осужденных. Аналогичным образом решается вопрос об отграничении прокурорской деятельности от деятельности администрации исправительного учреждения, с той лишь разницей, что совокупность интересов представителя исправительного учреждения определяется лежащей на нем функцией исправления осужденного.

Сложнее обстоит дело с отграничением прокурорского правообеспечения от разрешения дела по существу. Для этого необходимо выяснить, возможна ли правообеспечительная деятельность вне правоприменительных форм. В литературе применительно к производству по уголовному делу высказываются идеи о том, что любые формы правообеспечения являются правоприменением. При таком подходе, учитывая, что в производствах по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, правоприменение осуществляет только суд, практически невозможно будет разграничить деятельность суда и прокурора.

Если в производстве по уголовному делу существуют отдельные этапы, предназначенные для решения прокурором сугубо процессуальных вопросов, где как раз и осуществляется правообеспечительная деятельность в форме правоприменения, то в производствах, связанных с разрешением вопросов исполнения приговора, в силу их упрощенного содержания, таких этапов нет. В этой связи правообеспечительная деятельность прокурора в этом случае не должна носить правоприменительный характер.

Таким образом, еще одной особенностью реализации правообеспечительной функции прокурором в производствах по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, и одновременно критерием, позволяющим отграничить это направление деятельности от разрешения дела по существу, является отсутствие у прокурора правоприменительных полномочий. Именно поэтому прокурор, согласно ст. 399 УПК РФ, лишь высказывает суду свое мнение о возможности применения той или иной меры, изменяющей или прекращающей реализацию наказания, основанное на оценке представленных иными участниками судопроизводства материалов, а не дает заключение или выносит какой-либо иной правоприменительный акт.

В судебном производстве по уголовным делам — ключевом производстве — состязательность, безусловно, выступает в качестве руководящего и определяющего принципа. В предварительном производстве — в большей степени как метод деятельности участников производства. А в производствах по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, — как психологическая установка участников судопроизводства на процессуальный спор [2, 89]. Различные формы реализации состязательного начала объясняются различным предметом, направленностью и функциональным содержанием деятельности участников в различных уголовно-процессуальных производствах. Применительно к рассматриваемым производствам, ввиду неравного процессуального положения основных участников, невозможности их распределения на стороны, активной роли суда в определении порядка рассмотрения дела и собирании доказательств, состязательность действует лишь ограниченно [3, 104]. В этой связи ассоциативное участие прокурора в судебном познании обстоятельств дела при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, на наш взгляд, не противоречит ст. 123 Конституции РФ и основным принципам современного уголовного процесса.

Действующий закон (ст. 399 УПК РФ) устанавливает факультативное участие прокурора в рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора. Директивы Генерального прокурора РФ предписывают прокурорам принимать обязательное участие в разрешении указанных дел. На практике прокуроры практически всегда принимают участие в судебном рассмотрении всех вопросов данной категории.

Существует мнение, что прокурор должен приобрести статус обязательного участника производств, связанных с разрешением вопросов исполнения приговора. Такая необходимость обуславливается наличием в этом производстве уголовно-процессуального доказывания [4, 80].

Уголовно-процессуальный закон устанавливает, что прокурор, участвующий в рассматриваемых производствах, высказывает суду свое мнение о возможности применения той или иной меры, направленной на изменение или прекращение отбывания наказания. Изучение практики показывает, что такая возможность используется в большинстве дел, однако при этом формы его реализации различны. Так, в некоторых делах мнение прокурора выражается в форме письменной резолюции на представлении или характеристике осужденного. Хотя такой подход с формальных позиций не противоречит действующему процессуальному законодательству, едва ли подобную практику следует считать оправданной. Представляется, что в случае участия прокурора в разрешении данных дел он должен устно высказать свое мнение с обязательным указанием мотивов и оснований, которое должно быть отражено в протоколе судебного заседания.

Список литературы

1. Бибило В.Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. - Минск: Изд-во «Университетское», 2006. – 268 с.
2. Воронин О.В. О некоторых вопросах действия состязательного начала в производствах по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора // Вестник Томского государственного университета: Общенаучный периодический журнал. - 2008. - № 316. – С. 125-130.
3. Добровольская Т.Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговоров. - М.: Изд-во ВНИИ Прокуратуры, - 265 с.
4. Европейский Суд по правам человека: Избранные решения. В 2 т. - М.: Изд-во НОРМА, 2000. – 189 с.

РОЛЬ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Саъдуллозода Абдугаффор Абдукахор

Магистрант 3-го года обучения факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: +992953253687, e-mail: Sadullozoda2002@mail.ru

ROLE OF PROSECUTORIAL SUPERVISION AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE

Sadullozoda Abdugaffor Abdukakhor

Master of the 3rd year of study at the Faculty of correspondence (distance) education
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: +992953253687, e-mail: Sadullozoda2002@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается роль прокурорского надзора на стадии предварительного расследования. Отмечается, что прокурорский надзор в стадии предварительного расследования призван обеспечить раскрываемость преступлений, привлечение к ответственности виновных и недопущение привлечения к ответственности невиновных лиц.

Annotation. The article reveals the role of prosecutorial supervision in the preliminary investigation. It is noted that prosecutorial supervision at the preliminary investigation stage is intended to ensure that crimes are solved, those responsible are brought to justice and innocent persons are not brought to justice.

Ключевые слова: прокурорский надзор, стадии предварительного расследования, возбуждение уголовного дела.

Key words: prosecutorial supervision, stages of preliminary investigation, initiation of criminal proceedings.

В современных условиях возрастает роль и значение прокурорского надзора в целом и на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в частности.

Прокурорский надзор в стадии предварительного расследования призван обеспечить раскрываемость преступлений, привлечение к ответственности виновных и недопущение привлечения к ответственности невиновных лиц. При производстве предварительного следствия все решения о направлении следствия и о производстве следственных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции от прокурора или решения суда, и несет ответственность за их законное и своевременное выполнение.

Возбуждение уголовного дела является весьма ответственной стадией уголовного судопроизводства. Законное, обоснованное и своевременное возбуждение уголовного дела служит одним из необходимых условий для быстрого и качественного расследования. И наоборот, незаконное, необоснованное, несвоевременное (запоздалое) возбуждение уголовного дела приводит к утрате доказательств содеянного, к снижению актуальности события совершенного преступления, а в конечном итоге – к оставлению безнаказанными лиц, совершивших преступления, в том числе и особо опасные, такие как бандитские налеты, умышленные убийства, разбойные нападения, грабежи и иные тяжкие преступления [1, 10].

Копия постановления о возбуждении уголовного дела, вынесенного следователем или органом дознания, направляется прокурору незамедлительно. Если уголовное дело направляется прокурору для определения подследственности, то об этом в постановлении о возбуждении уголовного дела делается соответствующая отметка. Прокурор определяет подследственность уголовного дела с учетом положений ст. 151 УПК РФ.

Законодатель под возбуждением уголовного дела понимает принимаемое следователем (дознавателем и др.) мысленное решение о наличии в его распоряжении предусмотренного законом повода и достаточных данных, указывающих на признаки объективной стороны состава преступления. Оформление же данного процессуального решения постановлением и получение соответствующего согласия у прокурора являются дополнительной гарантией соблюдения прав и законных интересов граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Прокурор, получив постановление, незамедлительно дает согласие на возбуждение уголовного дела либо выносит постановление об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела или о возвращении материалов для дополнительной проверки.

В течение двух суток прокурор рассматривает поступившее с обвинительным актом уголовное дело и принимает одно из следующих решений:

- 1) утверждение обвинительного акта и направление дела в суд;

2) в случае несоответствия обвинительного акта требованиям ст. 225 УПК РФ прокурор может возвратить дело для производства дополнительного дознания либо пересоставления обвинительного акта, при этом он может продлить срок дознания, но не более чем на 10 суток для производства дополнительного дознания и не более чем на 3 суток для пересоставления обвинительного акта;

3) прекращение производства по уголовному делу по основаниям, предусмотренным ст. 24 - 28 УПК РФ;

4) направление дела для производства предварительного следствия [2, 9].

На предварительном слушании, как и в стадии судебного разбирательства, прокурор может изменить обвинение (ч. 5 ст. 236, ч. 8 ст. 246 УПК РФ) в сторону его смягчения путем исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание, а также переквалификации деяния в соответствии с нормой УК РФ, предусматривающей более мягкое наказание, и т.д.

Согласно ч. 4 ст. 37 и ч. 4 ст. 246 УПК РФ прокурор поддерживает в суде государственное обвинение. Это означает, что обвинение подсудимого исходит, по общему правилу, не от прокурора. Он лишь "поддерживает" обвинение, идущее от органа предварительного следствия. Поддержание обвинения в суде возложено на прокурора в силу того, что не он раскрывал преступление и давал ему уголовно-правовую квалификацию, не он предъявлял обвинение и выносил постановление о применении меры пресечения, не он составлял обвинительное заключение. Все это осуществляют не прокуроры, а следователи в рамках предварительного следствия [3, 9].

Развивая мысль о процессуальной самостоятельности прокурора, представляющего государственное обвинение, необходимо признать, что данное положение реализуется в УПК РФ далеко не последовательно. Так, участие прокурора в производстве предварительного расследования не рассматривается как препятствие для дальнейшего его участия в деле, в том числе в качестве государственного обвинителя (ч. 2 ст. 66 УПК РФ). Кроме того, руководитель органа прокуратуры утверждает обвинительное заключение, что делает участие его самого или его помощника в суде далеко не свободным от выводов предварительного следствия. Широкая общественная критика прокуратуры объясняется, в частности, недостаточной степенью объективности прокуроров при осуществлении надзора за исполнением законов органами предварительного расследования, а также при поддержании государственного обвинения в суде [4, 15].

Тот факт, что по закону прокурор в стадии судебного разбирательства поддерживает перед судом государственное обвинение, означает также, что прокурор может и не поддерживать обвинение. Он отказывается от его поддержания, если в ходе судебного разбирательства придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение. Именно поэтому поддержание государственного обвинения возлагается на прокурора, а не на следователя, который во многих случаях знает дело лучше прокурора. Следователь, однако, не может быть объективным при поддержании обвинения в суде. Невозможно представить, чтобы он отказался от обвинения, изменил обвинение в сторону его смягчения, и тем самым публично признался в несостоятельности предварительного расследования, произведенного им самим.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что подготовка прокурора к участию в процессе включает в себя:

- применение определенных тактических приёмов изучения материалов дела;
- изучение специальной литературы, нормативных материалов и судебной практики применительно к конкретной категории дел;
- обобщение, осмысление и анализ материалов уголовного дела;
- прогнозирование различных ситуаций, могущих возникнуть в ходе судебного заседания и комплекс тактических приёмов, используемых для их решения;
- построение версий обвинения;
- комплексное планирование своей деятельности по поддержанию государственного обвинения [5, 159].

Знание и использование положений стадии предварительного расследования позволит прокурору максимально качественно подготовиться к судебному процессу в сжатые сроки, которые, в значительной мере, обусловлены высокой производственной нагрузкой лиц, поддерживающих государственное обвинение. Особое место в программе деятельности

обвинителя по подготовке к судебному заседанию занимает владение методикой изучения материалов уголовного дела.

Таким образом, успех судебного рассмотрения дела во многом зависит от подготовленности прокурора к участию в процессе, от его настойчивости в установлении истины и профессионального умения занять позицию, основанную на законе и исходящую из материалов уголовного дела.

Список литературы

1. Селезнев М. Полномочия прокурора на стадии предварительного расследования / М. Селезнев // Законность. - №2 - 1997. - С. 4-12
2. Скиба Л.Г. Некоторые проблемы УПК РФ в условиях состязательности сторон в уголовном судопроизводстве / Л.Г. Скиба. - Оренбург: Вестник ОГУ. – 2005. - № 1 – С. 7- 11.
3. Тетерина Т. Отказ прокурора от обвинения "преступает" права потерпевшего на доступ к правосудию / Т. Тетерина // Российская юстиция. - № 10.- 2000.- С. 17 - 24.
4. Чурилов А. прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод граждан / А. Чурилов // Законность. - №1. - 1997. - С. 13-19.
5. Щемеров С.А. О взаимодействии прокурора с потерпевшим в ходе поддержания обвинения в суде / Е.В. Колузакова, С.А. Щемеров // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: Сборник научных трудов: В 2 ч. / Под ред. В.М. Баранова и М.А. Пшеничнова. - Н. Новгород: НА МВД России, 2006. – Вып. 12. - Ч. 2. - С. 158 – 163.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРИСВОЕНИЯ И РАСТРАТЫ

Шокирова Дилфуза Гуломовна

Магистрант первого года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227-85-83, e-mail: ugolovnoepravo2000@mail.ru

OBJECTIVE SIGNS OF APPROPRIATION AND WASTE

Shokirova Dilfuza Gulomovna

First-year master's student in the full-time department of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str.,
tel.: 227-85-83, e-mail: ugolovnoepravo2000@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ объективным признакам присвоения и растраты. Отмечается, что предметом присвоения или растраты могут быть только ценные бумаги на предъявителя. К таковым относят ценные бумаги, по которым осуществляется передача прав другому лицу простым вручением ценной бумаги этому лицу. Безвозмездное же изъятие именных ценных бумаг-аккредитивов, именных сберегательных книжек с целью последующих фальсификаций и использования их для получения имущественных ценностей, образует в соответствии с направленностью умысла приготовление к мошенничеству.

Annotation. The article analyzes the objective signs of misappropriation and embezzlement. It is noted that only bearer securities can be the subject of misappropriation or embezzlement. These include securities in which rights are transferred to another person by simply delivering the security to that person. Gratuitous seizure of registered securities-letters of credit, registered savings books for the purpose of subsequent falsification and use of them to obtain property values, forms, in accordance with the direction of intent, preparation for fraud.

Ключевые слова: присвоение и растрата, имущество, использование служебного положения, современное общество.

Key words: *misappropriation and embezzlement, property, use of official position, modern society.*

Однако это снижение присвоения и растраты в большей степени является искусственным, так как связано с повышением их латентности. Кроме того, следует констатировать, что значительно повысилась степень общественной опасности данных преступлений за счет увеличения суммы похищенного, что во многом связано с коррупцией. Все это говорит о том, что проблема борьбы с присвоением и растратой чужого имущества в России по-прежнему остается актуальной.

«Присвоение - это одна из форм хищения, совершаемая с корыстной целью и представляющая противоправное безвозмездное обращение чужого имущества, вверенного виновному, в свою пользу или пользу других лиц, причинившая ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества, если виновный еще не истратил или не произвел отчуждение указанного имущества. Растрата - это одна из форм хищения, совершенная с корыстной целью, заключающаяся в противоправном безвозмездном обращении чужого имущества, вверенного виновному, в свою пользу или пользу других лиц, причинившем ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества, если к моменту обнаружения факта хищения виновный уже истратил либо произвел отчуждение указанного имущества» [1, 260].

С таким утверждением можно согласиться, но только в случае если речь идет о присвоении движимого имущества. Но в современных условиях все чаще, особенно при современном состоянии развития экономических отношений, предметом присвоения является недвижимое имущество (жилье, другие капитальные сооружения, земельные участки и др.). Очевидно, что при их присвоении никакого перемещения предмета присвоения в пространстве не происходит. Говорить в данном случае о пассивном поведении преступника также не приходится. При присвоении недвижимости преступление с объективной стороны тоже заключается в изъятии, но только не предмета собственности, а в изъятии прав собственника на владение, пользование, распоряжение этим предметом.

В условиях новых экономических отношений в преступлениях в форме присвоения и растраты возникают некоторые особенности. Так права владения, пользования и распоряжения, входящие в содержание права собственности, могут осуществляться не только в отношении имущества, но и других неимущественных благ. «Субъект, помимо имущества, может владеть, пользоваться и распоряжаться результатами интеллектуальной деятельности, информацией, авторскими и смежными правами, изобретательскими, патентными правами, тепловой, электрической энергией и др. Практика, при разрешении подобных ситуаций, не усматривает предмета хищения из-за отсутствия в них вещных свойств. Однако в современных условиях такие подходы вряд ли верны» [2, 268].

На наш взгляд, объектом преступления в данном случае могут быть общественные отношения, направленные на охрану фактического осуществления прав, входящих в содержание права собственности - владения, пользования и распоряжения. Исходя из этого, представляется целесообразным в диспозиции ст. 160 УК, в том числе и в самом понятии хищения слова "чужого имущества" заменить словами "чужой собственности".

Важное значение для квалификации содеянного хищения имеет стоимость предмета преступления. Размер имущества, которым завладело виновное лицо в результате совершения соответствующего преступления, определяется лишь стоимостью этого имущества, которая выражается в денежной оценке. Стоимость похищенного имущества определяется по розничным (закупочным) ценам, которые существовали на момент совершения преступления, а размер возмещения причиненного преступлением ущерба — по соответствующим ценам на время решения дела в суде. При отсутствии указанных цен на имущество его стоимость может быть определено путем проведения соответствующей экспертизы.

Предметом присвоения или растраты может быть имущество похищенное при осуществлении приватизации государственного и муниципального имущества. Данное имущество является вверенным на правовой основе тем должностным лицам, представителям власти, которые непосредственно имеют полномочия по осуществлению приватизации. В таком случае хищение заключается в противоправном, безвозмездном обращении имущества в свою собственность или в собственность третьих лиц с нарушением положений законодательства о приватизации. То же самое происходит при существенном

умышленном занижении платы за имущество в процессе приватизации на корыстной основе [3, 269].

Присвоение или растрата с использованием служебного положения, в современных условиях часто проявляется в незаконном покрытии должностным лицом либо служащим коммерческой либо иной организации личной задолженности по учреждению за счет государственных средств, либо средств коммерческого предприятия (учреждения), в незаконном назначении и выплате различных платежей лицам, не имеющим право на их получение; в нарушении технологии производства, завышении норм естественной убыли и др. Также действия по изъятию и реализации излишков, а так же действия по маскировке следов таких хищение.

Необходимо отметить, что предметом присвоения или растраты могут быть только ценные бумаги на предъявителя. К таковым относят ценные бумаги, по которым осуществляется передача прав другому лицу простым вручением ценной бумаги этому лицу. Безвозмездное же изъятие именных ценных бумаг-аккредитивов, именных сберегательных книжек с целью последующих фальсификаций и использования их для получения имущественных ценностей, образует в соответствии с направленностью умысла приготовление к мошенничеству.

Список литературы

1. Адигамова Г. З. Правовые, организационные и интеллектуально-моделирующие аспекты следственной деятельности// Пробелы в российском законодательстве - 2014. - № 2. - С.261-263.
2. Кудрявцев А.В., Кудрявцева О. Г. К вопросу о порядке производства проверки сообщений о преступлении // Пробелы в российском законодательстве - 2013. - № 2. - С.167-169.
3. Мухина О.А. Криминалистическая характеристика хищений путем присвоения и растраты на предприятиях автомобильной промышленности / О.А. Мухина // Пробелы в Российском законодательстве. - 2009. -№2. - С. 167-169.

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Шаропова Шахноза Пулодовна

магистрант 2-го года обучения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 007070078, e-mail: Nozasha7@mail.ru

INVESTIGATIVE ACTIONS THE CONCEPT AND FEATURES OF THE WORK

Sharopova Shakhnoza Pulodovna

master student of the 2nd year of study of the faculty of law
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M.Tursunzade str., 30
tel.: 007070078, e-mail: Nozasha7@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются понятие и общие правила произведения, а также особенности следственных действий, которые позволяют отграничить последние от других процессуальных и не процессуальных действий, а также определить их систему.

Annotation. This article discusses the concept and general rules of the work, as well as the features of investigative actions that allow us to distinguish the latter from other procedural and non-procedural actions, as well as to determine their system.

Ключевые слова: следственные действия, система следственных действий, обыск, осмотр.

Keywords: *investigative actions, system of investigative actions, search, review.*

Согласно уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации следственные действия направлены на получение (сбор) доказательств или проверку уже полученных. Главным сущностным признаком следственных действий есть их направленность на выявление следов уголовного правонарушения. Термин же «розыскные» в их названии, по нашему мнению, подчеркивает, что такие следы, как правило, устанавливаются в процессе их розыска.

В юридической литературе выделяют ряд особенностей следственных действий, которые позволяют отграничить их от других действий процессуальных и не процессуальных (подробно о соотношении следователей действий с другими процессуальными, розыскными и оперативно-розыскными действиями [1, 216-219].

К ним обычно относят следующие:

1) порядок проведения следственного действия подробно регламентирован уголовным процессуальным законом;

2) познавательная направленность следственных действий (каждое следственное действие всегда направлено на формирование проверки) доказательной основы как базиса правовой позиции определенного субъекта доказывания;

3) проведение следственных действий обеспечивается государственным принуждением;

4) проведение следственного действия существенно затрагивает права и законные интересы человека в связи с чем некоторые из них могут быть проведены только на основании решения следственного судьи или прокурора.

Следует заметить, что вопросы относительно элементов системы следственных действий (другими словами, какие познавательные приемы являются содержанием того или иного следственного (розыскного) действия) остается спорным в уголовной процессуальной науке. [5, 7].

Для определения же системы негласных следственных действий как разновидности следственных действий, кроме названных выше общих характерных особенностей (признаков) следственных действий, требуется использовать еще одну: негласный характер о факте и методах их проведения (другими словами, неочевидность, сокровенность от лиц, которые в их не участвуют, в том числе от сотрудников следственных и оперативных подразделений, но прежде всего от субъектов, по которым они проводятся) (этот признак выделяется и другими учеными [6, 108].

В науке уголовного процесса отдельные ученые высказывают мнения о нецелесообразности выделения как самостоятельных следственных действий:

а) освидетельствование, считая его разновидностью осмотра [3, 184]. Однако, учитывая, что специфический объект такого осмотра – тело живого человека – предопределяет особые условия и порядок его проведения, связанный с обеспечением гарантий прав человека на личную неприкосновенность (т.е. определенную оригинальность познавательного приема, что используется), существуют достаточно веские основания для понимания освидетельствования как самостоятельного следственного (розыскного) действия;

б) одновременного допроса двух или более допрошенных лиц, считая его разновидностью допроса [2, 48; 3, 183].

Действительно, при проведении этого следственного (розыскного) действия также используется вербальный метод получения доказательной информации, как и при допросе. Однако с учетом оригинальности этого познавательного приема, его отличия от обычного допроса одного лица и возможности получения специфической информации, отличной от сообщаемой при отсутствии других лиц (т.е. когда нет непосредственного психологического контакта между допрашиваемыми), считаем, что и здесь есть целиком обоснованные основания для выделения одновременного допроса двух или более уже допрошенных лиц как самостоятельного следственного (розыскного) действия. [9, 601].

С развитием уголовного процессуального законодательства система следственных действий постоянно совершенствуется и будет продолжать это делать, прежде всего, за счет основывающихся познавательных приемов на достижениях научно-технического прогресса

Кроме того, на наш взгляд, уже сейчас необходимо разработать процедурные правила.

Применение полиграфа во время проведения следственных действий (прежде всего, психофизиологической судебной экспертизы), поскольку научная способность этого технического средства, регистрирующего изменения динамики протекания физиологических процессов в организме человека, не вызывает сомнения. [8, 186-191].

Учитывая имеющийся положительный опыт его применения в различных сферах жизнедеятельности (в частности, и уголовном производстве), есть основания для утверждения о целесообразности законодательного закрепления этого познавательного приема в текстах УПК РТ и УПК РФ как самостоятельного следователя (розыскного) действия, которое, например, можно назвать «Проверка показаний на полиграфе».

Неясность в этом вопросе обусловлена нормами УПК РТ и УПК РФ, согласно которой осмотр жилья или иного владения лица осуществляется согласно правилам настоящего Кодекса, предусмотренным для обыска жилья или иного владения лица. Однако, на наш взгляд, это положение в большей степени касается процессуального порядка принятия решения о проведении (поскольку оба сравнительных действия угрожают конституционному праву лица на неприкосновенность жилья, поэтому производятся на основании решения следственного судьи); при угрозе сокрытия предметов оба действия могут быть произведены без предварительного решения суда, что касается непосредственного их проведения, то здесь есть все-таки существенные отличия, которые обусловлены сущностью присущего каждому из них познавательного приема. [6, 113].

Ими, на наш взгляд, являются:

а) термин «осмотр» свидетельствует, что в его проведении применяется преимущественно метод визуального наблюдения, хотя не исключается восприятие отдельных свойств определенного объекта другими органами чувства (так, в протоколе осмотра могут быть зафиксированы результаты прослушивания звукозаписи, температура объекта, наличие резкого запаха и т.п.); термин «обыск» определяет принудительный поисковый характер этого следственного (розыскного) действия;

б) осмотр производится только тогда, когда отсутствует опасность сокрытия следов преступления; обыск – когда такая опасность вероятна;

в) отлична и цель этих двух следственных действий. Согласно УПК РФ общим стремлением для их является обнаружение и фиксация сведений об обстоятельствах совершения уголовного преступления. Однако только целью обыска является отыскание орудия уголовного правонарушения или имущества, полученного в результате его совершения, а также установления места нахождения разыскиваемых лиц.

Специфической же отличительной от обыска целью осмотра (хотя это и не указано в законе, но следует из сущности этого действия) есть установление следов преступления в широком смысле этого слова (к примеру, отпечатков пальцев) и обстановки места происшествия;

г) осмотр менее чем обыск ущемляет права и интересы граждан, ведь при осмотре, как правило, осуществляется наблюдение объектов, к которым есть свободный доступ, исключающий необходимость принудительных поисковых действий (открытие закрытых помещений, хранилищ, вещей вопреки воле их владельца (иногда даже с нарушением их конструктивной целостности); под время обыска такие принудительные действия производиться могут;

д) факультативно, обыск может отличаться от осмотра и по месту проведения.

В завершение заметим, что более полным понятием следователей действий есть то, в котором будут отображаться все присущие им характерные особенности (признаки), что отделяют их от других процессуальных и не процессуальных действий и дающих возможность разграничить их между собой.

Список литературы

1. Арсентьева С.С. Проверка показаний на месте: криминалистический анализ следственного действия, этические аспекты уголовно-процессуальной деятельности проверки и оценки данного доказательства // Российский судья. – 2020. – № 2. – С. 27 – 32.

2. Елагина Е.А. Перспективы развития системы следственных действий // Сборник научных статей 3-й Международной научной конференции студентов и молодых ученых. – Курск: Закрытое акционерное общество Университетская книга, 2018. – С. 159 – 162.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ) // "Российская газета" от 4 июля 2020 г. N 144
4. Полякова М.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под редакцией В.Т. Томина, М.П. Полякова. – М.: Юрайт, 2017. - 764 с.
5. Российский С.Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 16-31.
6. Скобелкина К.С. Следственные действия, основанные на визуальных наблюдениях и опытных действиях // Трибуна ученого. – 2020. – № 2. – С. 130 – 138.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ //СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
8. Халили У.Д. Понятие следственных действия и их место в системе процессуальных действий // Правовестник. – 2018. – № 6. – С. 17 – 24.
9. Шишкина Н.Э., Перякина М.П., Унжакова С.В. Процессуальные и криминалистические аспекты изъятия электронных носителей информации в свете защиты прав участников уголовного судопроизводства //Сибирский юридический вестник. 2019. № 3 (86). С. 81-85.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ **ПРАВО**

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УНИТАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Джамолова Худжаби Ахлидиновна

Магистрант 1-го обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734000, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: +992 918843774, e-mail: khujabijamolova@gmail.com

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF STATE UNITARY ENTERPRISES

Jamolova Khujabi Akhlidinovna

first-year master's student full-time of the law faculty
Russian-Tajik (Slavonic) university
734000, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: +992 918843774, e-mail: khujabijamolova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается правовое положение государственных унитарных предприятий, особенности имущественных прав, ответственности и характера осуществляемой деятельности различных видов государственных унитарных предприятий, включающий предприятия смешанной частно - государственной формы.

Annotation. The article examines the legal status of state unitary enterprises, features of property rights, responsibility and the nature of the activities of various types of state unitary enterprises, including enterprises of a mixed private-pub.

Ключевые слова: Унитарные предприятия, имущество, казенное предприятие, акции.

Keywords: Unitary enterprises, property, state-owned enterprises, shares.

Государственные предприятия выступают как субсидируемые государством предприятия, которые самостоятельно ориентируются на рыночный спрос и преследуют цель максимизации прибыли, так и предприятия, деятельность которых полностью определяется правительством и не нацелена на прибыльность, а также промежуточные их формы [3]. Постановление Правительства РФ утвердило Концепцию управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации [4], установившая цели и задачи реформирования механизма управления унитарными предприятиями для определения круга и количества унитарных предприятий, необходимых для реализации государственных функций. Позже с целью развития Концепции Правительство РФ приняло Постановление «О федеральных государственных унитарных предприятиях, основанных на праве хозяйственного ведения» [5], отражающее основные положения принятой ранее Концепции, и содержащее руководящие нормы в целях вынужденной реорганизации, ликвидации, а также продажи государственных унитарных предприятий в качестве объектов гражданского права как имущественных комплексов.

В соответствии с Гражданским кодексом РФ государственными и муниципальными унитарными предприятиями признаются организации, созданные с целью решения основных задач государства и получения прибыли, но при этом не являющиеся собственниками имущества, закрепленного за ними. Также в Федеральном законе № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» определено понятие и сущность деятельности унитарных предприятий [8]. В Российской Федерации создаются и действуют следующие виды унитарных предприятий [8]:

- унитарные предприятия, основанные на праве хозяйственного ведения, к которым относятся федеральные государственные предприятия и государственные предприятия субъектов Российской Федерации, муниципальные предприятия;

- унитарные предприятия, основанные на праве оперативного управления, к которым относятся федеральные казенные предприятия, казенное предприятие субъекта Российской Федерации, муниципальное казенное предприятие.

Унитарные предприятия создаются в форме казенного предприятия, имущество которого находится в государственной собственности, и дочернего предприятия, которому

государственное имущество передается в хозяйственное ведение. Один из специалистов в области управления государственными предприятиями [7] полагает, что казенные предприятия, выступают как отдельные субъекты хозяйствования, аргументируя тем, что у них «более ограничено, чем у обычных унитарных предприятий, право оперативного управления на закрепленное за ними государственное имущество», однако отмечает, что «казенные предприятия согласно правилам статьи 115 Гражданского кодекса РФ могут пользоваться весьма узкими возможностями в имущественном обороте, согласно статьям 296 - 297 Гражданского кодекса РФ, основанным на их строго целевой правоспособности». В этой связи казенные предприятия несут полную ответственность по долгам в пределах оцененного у них имущества [1], а не только денежных средств в отличие от других субъектов права оперативного управления, что, в частности, дает основания считать их самостоятельными участниками оборота. Однако стоит отметить, что учреждения и казенные предприятия имеют различные зоны ответственности и функции, указывающиеся в их учредительных документах.

В практике на территории Российской Федерации распространение получили предприятия смешанной частно-государственной формы, где государству принадлежит часть акций компании или же контрольный пакет. Кроме того, государство посредством заключения договорных отношений с предприятиями частного сектора связывает эти предприятия соответствующими обязательствами и тем самым устанавливает отношения формальной субординации с негосударственным сектором экономики.

Наиболее распространенной формой государственного предпринимательства в рыночных странах являются публичные корпорации или акционерные общества со смешанным капиталом. В Российской Федерации их аналогами являются государственная корпорация и государственное акционерное предприятие. Государственная корпорация учреждается федеральной властью и получает в собственность имущественный взнос государства. Примером государственной корпорации является Государственная инвестиционная корпорация.

В государственном акционерном предприятии государство владеет контрольным пакетом акций. Такими предприятиями являются естественные монополии, такие, как: концерн Газпром, бывшее Российское открытое акционерное общество энергетики и электрификации и другие.

Государство может выступать в роли мажоритарного акционера, не владея контрольным пакетом акций, например, акционерное общество АвтоВАЗ, но имея право назначать руководителя субъекта хозяйствования. Государство может объединять унитарные предприятия и другие субъекты государственного предпринимательства в различные формы объединений (ассоциации, концерны и другие). Крупные объединения создаются для реализации стратегических государственных программ и развития приоритетных отраслей экономики. Такими объединениями являются, например, естественные государственные монополии. Также унитарные предприятия могут также входить в состав финансово-промышленных групп.

Отметим, что количество государственных и муниципальных унитарных предприятий резко возросло, а федеральных государственных унитарных предприятий — сокращается. Об этом говорится в заключении Экспертного совета при Правительстве РФ по итогам анализа процесса реформирования унитарных предприятий. Правительство и Президент РФ уже неоднократно ставили задачу по сокращению этой неэффективной и рудиментарной формы участия государства в экономической деятельности. Так, например, производительность труда работников унитарных предприятий в среднем в 4,5 раза ниже, чем у работников организаций иных организационно-правовых форм. Но эта форма удобна для решения оперативных задач чиновниками отраслевых федеральных ведомств, региональными и муниципальными властями, несмотря на свою непрозрачность, чрезмерную затратность администрирования для налогоплательщиков и негативное влияние на конкуренцию на локальных рынках. С муниципальным унитарным предприятием сложно конкурировать малому и среднему бизнесу, привлекающему дешёвые кредитные средства у банков, несущему издержки на расширение рынка сбыта. Унитарные предприятия, в свою очередь, бесплатно получают имущество от государства, спрос на их услуги и продукцию «гарантирован» размещаемыми муниципальными заказами.

С целью формирования предложений для Правительства Российской Федерации члены Экспертного совета при Правительстве проанализировали реализацию госпрограммы

«Управление федеральным имуществом», утверждённой на федеральном уровне в 2014 году, согласно которой приватизация (акционирование, преобразование в иную организационно-правовую форму или ликвидация) всех ФГУПов в России должна завершиться к 2018 году. Однако анализ оформления унитарными предприятиями прав на принадлежащее им имущество и подготовки к акционированию, проведённый Росимуществом совместно с экспертами, показал, что есть риск нарушения сроков ликвидации ФГУПов.

Для успешного завершения процесса реформирования ФГУПов Экспертный совет при Правительстве предлагает два возможных сценария. Базовый сценарий предполагает усиление контроля за реализацией госпрограммы, предполагающей полную ликвидацию ФГУПов к 2018 году (в первую очередь через установление конкретных планов-графиков по каждому предприятию и персональной ответственности руководителей курирующих эти ФГУПы ФОИВов за их выполнение с регулярным, ежеквартальным консолидированным докладом-отчётом о ходе реализации в Правительство Российской Федерации), и рекомендацию субъектам РФ и муниципальным образованиям принять аналогичные программы. При этом в указы Президента, устанавливающие целевые показатели эффективности для руководителей регионов, нужно включить дополнительный ключевой показатель эффективности для глав регионов.

Второй, более интенсивный сценарий предполагает признание с определённой даты, например с 1 января 2018 года, утратившими силу законодательных актов об унитарных предприятиях, основанных на праве хозяйственного ведения. Основные риски такого сценария — сохраняющаяся возможность хищений и утраты имущества и потери управляемости в отдельных социально значимых отраслях или на локальных рынках. Однако в случае выбора этого сценария до указанной даты, возможно, будет реализовать мероприятия, направленные на учёт прав на имущество и преобразование унитарных предприятий в хозяйственные общества или учреждения, где собственником выступает государство, либо коммерческая организация, для устранения административной нагрузки, указывают эксперты. Кроме того, к реализации такого сценария можно и нужно будет привлечь различные контролирующие и правоохранительные органы.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017).
2. Колобова Е.Ю. Методика анализа конкурентоспособности хозяйствующих субъектов кинопоказа // Петербургский экономический журнал: научно-практический рецензируемый журнал, 2015. –№2. – С. С 74- 80.
3. Колобова Е.Ю. Особенности управления государственными унитарными предприятиями// Научные преобразования в эпоху глобализации: сборник статей Международной научно - практической конференции (20 мая 2016 г., г. Курган). В 4 ч. Ч.1/ - Уфа: АЭТЕРНА, 2016. – 334 с. С 122-125.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 09.09.1999 № 1024 «О Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации» (ред. от 29.11.2000 г.).
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.12.1999 №1348 «О федеральных государственных унитарных предприятиях, основанных на праве хозяйственного ведения».
6. Реформа унитарных предприятий: проблемы и предложения [Электронный ресурс] URL: <http://open.gov.ru/events/5514748/> (дата обращения: 06.04.2016).
7. Суханов Е.А. Правовая форма экономических отношений. Методологические проблемы правоведения // Система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/sys/>.
8. Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (ред. от 23.05.2016).

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Каюмова Манижа Асомиддиновна

магистрант 1-го курса дневного отделения юридического факультета,
Российско-Таджикский (славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2230460

CONCEPT AND SIGNS OF A JOINT STOCK COMPANY UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Kayumova Manizha Asomiddinovna

Master of 1-year full-time course of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University,
734025, Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: (+992) 2230460

Аннотация. В статье рассматриваются особенности предпринимательской деятельности некоммерческих организаций по законодательству Республики Таджикистан. Выявляется, что предпринимательская деятельность некоммерческих организаций должна соответствовать двум условиям:

- служить достижению целей некоммерческой организации, то есть укреплять её материально-техническую базу, быть источником формирования имущества, используемого для целей организации, привлекать к труду членов организации, имеющих физические недостатки и лишенных возможности трудиться в обычных условиях (слепых, глухих), а также способствовать реализации прочих общественно полезных целей организации;
- соответствовать уставным целям некоммерческой организации и не выходить за рамки её уставной правоспособности.

Annotation. The article discusses the features of entrepreneurial activity of non-profit organizations under the legislation of the Republic of Tajikistan. It is revealed that the entrepreneurial activity of non-profit organizations must meet two conditions:

- serve the achievement of the goals of a non-profit organization, that is, strengthen its material and technical base, be a source of formation of property used for the purposes of the organization, attract to work members of the organization who have physical disabilities and are deprived of the opportunity to work in normal conditions (blind, deaf), and also contribute to the implementation of other socially beneficial goals of the organization;
- comply with the statutory goals of the non-profit organization and do not go beyond its statutory legal capacity

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, некоммерческие организации, получение прибыли, гражданское законодательство, общественно полезные цели.

Keywords: entrepreneurial activity, non-profit organizations, profit making, civil legislation, socially beneficial goals.

Согласно ст. 50 Гражданского кодекса РТ, под некоммерческой организацией понимается организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками.

Закрепляя за некоммерческой организацией специальную правоспособность, законодатель исходит из того, что предпринимательская деятельность не может являться основной деятельностью некоммерческих организаций. По справедливому замечанию М.В. Блошенко, «они создаются, в первую очередь, для общественно полезных целей, отодвигая коммерческие интересы на второй план. В противном случае это поставит под угрозу интересы учредителей, а также нормальное течение гражданского оборота» [1, 89]. Поэтому большинство некоммерческих организаций не приспособлены для осуществления серьезной предпринимательской деятельности. Их правовая природа и целевая направленность не имеют для этого должных предпосылок. Говоря о таких предпосылках, мы имеем ввиду такие правовые механизмы, как наличие уставного (складочного) капитала, гарантирующего

удовлетворение требований кредиторов, а также соответствующих органов с четким разделением полномочий, как это предусмотрено в отношении организаций корпоративного типа.

К тому же, как отмечается в юридической литературе, «если предпринимательская деятельность из вспомогательной превращается в основную деятельность, то это приводит к превращению некоммерческой организации в коммерческую» [2, 17].

Поэтому действующее законодательство Республики Таджикистан устанавливает ряд дополнительных требований к осуществлению предпринимательской деятельности некоммерческими организациями, соблюдение которых является для них обязательным.

Во-первых, как уже отмечалось, предпринимательская деятельность не должна быть основной целью деятельности некоммерческой организации, иначе она превращается в коммерческую (ч. 1 ст. 50 Гражданского кодекса РТ). По этому поводу Л.И. Якобсон совершенно правомерно указывает на «эластичность» условия о необходимости служения предпринимательской деятельности некоммерческой организации ее основной цели деятельности. При этом он делает ссылку на свободу некоммерческой организации при определении целей своей деятельности. На примере, общественного объединения он делает правильный вывод о том, что «если его деятельность в той или иной мере связана с получением прибыли, в этом случае распределение прибыли будет оформляться как выплата премий, вознаграждений за участие в руководящих органах и проводимых им мероприятий, предоставление услуг членам (участникам) и др.» [4, 44].

Во-вторых, в соответствии с положениями ч.4 ст. 50 Гражданского кодекса РТ, некоммерческие организации могут заниматься предпринимательской деятельностью лишь постольку, поскольку это необходимо для их уставных целей.

Иными словами, некоммерческие организации могут быть практически полноправными участниками рыночных отношений, получая прибыль за счет продажи товаров, оказания услуг и выполнения работ за определенную плату. Однако здесь очень важно сохранить основной профиль их деятельности для того, чтобы извлечение прибыли не превратилось для них в самоцель. Как правильно отмечает Т.И. Султонова, данное условие должно играть первостепенную роль в понимании природы некоммерческих организаций [3, 208].

Таким образом, предпринимательская деятельность некоммерческих организаций должна соответствовать двум условиям:

- служить достижению целей некоммерческой организации, то есть укреплять её материально-техническую базу, быть источником формирования имущества, используемого для целей организации, привлекать к труду членов организации, имеющих физические недостатки и лишенных возможности трудиться в обычных условиях (слепых, глухих), а также способствовать реализации прочих общественно полезных целей организации;
- соответствовать уставным целям некоммерческой организации и не выходить за рамки её уставной правоспособности.

Подобная формулировка повторяется во всех специальных законах, регулирующих деятельность отдельных видов некоммерческих организаций. Так, в соответствии со ст. 5 Закона РТ «Об общественных объединениях» общественное объединение представляет собой добровольное, самоуправляемое, некоммерческое объединение граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации целей, указанных в уставе общественного объединения.

Эти законодательные положения указывают на то, что некоммерческая организация может иметь только те гражданские права и обязанности, которые предусмотрены в её учредительных документах, а значит она в отличие от коммерческих организаций обладает специальной правоспособностью. Именно поэтому, согласно положениям ч.5 ст. 53 Гражданского кодекса РТ, в учредительных документах некоммерческих организаций должны быть определены предмет и цели деятельности юридического лица.

В соответствии со ст. 198 Гражданского кодекса РТ сделка, совершенная некоммерческой организацией в противоречии с целями деятельности, определенно ограниченными в его учредительных документах, может быть признана судом недействительной по иску этого юридического лица, его учредителя (участника) или государственного органа, осуществляющего контроль или надзор за деятельностью юридического лица, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о её незаконности.

Говоря об особенностях правосубъектности некоммерческих организаций, следует отметить, что законодательством могут предусматриваться ограничения в отношении некоторых некоммерческих организаций на осуществление предпринимательской деятельности. К примеру, согласно ст. 133 Гражданского кодекса РТ, ассоциации и союзы не вправе заниматься деятельностью, связанную с производством товаров или оказанием услуг. Если по решению участников на ассоциацию (союз) возлагается ведение предпринимательской деятельности, такая ассоциация (союз) подлежит преобразованию в хозяйственное общество или товарищество в порядке, предусмотренном Гражданским кодексом. Для осуществления предпринимательской деятельности ассоциации (союзы) вправе создавать хозяйственные общества или участвовать в них.

В силу ст. 14 Закона РТ «О политических партиях» в отношении их хозяйственной деятельности существуют следующие ограничения. Они вправе осуществлять только следующие виды предпринимательской деятельности: 1) информационную, рекламную и издательскую деятельности для пропаганды своих взглядов и идей, целей, задач и обнародования результатов своей деятельности; 2) изготовление и продажа сувенирной продукции с символикой и (или) наименованием политической партии; 3) сдача в аренду своего движимого и недвижимого имущества (за исключением денежных средств и ценных бумаг).

В законодательстве установлены также ограничения возможности участия некоммерческих организаций в отдельных обязательствах. Так, только коммерческие организации могут выступать в качестве финансовых агентов по договору финансирования под уступку денежного требования (ст. 845 Гражданского кодекса РТ), сторонами в договоре коммерческой концессии (ст. 958 Гражданского кодекса).

Такого рода ограничительные нормы направлены на то, чтобы оградить некоммерческие организации от излишней коммерциализации, чтобы предпринимательская деятельность не стала для них препятствием в осуществлении ими уставной деятельности, направленной на удовлетворение общественно полезных целей.

Несмотря на то, что перечисленные законодательные нормы указывают на ряд ограничений предпринимательской деятельности некоммерческих организаций, однако на самом деле в правоприменительной практике очень трудно разграничить предпринимательскую деятельность, которая отвечает целям деятельности некоммерческой организации.

Имущество и доходы, приобретаемые некоммерческими организациями в результате их предпринимательской деятельности, как правило, поступают в их собственность и учитываются на балансе организации. Исключение составляют доходы учреждений, полученные ими от предпринимательской деятельности, и приобретенное за счет этих доходов имущество, которые поступают в самостоятельное распоряжение учреждения и так же учитываются на отдельном балансе (п. 2 ст. 298 ГК). Любая коммерческая организация (кроме учреждения) отвечает по своим обязательствам имуществом, находящимся в ее собственности. Учреждение отвечает по своим обязательствам находящимися в его распоряжении денежными средствами. При их недостаточности субсидиарную ответственность по его обязательствам несет собственник соответствующего имущества (п. 2 ст. 120 ГК, ст. 9 Закона о некоммерческих организациях).

Что касается распределения прибыли некоммерческих организаций, полученной в результате осуществления предпринимательской деятельности, то по общему правилу она не распределяется между учредителями (членами) некоммерческих организаций, а направляется на достижение уставных целей и на дальнейшее развитие организации.

Список литературы

1. Блошенко М.В. Ограничения права на осуществление предпринимательской деятельности некоммерческих организаций // Общество и право. - 2011.- №5. - С. 89 - 92.
2. Гросул Ю.В. О праве некоммерческих организаций на занятие предпринимательской деятельностью // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». - 2013. - № 3. - С. 16 - 18.
3. Предпринимательское право Республики Таджикистан: учебник / А.В.Золотухин, Т.И. Султонова. – Душанбе: «Эр-граф», 2018. – С. 208.

4. Якобсон Л.И. Некоммерческий сектор экономики: проблемы правового регулирования // Государство и право. - 1992. - № 3. - С. 42-48.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Шерматова Ирода Муродовна

Магистрант 1-го обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734000, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: +992 98-889-45-54, e-mail: shermatova-iroda@mail.ru

LEGAL NATURE OF MONEY

Shermatova Iroda Murodovna

first-year master's student full-time of the law faculty
Russian-Tajik (Slavonic) university
734000, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: +992 98-889-45-54, e-mail: shermatova-iroda@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается, правовая природа денежных средств. Автором раскрывается правовая природа денег так как денежные средства имеют важное значение в нашей экономике, и их правовая природа является основой для регулирования финансовых операций и защиты интересов различных сторон. В данной статье рассматривается правовой статус денежных средств, их определение и классификация, а также основные принципы и нормы, регулирующие их использование и обращение. Важно понимать правовые аспекты денежных средств, чтобы эффективно управлять своими финансами и соблюдать соответствующие правила и нормы.

Annotation. This article discusses the legal nature of funds. The author will reveal the legal nature of money since money is important in our economy, and its legal nature is the basis for regulating financial transactions and protecting the interests of various parties. This article discusses the legal status of funds, their definition and classification, as well as the basic principles and norms governing their use and circulation. It is important to understand the legal aspects of money in order to effectively manage your finances and comply with relevant rules and regulations.

Ключевые слова: Права, деньги, наличный и безналичный расчеты, электронные деньги государство, экономика, имущество и обязательство.

Key words: Rights, money, cash and non-cash payments, electronic money, state, economy, property and liability.

Законодательство многих стран, в том числе и России, вообще не предусматривает понятия "деньги", что объясняется сложностью и универсальностью данного понятия, а также изменчивостью его содержания. В отличие от экономики, предмет юридического изучения денег часто сводится к одному понятию – законному платежному средству – эта терминология знакома практически каждому современному правовому государству. Наиболее важные и фундаментальные работы в отечественной цивилизации о деньгах и денежных обязательствах Л. А. Лунц «деньги и денежные обязательства». «Правовые исследования» (1927) и "денежные обязательства в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран" (1948).

По мнению Л. А. Лунца: «что, гражданский транспорт создает средство обращения, а государство является законным платежным средством, то есть чрезмерным и обязательным средством исполнения обязательств». В нормальных условиях средство обращения в обществе становится законным платежным средством, и наоборот. Л. А. Лунц указывает: «что невозможно дать единое юридическое понятие денег из-за платежного отношения средства» [8, 3-57] В то же время Л. А. Лунц, другой ученый, проводивший различие между первым понятием денег, широко распространенным в праве и экономике, и вторым понятием денег в особом юридическом смысле. Это относится Г.Хартману. Проанализировать все

установленные правовые нормы, касающиеся денег как особого вида объектов гражданского права. Г. Хартманн приходит к выводу: «что эти нормы обладают способностью соответствовать всем остальным экономическим выгодам, и поэтому фактически служат в гражданском праве средством накопления и обращения активов. к ним относятся не только знаки, имеющие платежную силу в соответствии с законом, но и банкноты, которые действительно находятся в обращении и дают общее представление о деньгах Г. Хартманна» [8, 45] В особом юридическом смысле деньги — это вещи, которым предоставляется возможность служить средством погашения обязательств во всех возможных случаях исполнения, не освобожденных законом должника [10, 34-35]

В настоящее время внимание в юридическом исследовании денег уделяется анализу отношений в банковской и финансовой сферах, что дает новый взгляд на содержание термина "деньги". В частности, одним из спорных вопросов российского гражданского законодательства является вопрос о правовой природе безналичных денег: являются ли они деньгами и можно ли считать безналичные деньги, выраженные в рублях, законным платежным средством? Также в связи с увеличением оборота активов и усилением Института электронных денег в российском законодательстве встает вопрос об их правовом характере и правопорядке. Федеральный закон от 02.07.2013 N 142-ФЗ " О внесении изменения в часть 3 части I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5] В статью 128 ГК РФ внесены изменения, в том числе и в отношении денег как объекта гражданских прав. Статья 128 ГК РФ приводится в следующей редакции: "объектами гражданских прав являются денежные средства и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, безналичные ценные бумаги, имущественные права, результаты труда и оказания услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, нематериальные блага. "Отныне наличные деньги будут относиться к вещам, а безналичные - к иному имуществу, включая безналичные денежные средства, безналичные ценные бумаги, права собственности, результаты труда и услуг, защищенные результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, нематериальные блага. "После этого наличные деньги будут принадлежать вещам, а безналичные деньги-другому имуществу. Таким образом, согласно ст. 142-ФЗ, единая категория "деньги", содержащаяся в предыдущей редакции статьи 128 ГК РФ, [2] делится на два самостоятельных объекта: наличные деньги и безналичные деньги. Законодатель указал на тенденцию отделения гражданских прав от денег как единого объекта и на изменения в правовой системе, связанные с деньгами. Принятие этих поправок в ГК является логическим следствием доктринальных воззрений ученых-правоведов, которые считают, что правовая система денег зависит от того, какое имущество выполняет функцию денег. Так, анализируя историю происхождения и эволюции денег, Л.Г. Ефимова приходит к выводу: «что говорить о правовой природе денег вообще невозможно, можно лишь обсудить правовую природу и соответствующий правовой режим конкретного вида активов, выполняющих функции денег» [6, 181-197] Этот вывод Л.Г. Ефимовой поддерживает В.А. Лапач и ряд других российских учёных-юристов [7, 389] В целом, с изложенной позицией хотелось бы согласиться: «что, на наш взгляд, неразумно в статье 128 ГК РФ различать понятия "денежные средства" и "денежные переводы". Как упоминалось ранее, различные виды собственности могут выполнять денежные функции в различных правовых условиях, но это не означает, что потеря материальных свойств превращает "деньги" в "наличные деньги"...» Однако систематическое использование этих понятий в других законах также невозможно. Так, в Федеральном законе от 10.07.2002 г. N 86-ФЗ" О Центральном банке Российской Федерации [3] (Банке России) "термины" наличные деньги "(ст. 4, 29, 34) и" наличные деньги " используются на одних и тех же основаниях. Сторонники позиции, разделяющей понятия" деньги " и "банкротство", не приводят никаких убедительных аргументов в пользу такой позиции. Таким образом, термины" деньги "и" наличные " используются как эквиваленты. В современной русской цивилизации существуют несколько иные представления о понятии денег, вытекающие из определенной денежной теории. В.А. Некоторые исследователи, такие как Белов, рассматривают: «что, деньги только как деньги, которые являются чем-то законным. Другая часть ученых-правоведов, так или иначе затрагивающих вопрос о понятии и правовой природе денег, не говорит об общем понятии денег, а скорее определяет правовую систему конкретных форм денег: наличных и безналичных расчетов» Ф. Шершеневич, А. В. Бенедиктов, Е. А. Суханов. Третья группа

исследователей, в частности Л. А. Новоселова, К. Т. Трофимова, О. М. Олейник, несмотря на разные взгляды этих ученых на правовое регулирование тех или иных форм денег. Считают: «что, деньги-единственный объект гражданских прав. В статье 128 ГК РФ слово "деньги" не используется, вместо этого речь идет о наличных и безналичных деньгах. В статье 140 ГК РФ используется термин "деньги". Статьи 128 и 140 ГК РФ [2] Он приходит к четкому выводу, что деньги — это общее понятие как для наличных, так и для безналичных денег.» Однако такая логическая структура не может быть правомерной, так как для установления общих отношений объекты должны иметь единый характер, в данном случае обладать одинаковыми правовыми свойствами. Однако из содержания статей 128 и 140 ГК РФ следует, что это разные категории ордеров: наличные и безналичные деньги являются объектом гражданских прав, а деньги мы считаем, что в российском гражданском законодательстве существует следующее юридическое понятие денег, вытекающее из статей 128 и 140 ГК РФ. Категории, обсуждаемые в статьях 128 и 140 Гражданского кодекса, не идентичны, поскольку это разные категории: статья 140 относится к деньгам в юридическом смысле, а статья 128-к видам имущества, которые служат деньгами. Согласно статье 140 ГК, валюта является денежной единицей независимо от формы носителя, на котором она "написана". Статья 140 ГК содержит термин "денежная единица", а не валюта.[2] При этом соотношение этих терминов в законодательстве неоднозначно. Статья 86 федерального закона от 27 июля 2002 г. № 10-ФЗ». О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) "устанавливает знак равенства между" валютой "официальной денежной единицей" [3] Следовательно валюта здесь является более узким термином, чем валюта, поскольку существуют "другие валюты". Согласно статье 317 ГК РФ, ГК РФ использует термин "денежная единица" только в отношении условных денежных единиц, валюта относится только к государственным денежным единицам, а термин "денежная единица" понимается в более широком смысле, он также включает условные валюты. Когда мы говорим о деньгах как о денежной единице, мы имеем в виду только государственную валюту. Таким образом, деньги выступают в юридическом смысле как идеальная субстанция-денежная единица. В то же время этому человеку нужен инструмент для объединения определенного количества денежных единиц, доступных конкретному человеку. Такими носителями являются виды имущества, являющиеся особыми объектами гражданских прав: банкноты и монеты (наличные деньги), право специального требования, выраженное в записи на банковском счете (безналичные деньги), и право, выраженное на счете оператора электронных денег без открытия банка (электронные деньги). Такой объект гражданских прав иначе называют денежной формой денег в юридическом смысле, как денежная единица в чистом виде без юридической ссылки на конкретный объект гражданских прав-денежная форма проявляется только как обязательственное право и является предметом потребления денег. Предметом абсолютных правонарушений, закрепляющих за конкретным лицом право собственности на деньги, являются не деньги в юридическом смысле, а определение вида собственности, составляющей денежные формы: наличные, безналичные и электронные деньги. Таким образом, термины денежные, безналичные и электронные деньги призваны объединить в гражданском праве право человека на получение денег, реализуемых в качестве имущества, с особенностями правовой природы тех или иных форм денег, а общая категория "деньги" предназначена для использования в качестве объекта денежного обязательства, поскольку такое обязательство не может считаться законным его можно считать законным. это делается независимо от формы денег. Такой подход к правовой природе денег и отношение понятия "деньги" к понятиям "наличные деньги", "безналичные деньги" и "электронные деньги", с одной стороны, и обязательный дуализм материального и денежного, с другой. понимание денег, вытекающих из этого, только как "наличные деньги", "безналичные деньги" и "электронные деньги", с другой стороны, позволяет преодолеть противоречие, вытекающее из материального и обязательного дуализма денег. и от понимания денег только как вещей и как самостоятельного объекта гражданских прав. Теоретически существует два вида денег: бумажные и нефинансовые. Бумажные деньги (лат. Указ, распоряжение) - денежные средства, являющиеся законным платежным средством в отдельном государстве, и номинальная стоимость которых определяется, гарантируется и гарантируется государством. В этом случае такие деньги не имеют внутренней стоимости или не сопоставимы с их номинальной стоимостью. Электронные деньги также являются платежным средством, и оплата ими прекращает денежные обязательства плательщика перед покупателем средств

[12, 30-36] не к видам имущества, выполняющим функции денег, а к деньгам как денежной единице. Пункт 1 статьи 140 ГК РФ гласит: "рубль является законным платежным средством, которое должно приниматься по номинальной стоимости на всей территории Российской Федерации [2]. Это правило не указывает, в какой форме должен быть рубль, чтобы стать законным платежным средством. Форма денег в данном случае не имеет значения, поскольку денежная единица может существовать в различных формах, но это не влияет на цели, которые ставит перед собой государство при предъявлении законного платежного средства. Поэтому дискуссию о том, являются ли безналичные деньги и электронные деньги, выраженные в российских рублях, законным платежным средством, мы считаем необоснованной. Безналичные деньги и электронные деньги являются законным платежным средством в России в соответствии со статьей 140 ГК РФ, если они выражены в российских рублях. В российском законодательстве установлены достаточно строгие валютные ограничения [2]. В других странах, например, в Нидерландах и США, понятие законного платежного средства более мягкое, чем в русском: в этих странах вопрос о законном платежном средстве по обычным сделкам вообще не ставится, так как стороны имеют право сами договариваться о деньгах, которые будут предметом сделки. Согласно ст. 128 ГК наличные и безналичные денежные средства являются собственностью совместно с другими объектами, а также относятся к электронным средствам, не указанным в ст. 128 ГК РФ. В статье 128 ГК [2] делается вывод о том, что в различных ее нормах термин "имущество" употребляется в разных значениях: как отдельные вещи, так и их совокупность; вещи, деньги и ценные бумаги; вышеуказанные объекты и имущественные права; средства, деньги, ценные бумаги, имущественные права, а также обязательства субъекта; в некоторых случаях в состав имущества включаются следующие элементы: предприятия и иные объекты имущества, отдельные объекты, относящиеся к ценным бумагам недвижимости, права, подтвержденные недокументированными ценными бумагами, исключительные права и иное имущество, при этом деньги (в аналогичном смысле не являются частью имущества принадлежащий) [11, 12-11].

При этом, как известно, деньги — это не только юридическая, но и экономическая категория. Особенности экономического содержания денег неизбежно ведут к имущественным правам, предметом которых являются деньги. Эти денежные формы являются неопределенными, безусловными и абстрактными правами, требования носят особый характер и подлежат обязательному правовому регулированию. Правовая система таких прав требования особым образом отличается от обычного права требования, как это определено в статье 307 ГК РФ. Эти особые права позволяют персонализировать средства в соответствии с определенными характеристиками и учитывать их на счете конкретного лица, тем самым определяя принадлежность средств этому лицу, характеризуя эти права как абсолютные права. Несмотря на схожую правовую природу электронных и безналичных денег, их правовой режим отличается. Основное различие между электронными деньгами и безналичными деньгами заключается в том, что электронные деньги учитываются без открытия банковского счета, что означает разные источники права и разные права и обязанности сторон в правоотношениях, связанных с их использованием в качестве платежного средства. При перечислении средств в банк новый объект договором банковского счета не создается—деньги просто отражаются на банковском счете. При переводе денег создается новый объект (электронные деньги) для выдачи электронных денег оператору электронных денег, которые отражаются на виртуальном счете. В этом случае средства, перечисляемые в качестве финансовой поддержки для электронных денег, становятся доступными оператору. Таким образом, в отличие от безналичных средств, права на электронные деньги не делятся: оператор не может использовать электронные деньги на виртуальном счете клиента, а клиент не может использовать средства, предоставленные оператору, в качестве финансовой поддержки электронных денег. Все формы денег характеризуются тем, что являются носителями денежных единиц, которые могут выступать в качестве законного платежного средства. Деньги оценивают не только материальные, но и нематериальные блага, в частности, возмещается моральный ущерб, возмещается ущерб жизни и здоровью, оценивается объект искусства и т.д. деньги являются собственностью только по форме (т. е. юридически), но их назначение предполагает их участие не только в имущественных, но и в неимущественных отношениях. Таким образом, деньгам можно дать следующее общее определение — это платежное средство, служащее для определения

стоимости товаров в хозяйственном обороте и выраженное в денежной единице государства или иного государственно-юридического лица. Сущность денег определяется не только законом, но и экономикой, поэтому деньги — это экономико-правовая категория, придающая им особый статус института права и, следовательно, отражающаяся в регулировании отношений, связанных с денежным обращением. На основании положений, определенных в науке гражданского права. ГК РФ понятие денег используется и в других отраслях права: конституционной, финансовой, трудовой, административной, уголовной и других. Поэтому понятие денег носит общий характер, т. он не делится на общие для всех отраслей права и соответствующие отраслевые понятия в каждой отрасли права, в которых используется категория " деньги.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (ред. От 25.12.1993г №1845) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru (дата обращения: 25.09.2023).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238-239; № 23, 24, 25, 26. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru (дата обращения: 20.09.2023).
3. Федеральный закон от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Российская газета. 2002. № 127. 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru (дата обращения: 23.09.2023).
4. Федеральный закон от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2013. № 145. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru (дата обращения: 22.09.2023).
5. Ефимова Л. Г. Банковские сделки: право и практика. Монография. – М.: Издательство НИМП, 2001. - С. 181 – 197.
6. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. – Санкт-Петербург: Издательство Юридический Центр ПРЕСС, 2002. - С. 389.
7. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. – М.: Статут. 2004. С. 3-57, С. 40 - 45.
8. Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. - 2-е изд., испр. - М.: Статут, 2004. – С. 30-32.
9. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. – М.: Статут. 2004. - С. 34-35.
10. Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. М.: Деловой двор, 2010. С. 12-15.
11. Овсейко С. Юридическая природа электронных денег // Юрист. 2007. № 9. – С. 30-36.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И
СРАВНИТЕЛЬНОЕ
ПРАВОВЕДЕНИЕ

**СОВЕТ ООН ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВООЗАЩИТНОЙ СИСТЕМЕ**

Лютфиллозода Таманно Лютфилло

магистрант 1-го года обучения юридического факультета
Российско-Таджикского (Славянского) университета
734000, Республики Таджикистан, г. Душанбе, ул. Мирзо Турсунзаде, 30.
тел.: +992 880430030, e – mail: tamannolutfullozoda@gmail.com

**UN HUMAN RIGHTS COUNCIL IN THE MODERN INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS
SYSTEM**

Lyutfillozoda Tamanno Lyutfillo

1st year master's student of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734000, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Mirzo Tursunzade str., 30.
tel.: +992 880430030, e-mail: tamannolutfullozoda@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается Совет ООН по правам человека как международный механизм защиты прав человека, порядок деятельности данного Совета.

Annotation. This article examines the UN Human Rights Council as an international mechanism for the protection of human rights, the procedure for the activities of this Council.

Ключевые слова: права человека; правозащитная система; Генеральная Ассамблея; универсальный периодический обзор; сотрудничество.

Keywords: human rights; human rights system; General Assembly; universal periodic review; cooperation.

Совет по правам человека – межправительственный орган в системе Организации Объединенных Наций, который отвечает за содействие всеобщему уважению и защите всех прав человека на мировой арене и за рассмотрение случаи, связанных с нарушением прав человека, а также подготовку соответствующих рекомендаций.

Основным направлением его работы является помощь государствам по выполнению обязательств в области прав человека на основе диалога, создания потенциала и предоставления технической помощи. Совет предоставляет рекомендации Генеральной Ассамблее ООН в отношении дальнейшего развития международного права прав человека [1].

Совет по правам человека был создан в соответствии с Резолюцией 60/251 Генеральной Ассамблеи ООН от 15.03.2006 г. Совет стал продолжателем Комиссии в деле защиты прав человека. Так, в резолюции отмечалось, что Совет должен «взять на себя роль и обязанности КПЧ и служить форумом для обсуждения тематических вопросов по всем правам человека»; «сохранить и развить достижений КПЧ и исправить ее недостатки», среди которых – практика «двойных стандартов и политизация». [2] Таким образом, одной из целей реформы КПЧ можно считать осознанную большинством стран необходимость модернизировать, приспособливать и, таким образом, «укрепить механизм ООН в области прав человека в целях обеспечения пользования всеми правами – гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными» – на объективной и недискриминационной основе.

В субстантивной части резолюции 60/251 Генеральной Ассамблеи закреплены вопросы деятельности Совет по правам человека, порядок избрания его членов, также статус данного Совета. Так, Совет по правам человека является вспомогательным органом Генеральной Ассамблеи ООН. В его состав входят 47 государств, которые избираются в соответствии с принципом справедливого географического распределения и которые в период своего членства обязаны пройти универсальный периодический обзор (УПО). [4,2]

В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН Совет выполняет следующие функции:

- укрепление системы поощрения и защиты прав человека во всем мире;
- обсуждение ситуаций, связанных с нарушением прав человека;

- вынесение соответствующих рекомендаций;
- реагирование на чрезвычайные ситуации в области прав человека.

Вспомогательными органами Совета по правам человека являются:

- универсальный периодический обзор (УПО), который представляет собой механизм обзора информации по правам человека во всех государствах-членах ООН. УПО предоставляет возможность каждой стране информировать о предпринятых ею мерах с целью улучшения положения в области прав человека, а также выполнять свои обязательства в данной сфере;

- консультативный комитет, состоящий из 18 экспертов, является своего рода "мозговым" центром при Совете;

- процедура рассмотрения жалоб, в рамках которой Совет по правам человека реагирует на систематические и достоверно подтвержденные случаи всех прав человека и основных свобод, совершаемых в любой точке мира и при любых обстоятельствах.

Эти органы в основном занимаются проведением исследований, предоставлением научных консультаций или выявлением наилучших практик. Органы ежегодно собираются и предоставляют отчет Совету.

Совет является важным инструментом защиты прав человека в международных отношениях. С помощью данного Совета государства мира могут улучшать положение прав человека на своей территории.

Следует отметить что Совет по правам человека иногда критикуется за то, что в его состав входят (входили) те страны, которые нарушают или нарушали права человека, в частности Китай, Саудовская Аравия, Египет, Куба. Подобная критика звучала от таких неправительственных организаций (НПО), как Freedom House, Human Rights Watch и др.[3,5]

В то же время, несмотря на подобную критику, Совет ООН по правам человека продолжает вносить существенный вклад в защиту прав человека во всем мире. Главным, достижением СПЧ является механизм универсального периодического обзора.

Механизм УПО позволяет Совету следить за соблюдением прав человека на национальном уровне, а также за тем, как страны выполняют рекомендации СПЧ по улучшению своего правозащитного потенциала. Порядок прохождения УПО закреплен и детализирован в соответствии с резолюциями 5/1, 16/21, а также решением 17/119 СПЧ. Согласно резолюции 5/1, целью УПО является выполнение обязательств государства в области прав человека и оценка позитивных изменений и проблем, стоящих перед государством. УПО проводится на основе трех документов: 1) доклада, подготовленного государством после проведения широких консультаций на национальном уровне со всеми заинтересованными сторонами (к ним относят национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека (НУПЗПЧ); 2) доклада ООН; 3) сведений, подготовленных третьими государствами и заинтересованными сторонами. К сильным сторонам УПО можно отнести его обязательный характер: ни одно из государств не может от него отказаться. В этом, собственно, можно констатировать, и заключается принцип равенства государств. И следует отметить, что все стороны воспринимают процедуру УПО весьма серьезно.

Кроме того, УПО – это целостный механизм, ибо в его нормативной основе лежит Всеобщая декларация прав человека, которая включает в себя все основные категории прав и свобод. Поэтому в отличие от какого-либо другого механизма процедура УПО всегда будет охватывать более широкий спектр обязательств в сфере прав человека. [1,128]

Наконец, УПО является периодическим обзором: все государства обязаны проходить обзор один раз в четыре года. Это дает возможность спросить с рассматриваемого государства о выполнении им взятых на себя обязательств на предыдущих сессиях УПО.

Совет может принимать проекты с заносимым в отчет о заседании голосованием или без него. Для принятия проекта путем голосования он должен получить поддержку большинства членов Совета. Голосовать могут только члены Совета. Решения Совета имеют рекомендательный характер. [7,5]

Сотрудники Управления Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ) выполняют функции секретариата Совета, оказывая его членам техническую и административную поддержку.

Совет по правам человека ООН представляет собой новый этап сотрудничества в области прав человека. Обладая более продолжительными и частыми сессиями,

возможностью (обязанностью) докладывать непосредственно Генеральной Ассамблее, обязанностью проводить обзор соблюдения всеми государствами (а не выборочно) их обязанностей и обязательств в области прав человека, он может превратиться в более сильный и эффективный механизм, чем Комиссия по правам человека. С другой стороны, нельзя забывать, что полномочия и функции, которыми он наделен, отражают лишь часть реформы.[5] Главная ответственность ложится на сами государства, которые должны выразить свое желание «реально» наделить Совет полномочиями в соответствии с его мандатом. Также стоит подчеркнуть, что международные институты не вправе каким-либо образом подменять государства в лице их органов, осуществляющих деятельность в области прав человека, а могут лишь содействовать государствам в улучшении состояния в области прав человека.

Республика Таджикистан, будучи привержена универсальным демократическим ценностям, включая обеспечение прав и свобод человека, активно участвует в работе Совете ООН по правам человека. Выступая за равноправное и взаимоуважительное сотрудничество в сфере поощрения и защиты прав человека в соответствии с принципами международного права, Таджикистан борется с проблемами нарушения прав человека.

Список литературы

1. Журнал «Евразийский Союз Ученых (ЕСУ)», № 3 (12), 2015 / ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ. С. 126-130.
2. Ляпичев С. Совет ООН по правам человека: происхождение и эволюция // Международная жизнь. 2010. № 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/309> (дата обращения: 09.11.2023г.).
3. Осавелюк А.М. Проблема защиты прав человека современным международным правом // Закон и право. 2010. № 5. С. 5-6.
4. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-ecolog.ru/docs/AyRer570jU9z0gl-tU32u> (дата обращения: 15.11.2023г.).
5. Совет по правам человека не может быть местом, где царит предвзятость. 25.01.2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 10.11.2023г.).
6. Устав ООН // ООН. Официальный сайт. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (дата обращения: 08.11.2023г.).
7. Якобсен А.Ф. Универсальный Периодический обзор. Вводный курс. Датский институт по правам человека // Сутяжник Пресс. Информационное агентство. 2010. URL: <http://sutyajnik.ru/documents/4229.pdf> (дата обращения: 14.11.2023г.).

К ВОПРОСУ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ

Узакова Малика Расулджоновна

магистрант 2-го года обучения юридического факультета

Российско-Таджикский (Славянский) Университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

тел.: 2276740; e-mail: uzakova-12@gmail.com

ON THE ADOPTION OF RUSSIAN CHILDREN BY FOREIGN NATIONALS

Uzakova Malika Rasuljonovna

2-rd year graduate student of the Faculty of Law

Russian-Tajik (Slavonic) University

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30

tel.: 2276740; e-mail: uzakova-12@gmail.com

Аннотация: В статье рассмотрено международное усыновление российских детей. Автором сделан вывод о том, что сложность самого института усыновления, так и с

внутренней политикой каждого конкретного государства на определенном этапе его развития.

Abstract: *The article considers the international adoption of Russian children. The author concluded that the complexity of the very institution of adoption, as well as with the domestic policy of each particular state at a certain stage of its development.*

Ключевые слова: *право, иностранные граждане, дети, семейное законодательство, международное усыновление.*

Key words: *law, foreign citizens, child, family law, international adoption.*

Цель усыновления состоит не только в том, чтобы ребенок приобрел свою семью, но и в том, чтобы интересы ребенка были максимально учтены в результате усыновления. Категория «интересы ребенка» включает в себя такие структурные элементы, как культурная, этническая, национальная принадлежность, которые должны быть сохранены при усыновлении. В противном случае усыновление может быть отменено, как «не отвечающее интересам усыновленного ребенка».

Согласно части 1 статьи 165 Семейного кодекса России «усыновление (удочерение), в том числе отмена усыновления, на территории Российской Федерации иностранными гражданами или лицами без гражданства ребенка, являющегося гражданином Российской Федерации, производится в соответствии с законодательством государства, гражданином которого является усыновитель (при усыновлении (удочерении) ребенка лицом без гражданства – в соответствии с законодательством государства, в котором это лицо имеет постоянное место жительства) на момент подачи заявления об усыновлении (удочерении) или об отмене усыновления».

И в данном случае, суд при рассмотрении дел об иностранном усыновлении сталкиваются с проблемой – невозможностью ознакомления с нормативной базой государства проживания иностранного усыновителя, а также судебной или иной практикой. Данная ситуация приводит к тому, что суды черпают информацию из неофициальных источников, и впоследствии принимают решение все равно по законодательству России, в разрез с вышеуказанной нормой.

Продолжая тему законодательства по вопросам усыновления, стоит обратить внимание, что нормативная база, регулирующая данные общественные отношения, одной страны может существенно отличаться от нормативной базы другой страны.

Так, например, в Дании, Канаде, Испании и некоторых других странах разрешены однополые браки. Со вступлением в однополый брак, супруги также приобретают и новые права, к которым, помимо прочего, относится и прием на воспитание в семью детей – усыновление.

И если брать в расчет смысл части 1 статьи 165 Семейного кодекса России, что иностранное усыновление производится по законодательству страны усыновителя, ситуация становится насовсем понятной.

В нашей стране нет дискриминации по сексуальной ориентации среди кандидатов в усыновители, т.к. прямой нормы, запрещающей лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией становиться усыновителями, нет.

Семейный кодекс России вводит лишь запрет на приобретение статуса усыновителя только лицам, состоящим в зарегистрированном браке между лицами одного пола.

Перечень документов, которые необходимо подготовить и предоставить при усыновлении, содержит в себе и свидетельство о заключении брака, при условии, если усыновителями планирует стать пара. В связи с тем, что в Российской Федерации под браком понимается только союз мужчины и женщины, однополая пара, живущая совместно, которая ведет общий быт, может приобрести детско-родительские отношения, если усыновителем станет лишь один из них (часть 4 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации). И это, на наш взгляд, идет в разрез с основами правопорядка в России. Кроме того, уходя от правовой составляющей вопроса, стоит отметить, что ни для кого ни секрет, что дети стараются подражать своим родителям, что неоднократно доказывалось как отечественными, так и зарубежными психологами, и педагогами.

Как уже было установлено в рамках данного исследования, семейное законодательство России запрещает любую посредническую деятельность в сфере усыновления.

Безусловно, защита есть, и она осуществляется консульскими учреждениями, где дети стоят на учете, однако полномочия консульских учреждений ограничиваются консульским округом, что опять-таки не дает полноценно осуществить контроль за жизнью и здоровьем усыновленного ребенка.

Кроме того, проверка иностранных граждан, проводимая при процедуре усыновления, не дает никаких гарантий того, что в будущем они не будут игнорировать требования российского и международного законодательства, что говорит о важности и остроте вопроса усовершенствования контроля за иностранными усыновителями детей – граждан России.

На Западе усыновление – это нормальное явление, потому что всегда престижнее иметь семью и детей, если даже они не свои, нежели оставаться бездетным. К тому же перед усыновителями не возникает того ужасного психологического барьера, который приходится преодолевать нашим соотечественникам. От усыновленного ребенка не будут скрывать, что он в семье не родной.

В России же усыновители предпринимают все возможные усилия, направленные на сохранение тайны усыновления: переезжают в другие районы и города, инсценируют беременность, только чтобы никто не заподозрил, что ребенок у них не родной. Страх усыновителей оказаться «разоблаченными» в кругу знакомых, друзей, других лиц оказывается сильнее по сравнению с желанием создать ребенку нормальные психологические условия для его адаптации в новой семье.

В настоящее время, отношении общества к усыновлению меняется, что позволяет обеспечить благоприятный социальный климат для усыновленных детей и сделать их адаптацию в новой семье более успешной [1, 39].

Подводя итог, стоит отметить, что суды при рассмотрении дел о международном усыновлении часто сталкиваются с недостаточно четким правовым регулированием или же с неверным толкованием норм закона. По этой причине процедура международного усыновления нуждается в серьезной оптимизации, чтобы не только люди готовые к усыновлению и желающие этого могли реализовать свои права и возможности, но и те, кто не готов к этому, и тем более представляют непосредственную угрозу жизни и здоровью детей, не смогли усыновить их. Проблемы и сложности, связанные с усыновлением детей, существовали на всех исторических этапах становления этого института и были присущи практически всем правовым системам. Это связано как со сложностью самого института усыновления, так и с внутренней политикой каждого конкретного государства на определенном этапе его развития. Существующим уровнем развития законодательной техники, накопленном и обобщенном опыте решения практических задач в области усыновления. Меняющейся геополитической обстановкой в мире.

Вскрытие основных проблем, связанных с существованием и функционированием института усыновления (удочерения) в России, позволило определить первоочередные задачи, стоящие перед российским обществом на пути совершенствования данного правового института, выявить наиболее общие тенденции, наметившиеся в области международного усыновления [2, 8].

В первую очередь, это сближение сотрудничества государств, в сфере международного усыновления. За сравнительно небольшой промежуток времени было принято множество международно-правовых актов, подписано договоров и соглашений по оказанию правовой помощи при рассмотрении дел об усыновлении. Россия присоединилась ко многим из них.

С принятием законодательства об уголовной ответственности за торговлю детьми, за незаконные действия по усыновлению стало вскрываться все больше случаев нарушения законодательства в области охраны и защиты прав усыновленных детей, криминализации этой сферы. Частыми становятся случаи негуманного, а порой бесчеловечного обращения иностранных граждан с усыновленными ими российскими детьми.

Проведенное в рамках диссертационной работы исследование позволило прийти к следующим выводам. Для повышения эффективности работы органов и должностных лиц Российской Федерации, располагающих соответствующей компетенцией в области усыновления, необходимо налаживание контакта с международными организациями и представительствами, находящимися на территории РФ, оказание взаимной помощи в вопросах усыновления (удочерения).

Дальнейшее совершенствование действующего законодательства, приведение его в соответствие с потребностями российского общества и требованиями международного законодательства.

Необходимо развитие реальной государственной поддержки в отношении семей, усыновивших ребенка, адресная социальная помощь усыновителям, а также информационно-разъяснительная работа (пропаганда), направленная на усыновление детей-сирот россиянами.

Нормы, регулирующие процедуру усыновления, нуждаются в конкретизации в части определения правового статуса представителей агентств, участвующих в процессе усыновления, а также обеспечения права на получение полной, достоверной и своевременной информации о детях усыновителями.

Сегодня, как никогда, необходимо обеспечивать благоприятный социальный климат для усыновленных детей и сделать их адаптацию в новой семье более успешной.

В завершение сказанного, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что именно усыновление дает возможность создать ребенку максимально близкие к семейным условиям жизни и воспитания. А реализация на практике новых положений российского законодательства, направленных на защиту прав и законных интересов детей при усыновлении, позволит избежать злоупотреблений в этой важной социальной сфере деятельности государства, а главное – поможет детям под контролем суда с учетом их интересов обрести нормальную полноценную семью.

Список литературы

1. Шангареев А.Т. О международном усыновлении в Российской Федерации // Социально-политические науки. – 2013. – № 2. – С. 37-40.
2. Шерстнева Н.С. Соотношение международно-правовых актов и семейного законодательства Российской Федерации в регулировании усыновления при наличии иностранного элемента // Международное публичное и частное право. – 2009. – № 4. – С. 6-14.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 15.12.2023. Подписано в печать 16.12.2023.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Услов. печ. л.9.
Тираж 100 экз. Заказ № 210.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсун-заде, 30